

Военно- ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

В НОМЕРЕ:

ДРУЖБА НАРОДОВ СССР

ДИСКУССИЯ О НАЧАЛЬНОМ ПЕРИОДЕ ВОЙНЫ

**ВОССТАНОВЛЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ФРОНТА
ОБОРОНЫ**

НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ НАПРАВЛЕНИИ

К 45-ЛЕТИЮ КУРСКОЙ БИТВЫ

**БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПОДВОДНИКОВ-
ЧЕРНОМОРЦЕВ**

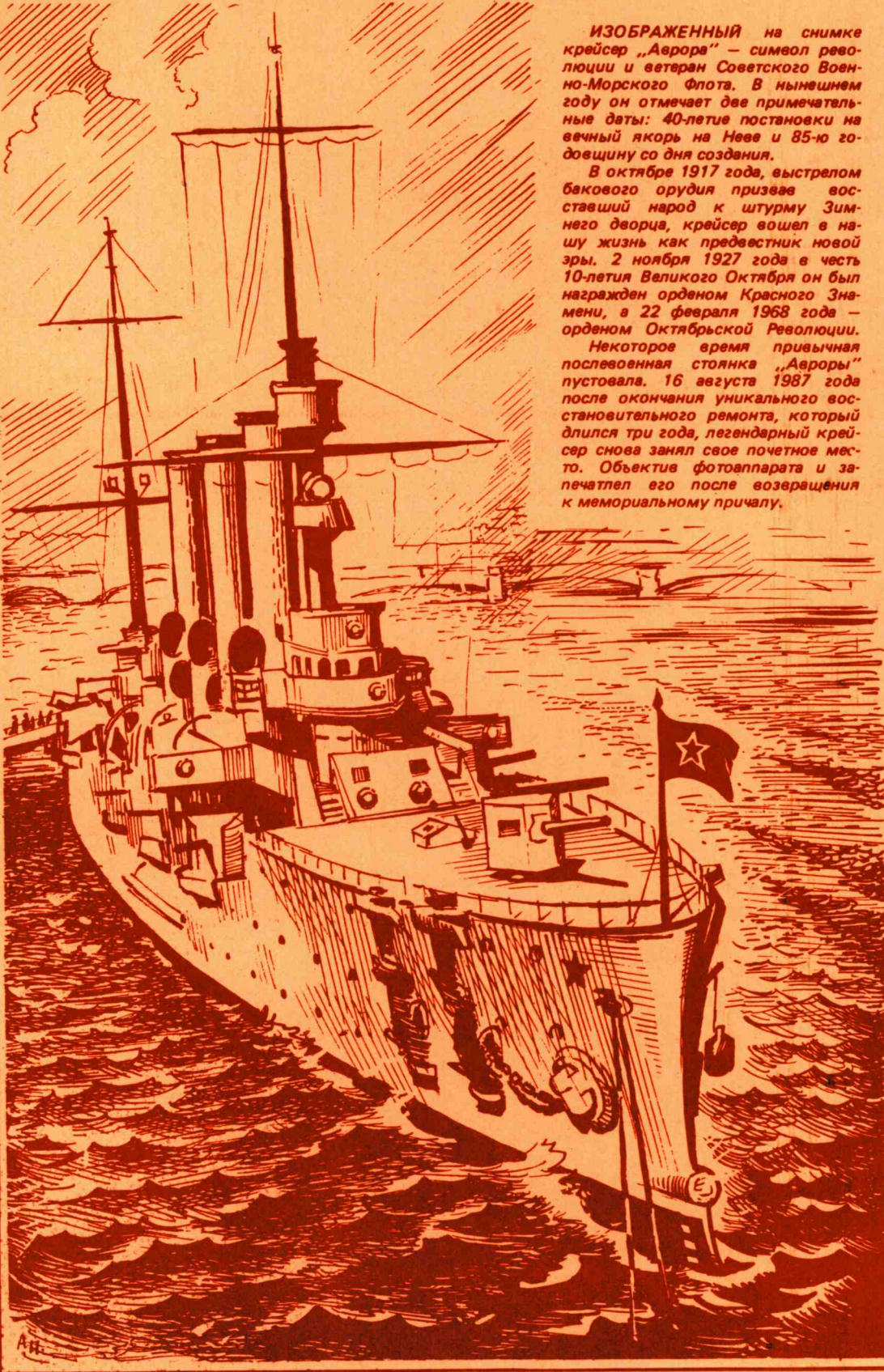
КОРАБЕЛЬНЫЕ ДОЗОРЫ НА БАЛТИКЕ

КУРС: НЬЮ-ЙОРК — ПОЛЯРНЫЙ

**В. С. ПИКУЛЬ: СТАРАЯ ИСТОРИЯ
С НОВЫМ КОНЦОМ**

7

1 9 8 8

ИЗОБРАЖЕННЫЙ на снимке крейсер „Аврора“ — символ революции и ветеран Советского Военно-Морского Флота. В нынешнем году он отмечает две примечательные даты: 40-летие постановки на вечный якорь на Неве и 85-ю годовщину со дня создания.

В октябре 1917 года, выстрелом бакового орудия призвал восставший народ к штурму Зимнего дворца, крейсер вошел в нашу жизнь как предвестник новой эры. 2 ноября 1927 года в честь 10-летия Великого Октября он был награжден орденом Красного Знамени, а 22 февраля 1968 года — орденом Октябрьской Революции.

Некоторое время привычная послевоенная стоянка „Авроры“ пустовала. 16 августа 1987 года после окончания уникального восстановительного ремонта, который длился три года, легендарный крейсер снова занял свое почетное место. Объектив фотоаппарата и запечатлел его после возвращения к мемориальному причалу.

За нашу Советскую Родину!

Военно- ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

ИЗДАЕТСЯ С АВГУСТА 1939 года

31 июля~
День Военно-Морского Флота СССР

7

ИЮЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»
МОСКВА — 1988

СОДЕРЖАНИЕ

Дружба народов СССР — важнейший источник наших побед 3

СОВЕТСКОЕ ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

- С. И. ПОСТНИКОВ — Развитие советского военного искусства в Курской битве 10
- В. П. ВОРОБЬЕВ — Боевые действия подводных лодок Черноморского флота в 1943—1944 гг. 19
- С. Л. МИТИН — Корабельная дозорная служба Балтийского флота в годы войны 25
- В. Н. АНДРИАНОВ — Интернациональная помощь советских партизан антифашистскому движению стран Центральной и Юго-Восточной Европы 30

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА

- М. П. ДЕМИН — Особенности партийно-политической работы в Курской битве 38

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Б. Н. ПЕТРОВ — Военные действия на северо-западном направлении в начальный период войны 43
- П. Т. КУНИЦКИЙ — Восстановление прорванного стратегического фронта обороны в 1941 году 52

МАСТЕРСТВО И ГЕРОИЗМ

- Ф. К. ГАВРИКОВ — Юго-восточнее Орла 61

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

- В. ПИКУЛЬ — Старая история с новым концом 66

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РАБОТА В ВОЙСКАХ И ВУЗАХ

- П. А. ВОЛКОВ — В военно-научном обществе при Саратовском Доме офицеров 73

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

- А. С. НИКОЛАЕВ — Противовоздушная оборона крупных корабельных группировок США и Японии 76

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

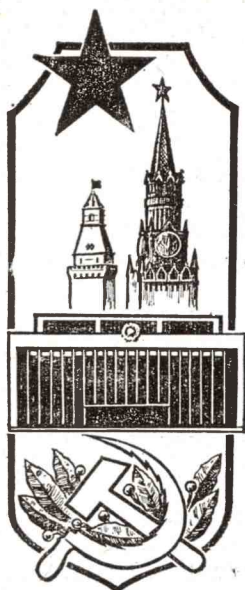
- Н. И. МУРЗАЕВ — Из истории создания Дисциплинарного устава 83
- В. Г. ЖИГАЛОВ — Большое плавание малых кораблей 87

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАТЫ И СОБЫТИЯ

- И. Н. ПАВЛОВ — Легендарная Железная 90

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Л. Г. ИВАШОВ — История строительства Советских Вооруженных Сил после Великой Отечественной войны 94

Дружба народов СССР — важнейший источник наших побед

ВАЖНЫМ, поистине историческим итогом осуществленных в нашем государстве за 70 лет Советской власти социально-экономических и культурных преобразований по праву является решение национального вопроса. Революция утвердила не только юридическое, но и социально-экономическое равноправие наций. «Одним из величайших завоеваний Октября, — отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ М. С. Горбачев, — является дружба советских народов. Она сама по себе — уникальное явление в мировой истории. Для нас же — одна из главных опор могущества и прочности Советского государства»¹.

Дружба и братство народов нашей многонациональной Родины оказывают благотворное влияние на всю жизнь и деятельность армейских и флотских коллективов: сплачивают их ряды, помогают успешно овладеть сложной техникой и оружием, приемами современного боя, крепить организованность и дисциплину, боевую готовность.

Воинские коллективы — именно та среда, где лучше всего у молодых людей формируются отношения дружбы, товарищества, взаимопомощи. Где бы войны ни выполняли свой конституционный долг, они глубоко убеждаются в том, что братская дружба народов — могучая духовная сила защитников социалистического Отечества, неиссякаемый источник мужества и отваги.

Созданные В. И. Лениным, Коммунистической партией Советские Вооруженные Силы являются подлинно народными по своей социалистической природе и предназначены для защиты революционных завоеваний и свободы трудящихся, сохранения и упрочения мира. Они развивались и укреплялись на основе союза рабочего класса и трудового крестьянства, дружбы и братства народов Страны Советов как вооруженная организация, сознающая высокий интернациональный долг. В подписанном В. И. Лениным декрете о создании Красной Армии подчеркивалось, что служба в ней является обязанностью всех советских граждан без каких-либо ограничений по национальному признаку. Тем самым законодательно подтверждалось последовательное и твердое проведение ленинской национальной политики в области военного строительства.

Суровыми испытаниями для молодой Советской республики и ее Рабоче-Крестьянской Красной Армии были годы гражданской войны и военной интервенции. Наша партия сплотила и мобилизовала народ на оборону социалистического Отечества. И он выстоял, защитил завоева-

¹ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. — М.: Политиздат, 1987. — С. 36—37.

ния Октября. В совместной вооруженной борьбе против империализма и внутренней контрреволюции сложилось нерушимое морально-политическое единство братских республик, возникли экономические, политические и идеологические предпосылки объединения народов в единое многонациональное государство.

Выдающимся результатом проведения в жизнь Коммунистической партией ленинской национальной политики, идей пролетарского интернационализма стало образование в декабре 1922 года Союза Советских Социалистических Республик. Добровольное объединение советских республик в могучее союзное государство обеспечило всестороннее экономическое, социально-политическое и духовное развитие всех народов нашей страны.

С образованием СССР В. И. Ленин, Коммунистическая партия, Советское правительство продолжали уделять внимание вопросам совершенствования строительства Красной Армии. В июне 1923 года были разработаны мероприятия по формированию в республиках и областях национальных воинских частей, созданию военных школ для местного населения, которые готовили бы грамотных, преданных Советской власти командиров.

Победа социализма, выравнивание экономического и культурного уровня народов СССР, дальнейшее их развитие позволили по-новому поставить вопрос о национальных формированиях Советских Вооруженных Сил. Было признано, что дальнейшему укреплению обороны страны, дружбы и боевого содружества народов СССР, овладению личным составом военным делом наиболее полно отвечают смешанные в национальном отношении части и соединения. Это обуславливалось также и переходом Советских Вооруженных Сил в конце 30-х годов полностью к кадровой системе строительства и экстерриториальному принципу комплектования. Совместная служба воинов различных национальностей открыла еще более широкие возможности для укрепления уз братства, усиления дальнейшего воспитания бойцов и командиров в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма.

Социальную основу дружбы и братства народов, укрепления оборонного могущества составляет нерушимый союз рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. Ликвидация экономической и культурной отсталости бывших национальных окраин способствовала быстрому росту численности рабочего класса. Ему стала принадлежать ведущая роль в жизни каждой союзной республики. На новый, социалистический путь развития встало крестьянство. Сложилась своя интеллигенция. Эти и другие прогрессивные изменения в социальной структуре наций самым благотворным и непосредственным образом отражались на Вооруженных Силах. В частности, в армии и на флоте увеличилось число военнослужащих, вышедших из рабочего класса. Так, например, в конце 30-х годов от 40 до 50 проц. солдат и младших командиров являлись рабочими². Формировался новый тип воина — советского солдата, патриота, интернационалиста, надежного защитника социалистической Родины.

С началом Великой Отечественной войны КПСС развернула гигантскую организаторскую и идейно-политическую работу по мобилизации всех советских народов на разгром врага. Навязанная нам агрессия была строгим экзаменом на жизнеспособность социалистического строя, на крепость многонационального Советского государства, на силу патриотического духа советских людей.

На что рассчитывало немецко-фашистское политическое и военное руководство, планируя вероломное нападение на Советский Союз? Оно

² Советская Военная Энциклопедия. — М.: Воениздат, — Т. 2. — С. 349.

леяло надежду, что при первых же ударах гитлеровской армии многонациональное Советское государство распадется. Но враги просчитались. Завоевания социализма оказались одинаково дороги всем народам СССР. Великая Отечественная война, самая тяжелая из всех, которые знало человечество, показала, что социальное, политическое и духовное единство трудящихся нашей страны, воинов Вооруженных Сил неодолимо. На защиту Родины поднялись все: стар и млад, мужчины и женщины, все нации и народности. В жестокую битву с врагом вступило и поколение, рожденное Октябрем и воспитанное социалистическим строем.

В каждой республике, области, крае создавались воинские формирования. Получив технику и вооружение, пройдя короткую военную подготовку, большинство из них отправлялось прямо на фронт. Сотни тысяч бойцов за первые два с половиной военных года направили на фронт, к примеру, Казахстан, Таджикистан. Несколько стрелковых и кавалерийских соединений подготовил Узбекистан. Десятки стрелковых бригад и кавалерийских дивизий были сформированы в Туркмении, Киргизии, Азербайджане, Армении, Грузии, Латвии, Литве и Эстонии. Всего национальными союзными республиками отправлено на фронт свыше 80 дивизий и отдельных бригад³.

Летопись Великой Отечественной войны хранит многочисленные примеры сражений и боев, где наиболее ярко проявилась животворная сила патриотизма и дружбы народов. «Отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села!», «Стоять насмерть!», «Ни шагу назад!» — эти призывы Центрального Комитета партии стали законом жизни воинов Красной Армии. Бойцов и командиров — представителей всех национальностей объединяли безграничная любовь к Родине, преданность партии, народу, жгучая ненависть к фашистским захватчикам.

...Это было в ноябре 1941 года. Гитлеровцы рвались к Кавказу. На кургане Бербероба под Ростовом-на-Дону путь врагу преградили воины-артиллеристы батареи, которой командовал лейтенант С. Оганов. Пятидесяти танкам фашистов противостояло четыре орудия. Два дня горстка артиллеристов вела неравный бой. Сплоченные единой целью — не пропустить врага, воины совершили, казалось бы, невозможное: гитлеровцы не прошли. Среди батарейцев были русские, украинцы, армяне, азербайджанцы, казахи, узбеки. Они шагнули в бессмертие, своим подвигом воспели великую силу всех наших народов.

«Я вспоминаю сегодня, — пишет дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Д. Драгунский, — моих боевых товарищей сержантов Георгия Гасилашвили и Аваза Вердиева, старшину Николая Новикова... Грузин, азербайджанец, русский... Главный закон для нас был: сам погибай, а товарища выручай. Сколько раз спасал меня, рискуя жизнью, сержант Георгий Гасилашвили, мой водитель.

Вместе с Георгием мы тяжело переживали гибель общего любимца 55-й гвардейской танковой бригады — командира отделения пулеметчиков сержанта Аваза Вердиева. Мне он был особенно дорог. Ведь осенью 1944 года мне, старшине-разведчику Николаю Новикову, сержанту Вердиеву одновременно вручили медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза. Аваз приглашал меня после войны к себе в гости в Азербайджан. И я побывал там. Но уже без него. Аваз погиб за несколько дней до Победы и остался навечно лежать в Трептов-парке.

Совсем недавно, просматривая архивные документы 55-й гвардейской танковой бригады, которой я командовал в годы войны, обратил внимание вот на что. В части служили танкисты тридцати национальностей и народностей нашей страны. Это единство помогло нам выстоять и победить на Курской дуге, на Днестре и Висле, в Польше и

³ Партия и армия. — М.: Политиздат, 1977. — С. 179.

Германии, при штурме Берлина. Нас объединяла ненависть к врагу и любовь к Родине. Без этой любви, без монолитного единства всех народов Советского Союза вряд ли возможна была Победа»⁴.

Каждый день боев на фронтах Великой Отечественной рождал новых и новых героев, которыми гордилась вся наша страна. За мужество и отвагу, воинскую доблесть более 7 млн. человек награждено орденами и медалями, более 11,6 тыс. воинов стали Героями Советского Союза. Среди них представители более 60 наций и народностей СССР.

Великую силу патриотизма, нерушимость интернационального единства нашего общества проявили советские люди в тылу врага. В рядах народных мстителей — партизан, подпольщиков — сражались сыны и дочери различных национальностей, представители многих республик и областей, в силу различных обстоятельств оказавшиеся на временно оккупированной врагом советской земле.

Партизанское движение на протяжении всей войны было массовым и всенародным. Оно охватывало всю занятую врагом территорию и пользовалось всемерной поддержкой широких слоев населения. Больше того, в ряде западных районов и областей усилиями граждан, действиями партизан и подпольщиков сохранилась Советская власть, а в отдельных случаях существовали партизанские зоны и края, куда вообще не ступала нога оккупантов.

По масштабам, политическим и военным результатам героическая борьба советских людей на временно оккупированной врагом территории приобрела значение важного военно-политического фактора разгрома фашизма. Она оказывала непосредственную помощь Советской Армии в изгнании фашистов с родной земли.

Беззаветная и самоотверженная борьба партизан и подпольщиков получила всенародное признание, высокую оценку партии и Советского государства. Более 127 тыс. человек награждены медалью «Партизану Великой Отечественной войны» I и II степени. Свыше 184 тыс. партизан и подпольщиков награждены орденами и медалями, а 249 наиболее отличившимся участникам всенародной борьбы в тылу врага присвоено звание Героя Советского Союза⁵.

Боевое содружество всех народов Советского Союза на фронтах великой битвы с фашизмом подкреплялось самоотверженной работой тыла. Героическим трудом советские люди отвечали на призыв Коммунистической партии «Все для фронта, все для победы!», поддерживали и укрепляли у воинов армии и флота твердую уверенность в несокрушимости социалистической Родины, в разгроме врага.

Образцы мужества и героизма в суровые годы войны показали труженики села. Несмотря на временную потерю больших площадей хлебородных земель, колхозное крестьянство на протяжении всей войны обеспечивало потребности фронта, страны достаточным количеством продовольствия, сырья.

В годы суровых испытаний неопределимую лепту в разгром врага внесла советская интеллигенция. Ученые, конструкторы, инженеры и техники в тяжелейших военных условиях сумели обеспечить наше неоспоримое превосходство над наукой и техникой фашистской Германии и ее союзников. Воспитанные на ленинских идеях, под руководством Коммунистической партии рабочий класс, колхозное крестьянство, советская интеллигенция — весь наш многонациональный народ самоотверженным трудом вместе с воинами Вооруженных Сил ковал победу над врагом, совершив подвиг, равного которому не знало человечество.

Дружба и братство народов СССР проявлялись и в многочислен-

⁴ Знаменосец. — 1987. — № 12. — С. 2—3.

⁵ Герои Советского Союза. — М.: Воениздат, 1984. — С. 177.

ных патриотических начинаниях, направленных на изыскание дополнительных средств финансовой и материальной помощи фронту. Это движение развернулось во всех республиках. За годы войны в Фонд обороны от населения поступило более 16 млрд. рублей. На народные средства были построены и направлены на фронт сотни танков и боевых самолетов, десятки подводных лодок и военных катеров, много другой боевой техники⁶.

В наших Вооруженных Силах служат представители всех наций и народностей Советского Союза. Это обуславливает необходимость постоянной идеологической, партийно-политической работы по воспитанию военнослужащих в духе дружбы и братства.

В. И. Ленин советовал проявлять «максимум равноправия» и доброжелательности к другим национальностям, учил уважительному отношению к национальным языкам, к обычаям и традициям народов. Ленинские заветы в период Великой Отечественной войны получили широкое воплощение в работе командиров, политработников, партийных и комсомольских организаций с воинами нерусской национальности. Лучшие из офицеров, имевшие хорошую общеобразовательную и политическую подготовку, хорошо знавшие русский и национальные языки, назначались агитаторами, редакторами боевых листов, руководителями групп политических занятий. Совершенствовалась система подготовки кадров командиров, политработников из числа военнослужащих нерусской национальности.

Оправдали себя такие формы и методы агитационно-пропагандистской работы, как митинги, доклады, беседы, политинформации, читки газет, изданных на языках народов СССР. В частях и подразделениях проходили встречи воинов с земляками, прибывшими с пополнением, торжественная передача оружия павших героев их боевым товарищам, действовала национальная солдатская художественная самодеятельность.

Идеологическая, политико-воспитательная работа способствовала формированию у воинов идейной зрелости, укреплению боеготовности и боеспособности частей и соединений, дисциплины и организованности, интернационального единства и сплочения. Дружба народов стала одним из источников силы и могущества Вооруженных Сил СССР, способствовавших исторической победе над фашизмом.

Национальный вопрос в Советском Союзе успешно решен, но решен он в основном с учетом того, в каком виде достался нам от прошлого (национальный гнет, неравенство наций и народностей). Жизнь не стоит на месте. Национальные отношения не застывшая абстракция. Они, как всякое живое общественное дело, выдвигают свои проблемы. Не говорить о них — значит закрывать глаза на реальные противоречия. После того, что случилось, например, в декабре 1986 года в Алма-Ате, стало очевидно: оценивая состояние национальных отношений в нашей стране, мы долго пребывали в плену довольно далеких от реальной жизни и правды представлений.

Горечь, обиду, недоумение вызвали у советских людей, воинов нашей армии и флота события, происшедшие в Нагорном Карабахе, Азербайджане и Армении. Они не могли не взволновать каждого честного человека, гражданина, патриота. Ведь у нас одна Родина — Союз Советских Социалистических Республик, и каждый должен заботиться о ней, о приумножении ее богатств. В нашей жизни, сказано в обращении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева к трудящимся Азербайджана и Армении, есть нерешенные проблемы. Но разжигание распри и недоверия народов друг к другу только помешает их решению.

⁶ Правда. — 1974. — 21 ноября.

Советский Союз включает более ста наций и народностей, между которыми существуют определенные различия. Они зависят от численности, размеров территории, уровня экономического развития и условий хозяйственной деятельности наций и народностей, особенностей их культур, своеобразия традиций и обычаев. В некоторых республиках, к сожалению, еще встречаются противоречия между представителями коренной нации и отдельных национальных групп, проживающих в том или ином районе данной республики.

В нашей стране нет почвы для национальных конфликтов и вражды. Но нельзя забывать, что имеются факты национальной ограниченности, эгоизма и национальной неприязни отдельных людей. Национальные предрассудки еще цепко держатся в психологии недостаточно зрелых в идейном отношении людей. В недавнем прошлом в ряде республик недооценивались негативные явления. Допускались серьезные ошибки в реализации национальной политики, слабо велась борьба с проявлениями шовинизма, национализма и местничества в экономической, культурной и духовной сферах. Эти недостатки с особой остротой подчеркивались в постановлении ЦК КПСС «О работе Казахской республиканской партийной организации по интернациональному и патристическому воспитанию трудящихся».

Издержки, просчеты в интернациональном воспитании трудящихся, особенно молодежи, самым непосредственным образом порождают многие проблемы, связанные с подготовкой юношей к службе в Советских Вооруженных Силах. Особенно много упущений можно отметить в закавказских и среднеазиатских республиках, в Эстонии, Казахстане. Там немало призывников, слабо знающих русский язык, а есть и такие, как бы это ни было невероятно, которые вообще не владеют грамотой. В 1983 году их было двое, в 1986 году — 103, а в минувшем 1987-м — 230⁷.

Сплочению многонациональных воинских коллективов, созданию в них здорового микроклимата мешает и такая острая проблема, как низкая культура межнационального общения. Отчасти это объясняется, как уже подчеркивалось, слабым знанием русского языка солдатами, призывающимися из республик Средней Азии, с Кавказа. С другой стороны, нередко в подразделениях возникает так называемое «землячество», на почве которого произрастают неуставные взаимоотношения и совершаются иные нарушения.

Перед офицерским составом стоит задача: в работе по сплочению многонациональных воинских коллективов в полной мере эффективно использовать арсенал педагогических средств. Такая работа берет начало в военных училищах. Здесь курс военной педагогики и психологии должен носить более прикладной характер. Командирам, политработникам особенно важно глубоко знать социальные, культурно-исторические, психологические особенности разных национальностей и народностей нашей страны, их традиции и т. д.

Дружба народов СССР была и остается неисчерпаемым источником силы и могущества Советского государства. В нашем обществе идет непрерывный процесс сближения классов и социальных групп, дальнейшего укрепления единства наций. Это самым благотворным образом способствует неуклонному повышению боевого потенциала Советских Вооруженных Сил.

Воинская служба в рядах Вооруженных Сил — почетная обязанность советских граждан, записано в Конституции СССР. Конкретизируя ее положения, Закон о всеобщей воинской обязанности гласит: «Все мужчины — граждане СССР, независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принад-

⁷ Правда. — 1988. — 24 января.

лежности, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства, обязаны проходить действительную военную службу в рядах Вооруженных Сил СССР»⁸. К ним предъявляются единые уставные требования.

В воинской службе дружба народов особенно необходима. Совместный ратный труд, например по изучению оружия и боевой техники коллективного пользования, быстро роднит воинов различных национальностей, развивая чувства товарищества и коллективизма. Советские Вооруженные Силы служат для юношей прекрасной школой жизни, воспитания, школой интернационализма.

Традиции дружбы и братства близки советскому солдату. Наши воины всегда готовы прийти на помощь народам, сражающимся за свободу и независимость, выполнить возложенные на них задачи, как подобает подлинным интернационалистами.

Эти качества убедительно характеризуют личный состав ограниченного контингента советских войск в Республике Афганистан. Вчерашние школьники, рабочие, колхозники, студенты во главе с командирами, политработниками не только сохраняют присутствие духа, но и проявляют высочайшую бдительность, выступают храбрыми воинами и мудрыми политиками. Сердечное отношение к афганскому народу, уважение его обычаев, традиций — все это проявляется в характере советского воина-интернационалиста. Безусловно, воспитательная роль нашей армии не реализуется сама собой. Утверждение в воинских коллективах высокой организованности, дисциплины, интернационализма требует целеустремленной работы командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций. В последнее время она ведется более предметно, более активно. Перестройка, которая затронула все сферы нашей общественной жизни, выдвинула перед советскими воинами новые, более сложные задачи по повышению боевой готовности, укреплению правопорядка в войсках. Она вызвала к жизни ряд новых подходов к работе с людьми, в том числе и к интернациональному воспитанию личного состава.

Политико-воспитательную работу характеризуют тесная связь с жизнью страны, задачами ускорения ее социально-экономического развития, глубокая обоснованность необходимости для этого тесного союза всех наций и народностей. Заслуживает внимания опыт подразделений, где не от случая к случаю, а систематически знакомят личный состав с традициями народов, населяющих нашу страну, борются с фактами пренебрежения к их национальным особенностям. Широкое распространение получили тематические вечера, посвященные братским республикам, рассказы воинов, побывавших в отпусках.

Познакомившись с жизнью, боевой учебой личного состава гвардейского учебного мотострелкового Ленинградского полка имени Ленинского комсомола, выступая перед воинами, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР генерал армии Д. Т. Язов отметил: «Вы живете дружной многонациональной полковой семьей, сплоченной единой целью — надежно защищать великое дело Октября. В этом — неиссякаемый источник силы и вдохновения. А сильные полки — значит, сильны и дивизии. Значит, сильны и наши Вооруженные Силы — оплот мира, созидательного труда советского народа»⁹.

В дни, когда наступил час трезвых решений, каждый из нас с глубоким чувством ответственности должен осознавать, что только в дружной семье равноправных народов, сплотившихся на подлинно демократических началах, в рамках единого социалистического государства, можно обеспечить прогресс нашего Отечества.

⁸ Закон СССР о всеобщей воинской обязанности. — М.: Воениздат, 1986. — С. 4.

⁹ Красная звезда. — 1987. — 30 октября.

Развитие советского военного искусства в Курской битве

(К 45-летию сражения на Огненной дуге)

Генерал армии С. И. ПОСТНИКОВ

НА АВТОСТРАДЕ Москва — Симферополь, на 624-м километре, воздвигнут мемориальный комплекс в честь выдающейся победы Советской Армии, разгромившей немецко-фашистские войска в ходе Курской битвы 1943 года. Это сражение было крупнейшим событием своего времени, явилось важнейшим этапом в завершении коренного перелома в Великой Отечественной войне и второй мировой войне в целом.

Напомним, что к лету 1943 года Вооруженные Силы СССР в соответствии с военно-политическими целями успешно решили ряд важных стратегических задач, продвинувшись на запад до 600—700 км. С ноября 1942 года по конец марта 1943-го враг потерял примерно 1,7 млн. солдат и офицеров, 24 тыс. орудий, свыше 3,5 тыс. танков и 4,3 тыс. самолетов¹.

Пытаясь выйти из создавшегося кризиса, фашистская Германия объявила тотальную мобилизацию взрослого населения страны. На производство оружия и боевой техники были брошены экономические ресурсы оккупированных стран Европы. Все это дало возможность в определенной мере восполнить потери вермахта и обеспечить его новой боевой техникой. Пользуясь отсутствием второго фронта в Европе, гитлеровское командование рассчитывало создать на советско-германском фронте мощный кулак с тем, чтобы летом 1943 года провести крупное наступление, вновь овладеть стратегической инициативой и изменить ход войны в свою пользу.

Особое значение фашистские стратеги придавали удару под Курском. Выбор указанного направления был не случайным. Дело в том, что в ходе зимней кампании 1943 года образовался так называемый Курский выступ: занятый советскими войсками район протяженностью по фронту 550 км, глубоко вдававшийся во вражескую оборону. Он имел важное оперативное значение, так как находился на стыке двух больших группировок противника: правое крыло группы армий «Центр» нависало над Центральным фронтом, а левое крыло группы армий «Юг» охватывало Воронежский фронт с юга. Враг полагал, что конфигурация выступа, характер местности и расположение войск создают благоприятные возможности для нанесения ударов под его основание с целью окружения и разгрома сильной советской группировки в составе двух фронтов, а также располагавшихся за ними стратегических

¹ История второй мировой войны 1939—1945.— Т. 7.— М.: Воениздат, 1976.— С. 15.

резервов. Таким образом немецко-фашистское командование намеревалось взять реванш за поражение под Сталинградом.

Операция получила кодовое название «Цитадель». Главная ставка делалась на эффективность внезапного массированного использования танковых соединений и объединений на узких участках прорыва, применение новых танков типа «тигр» и «пантера», штурмовых орудий «фердинанд», а также самолетов с более высокими боевыми и летными качествами — истребителей «Фокке-Вульф-190А» и штурмовиков «Хейнкель-129». Для нанесения удара была создана крупная группировка, состоявшая из 50 лучших дивизий, в том числе 16 танковых и моторизованных. Всего враг сосредоточил здесь свыше 900 тыс. человек, примерно 10 тыс. орудий и минометов, до 2700 танков и штурмовых орудий, около 2050 самолетов². Это составляло приблизительно 70 проц. общего числа танковых дивизий и более 65 проц. — боевых самолетов, действовавших на советско-германском фронте.

Целенаправленная деятельность всех видов разведки помогла Ставке ВГК раскрыть замысел врага, установить состав его ударных группировок и направления готовившихся ударов. Встал вопрос о характере военных действий советских войск. Находившийся в районе Курского выступа заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г. К. Жуков еще в апреле 1943 года в докладе Ставке ВГК подчеркивал: «Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем группировку противника»³.

Всесторонне оценив складывавшуюся обстановку, наше командование пришло к выводу, что так действовать выгоднее. В отличие от 1941 и 1942 годов переход советских войск к стратегической обороне под Курском являлся не вынужденным, а преднамеренным. Принятие такого плана свидетельствует о творческом подходе Советского Верховного Главнокомандования к решению стратегических задач. Вооруженные Силы СССР, не теряя перехваченной в зимних сражениях инициативы, избрали лучший для себя в то время способ военных действий.

Сражение на Курской дуге включало два этапа: оборонительную операцию (5—23 июля 1943 г.) и контрнаступление (12 июля — 23 августа 1943 г.).

Оборонительная операция имела целью сорвать вражеское наступление: со стороны Орла — силами Центрального (командующий генерал армии К. К. Рокоссовский), а из района Белгорода — Воронежского (командующий генерал армии Н. Ф. Ватутин) фронтов. В тылу последних развернулись войска Степного военного округа (с 9 июля — Степной фронт, командующий генерал-полковник И. С. Конев). В основу организации обороны была положена идея глубокого эшелонирования боевых порядков и оборонительных позиций. В сравнительно короткий срок в районе Курского выступа оборудовали восемь полос и рубежей общей глубиной до 300 км.

Отличительной особенностью оперативной обороны явилось то, что построение войск сравнительно с первым периодом войны стало более глубоким. Фронт обороны армий сузился до 35—60 км, возросли оперативные плотности сил и средств. Армии первого эшелона, как правило, оборудовали по три полосы (главную, вторую и армейскую).

² Там же. — С. 143—144.

³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. — Т. 3. — М.: АПН, 1986. — С. 15.

Новым в построении тактической зоны явилось создание двух оборонительных полос на глубину 15—20 км и переход к системе сплошных траншей. Оборонял тактическую зону стрелковый корпус, имея две дивизии на первой и одну на второй полосе обороны. Стрелковая дивизия оборонялась в один-два эшелона.

Дальнейшее развитие получила противотанковая оборона. Она создавалась на всю глубину построения армий (30—35 км) и состояла из противотанковых опорных пунктов и районов, сведенных в систему. Важное место отводилось артиллерийским противотанковым резервам. Они сосредоточивались на основных танкоопасных направлениях и использовались совместно с подвижными отрядами заграждения. Оперативная плотность только противотанковой артиллерии достигала 16—20 орудий на 1 км фронта, что обеспечивало возможность отразить наступление 30—60 вражеских танков.

Повышению устойчивости и активности обороны способствовало массовое применение бронетанковых войск. Одна часть танковых полков и бригад придавалась стрелковым соединениям, другая оставалась в резерве армий. Танковые корпуса входили во фронтовые резервы, а танковые армии составляли вторые эшелоны фронтов. Они получали задачи нанести мощные контрудары или занять и удержать подготовленные рубежи обороны совместно с общевойсковыми соединениями.

Одновременно с созданием прочной обороны войска усиленно занимались боевой учебой. Особое значение имели освоение способов организации и осуществления взаимодействия, отработка приемов борьбы с новыми танками и самоходными артиллерийскими установками врага. Командиры нацеливались на активные действия при борьбе за главную и вторую полосы обороны, широкое использование маневра силами и средствами в ходе боя, применение контратак для восстановления утраченного положения.

Советское командование успешно решило проблему всестороннего обеспечения боевых действий. Умелая организация разведки позволяла своевременно получать данные о замыслах противника, расположении и составе его ударных группировок и резервов. Улучшению качества подготовки войск к решительным боям содействовала широко развернувшаяся партийно-политическая работа. Ее усилия направлялись на мобилизацию воинов по надежному инженерному оборудованию районов обороны, воспитание у личного состава отваги, твердой решимости отразить удар и разгромить врага. Немалое внимание уделялось обучению пополнения, которое в большинстве соединений составляло 50—60 проц. личного состава. Можно сказать, что к началу июля наши войска всесторонне подготовились к предстоящему сражению как в боевом, так и в морально-психологическом отношении.

На рассвете 5 июля немецко-фашистские войска перешли в наступление на северном и южном фасах Курской дуги и сразу же встретили стойкую оборону армий Центрального и Воронежского фронтов.

Поскольку удалось установить сроки перехода противника в наступление, была проведена артиллерийская контрподготовка, которая задержала его начало на два-три часа и несколько ослабила вражеский удар. Таким образом, план наступательных действий гитлеровцев оказался нарушен, а внезапность потеряна.

Главный удар на орловско-курском направлении враг наносил на Ольховатку в полосе обороны 13-й армии (схема 1). Здесь действовало до 500 его танков и самоходных артиллерийских установок. По расчетам противника, эта армада должна была сломить нашу оборону. Но советские воины не дрогнули, проявляя стойкость и массовый героизм. Лишь после пятой атаки фашисты сумели ворваться на передний край

обороны 13-й армии (командующий генерал-лейтенант Н. П. Пухов) и ценой огромных потерь продвинулись на 6—8 км, выйдя ко второй оборонительной полосе. Все дальнейшие попытки пробить нашу оборону не увенчались успехом.

Вечером 5 июля командующий Центральным фронтом решил с утра следующего дня нанести контрудар по прорвавшейся группировке противника и восстановить положение силами 17-го гвардейского стрелкового корпуса 13-й армии, 16-го танкового корпуса 2-й танковой армии и 19-го отдельного танкового корпуса из резерва фронта. И хотя из-за крайне ограниченных сроков и организационных сложностей задуманное не

удалось полностью осуществить, войска фронта потеснили врага на 1,5—2 км и сковали действия гитлеровцев. Было выиграно время для сосредоточения дополнительных сил на угрожаемом направлении.

7 июля гитлеровское командование перенесло главный удар на Полыныри, продолжая наступать и на ольховатском направлении. Оно бросило в сражение почти все силы своей ударной группировки, однако успеха не добилось. Упорная оборона Центрального фронта, четкое и умелое управление частями и соединениями, мощные удары авиации, применение системы инженерно-минных заграждений, контратаки и контрудары по вклинившимся вражеским войскам, высокое воинское мастерство и массовый героизм наших воинов сорвали наступление противника на Курск с севера. Фашисты продвинулись в сторону Курска только на 10—12 км. За четыре дня ожесточенных боев враг потерял свыше 40 тыс. солдат и офицеров, несколько сотен танков и штурмовых орудий, до 500 самолетов⁴.

Напряженный характер носила борьба на южном фазе Курского выступа. 6-я гвардейская армия (командующий генерал-лейтенант И. М. Чистяков) Воронежского фронта приняла главный удар на обоянском направлении. В полосе 7-й гвардейской армии (командующий генерал-лейтенант М. С. Шумилов) противник наносил вспомогательный удар на Корочу. Уже в первый день он ввел в полосе этих армий пять пехотных, восемь танковых и одну моторизованную дивизию. В наступлении принимали участие отборные соединения СС, в том

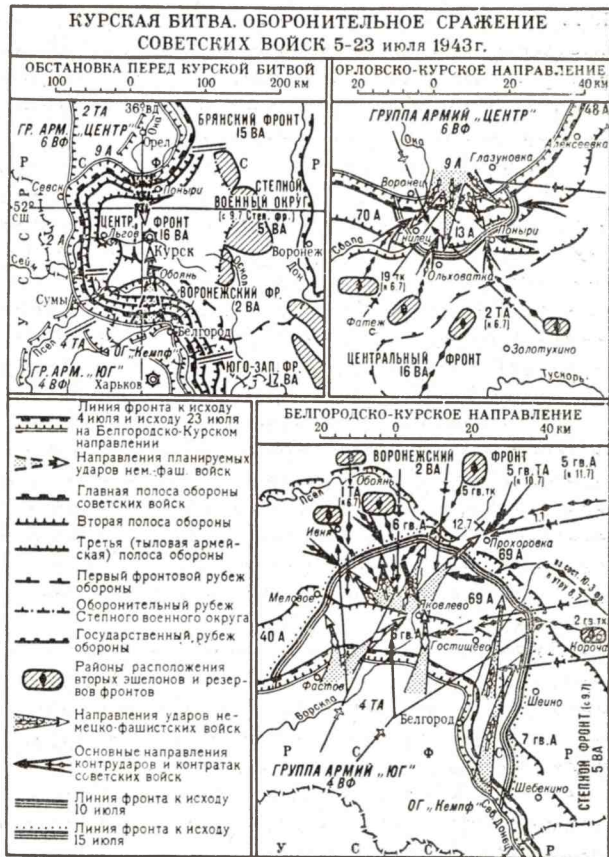

Схема 1

⁴ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. — Т. 3. — М.: Воениздат, 1964. — С. 262.

числе танковые дивизии «Рейх», «Адольф Гитлер», «Мертвая голова». Более 700 танков и самоходных артиллерийских установок, поддержанных крупными силами авиации, бросили гитлеровцы против наших войск. Хотя враг продвинулся лишь на 8—10 км, обстановка оставалась сложной. Немецко-фашистское командование продолжало наращивать удары. Требовалось ввести новые силы, чтобы остановить противника. 1-я танковая армия (командующий генерал-лейтенант танковых войск М. Е. Катукон) совершила ночной марш и утром 6 июля перешла к обороне на рубеже Меловое, Яковлево. Была усилена оборона левого фланга 40-й армии, а также 6-й гвардейской армии.

Во второй день бои продолжались еще с большим ожесточением. Фашисты любой ценой решили прорваться на Обоянь в стыке между 1-й танковой армией и 5-м гвардейским танковым корпусом. Вспоминная те дни, М. Е. Катукон писал: «Оценив обстановку, я тут же приказал уничтожить прорвавшегося противника и с этой целью направил 100-ю танковую бригаду 31-го танкового корпуса в угрожаемый район. Весь вечер мы напряженно ждали известий из района Яблочкин — Большие Маячки. Я надеялся, что эта бригада во взаимодействии с 5-м гвардейским танковым корпусом сумеет отбросить врага. Но, как стало ясно из донесений комбрига, из-за недостатка сил и средств ему и его соседям не удалось восстановить положение. Бригада и корпус вынуждены были перейти к обороне»⁵.

Планы немецко-фашистского командования мощным ударом танковых группировок выйти в район Обояни были сорваны благодаря своевременному выдвиганию на направление их наступления 1-й танковой армии, 2-го и 5-го гвардейских танковых корпусов. За два дня боев враг продвинулся на расстояние от 10 до 18 км, но ни на одном из участков не получил свободу маневра в сторону флангов и был вынужден «прогрызать» нашу глубоко эшелонированную оборону.

Ожесточенные бои разгорелись и на корочанском направлении, где войска противника захватили плацдарм на восточном берегу Северского Донца и на узком участке фронта вышли ко второй полосе обороны на правом фланге 7-й гвардейской армии, но были вынуждены остановиться.

9 июля противник предпринял новую попытку прорваться к Обояни с юга. На 10-км участке фронта он бросил в наступление до пяти танковых дивизий, насчитывавших около 500 танков. Разгорелись кровопролитные оборонительные бои, в ходе которых врага удалось обескровить, и 10 июля он был вынужден отказаться от дальнейшего наступления на Обоянь.

Тогда вражеское командование решило мощным тараном своей танковой группировки (до 800 танков) прорваться к Курску через Прохоровку. Предвидя это, Ставка ВГК еще 9 июля приказала командующему Степным фронтом выдвинуть на курско-белгородское направление 4-ю гвардейскую, 27-ю и 53-ю армии, а 5-ю гвардейскую и 5-ю гвардейскую танковую армии передала в подчинение командующего Воронежским фронтом. Войска этого фронта, усиленные стратегическими резервами, мощным контрударом должны были сорвать готовившееся наступление на прохоровском направлении.

12 июля в районе Прохоровки наши войска нанесли контрудар. Почти одновременно перешли в наступление и танковые дивизии противника. Развернулось встречное танковое сражение. Оно характеризовалось крайней ожесточенностью и разнообразием форм боевых действий.

⁵ Катукон М. Е. На острие главного удара. — М.: Высшая школа, 1985. — С. 226—227.

Значение событий под Прохоровкой Маршал Советского Союза А. М. Василевский в своих воспоминаниях оценивал так: «Главным итогом оборонительного сражения следует, на мой взгляд, считать поражение танковых соединений врага, в результате чего возникло особо благоприятное для нас соотношение сил по этому важному роду войск. В значительной степени способствовал тому выигрыш нами крупного встречного танкового сражения южнее Прохоровки в 30 км от Белгорода. Мне довелось быть свидетелем этого поистине титанического поединка двух стальных армий (до 1200 танков и САУ), который произошел на южном фланге Курской дуги 12 июля»⁶.

Прохоровское танковое сражение выиграли советские войска. Вермахт понес большие потери (только в танках до 400 машин). 12 июля стало днем крушения вражеских планов, предусматривавших наступление на Курск с юга. После этого противник уже не смог вести активных наступательных действий.

В ходе Курской оборонительной операции враг был измотан и обескровлен, созданы условия для перехода в решительное контрнаступление, которое отличалось от контрнаступления под Москвой и Сталинградом тем, что задолго до начала его удалось спланировать и хорошо подготовить. Так, к моменту наступления на орловском направлении войска левого крыла Западного, Брянского и Центрального фронтов имели общее превосходство над противником в личном составе в 2 раза, в артиллерии и минометах в 3, в танках более чем в 2 и в авиации почти в 3 раза. Всего в нем участвовали 22 общевойсковые, 5 танковых и 6 воздушных армий, а также крупные силы авиации дальнего действия.

Сложной проблемой, вставшей перед нашим командованием, являлось определение времени перехода в контрнаступление. Его следовало начать в тот момент, когда наступательные возможности противника уже израсходованы, но он еще не перешел к обороне и не создал оборонительную группировку. С этой задачей Верховное Главнокомандование справилось успешно.

12 июля наступил новый этап Курской битвы — контрнаступление советских войск (схема 2). В тот день войска левого крыла Западного (11-я гвардейская армия, а с 13 июля и 50-я армия) и Брянского фронтов, не участвовавшие в отражении вражеского наступления, нанесли внезапный удар на орловском направлении. 15 июля к решительным действиям приступили армии правого крыла и центра Центрального фронта.

В основу плана операции «Кутузов» была положена идея ударами по сходящимся направлениям расчленить орловскую группировку врага и уничтожить ее. Войска Западного (командующий генерал-полковник В. Д. Соколовский), Брянского (командующий генерал-полковник М. М. Попов) и правого крыла Центрального фронта наносили удары с трех направлений. Пространственный размах Орловской операции составлял по фронту 350 км, по глубине — 120—130 км.

Немецко-фашистское командование, придавая немалое значение орловскому плацдарму, построило здесь сильную оборону с развитой системой полевых укреплений, прочно прикрыв их инженерными сооружениями. Учитывая это, советское командование особое внимание уделяло глубокому построению боевых порядков соединений и созданию высоких оперативных плотностей. Например, в 11-й гвардейской армии плотность артиллерии на направлении главного удара доходила до 200 орудий и минометов на 1 км фронта.

Наступление советских войск сопровождалось серьезными трудностями. Вспоминая о тех днях, Маршал Советского Союза К. К. Рокос-

⁶ Василевский А. М. Дело всей жизни. — М.: Политиздат, 1983. — С. 308—309.

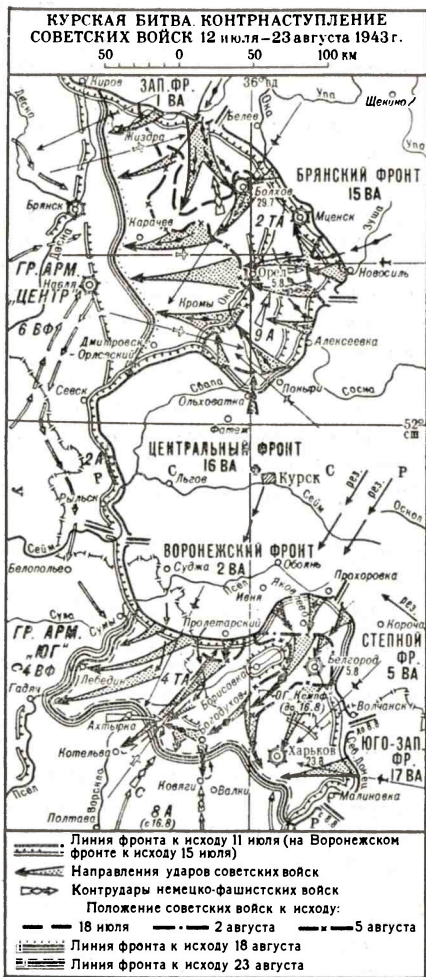

Схема 2

густа освободили город и, преследуя отходящего противника, к 17—18 августа вышли к его оборонительному рубежу на подступах к Брянску, продвинувшись на запад на расстояние до 150 км. С ликвидацией орловского плацдарма появились возможности для развития наступления на брянском направлении и выхода в восточные районы Белоруссии.

Контрнаступление Воронежского и Степного фронтов на белгородско-харьковском направлении (операция «Полководец Румянцев») началось 3 августа. Прорвав в первый день тактическую оборону врага, советские войска 5 августа освободили Белгород, а 23 августа — Харьков. В ходе этой операции были разгромлены 15 дивизий противника. Войска фронтов продвинулись на запад на 140 км, расширив прорыв до 300 км и создав тем самым благоприятные условия для освобождения Левобережной Украины. Освобождением Харькова победоносно завершилась битва под Курском, за которой последовало общее стратегическое наступление Советской Армии.

В сражении на Курской дуге наше командование продемонстрировало творческий, новаторский подход к решению важнейших задач

совский писал: «Перейдя в наступление своим правым флангом — все теми же 48, 13 и 70-й армиями, значительно ослабленными в тяжелых оборонительных боях, — войска Центрального фронта стали медленно продвигаться вперед, преодолевая упорное сопротивление гитлеровцев, умело использовавших свои хорошо оборудованные рубежи. Нам в буквальном смысле слова приходилось прогрызать одну позицию за другой. Противник применял подвижную оборону: пока одни его части оборонялись, другие занимали новый рубеж в 5—8 километрах. Враг то и дело бросал в контратаки танковые войска, а их у него оставалось еще достаточно»⁷.

Для лучшего управления войсками, действовавшими в районе Орла, Ставка ВГК 30 июля передала с Западного фронта в Брянский 4-ю танковую, 11-ю гвардейскую и 11-ю армии, а также 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Это решение не только имело существенное значение для разгрома орловской группировки противника, но и позволило командованию Западного фронта сосредоточить все внимание на подготовке наступления на смоленском направлении.

Наступая по сходящимся направлениям на Орел, наши войска разгромили 15 дивизий врага, 5 августа

⁷ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. — М.: Воениздат, 1985. — С. 218—219.

стратегии, оперативного искусства и тактики, свое превосходство над военной школой гитлеровцев.

Получили дальнейшее развитие организация стратегического взаимодействия между группами фронтов и использование крупных резервов в целях изменения обстановки в свою пользу. Был приобретен опыт массирования сил и средств на решающих направлениях. Танковые армии новой организации впервые применялись в качестве эшелона развития успеха.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков подчеркивал: «В битве под Курском в процессе контрнаступления впервые широко использовались танковые и механизированные соединения и объединения, которые в ряде случаев явились решающим фактором оперативного маневра, средством стремительного развития успеха в глубину и выхода на тыловые пути вражеских группировок»⁸.

Немалое значение в решении задач обороны и наступления имело создание и умелое применение стратегических резервов. Они не расплылись, как это было в первом периоде войны, а направлялись на главное направление и в решающий момент, что позволяло добиваться стратегического успеха.

Успешно решалась и такая важная задача стратегии, как выбор направления главного удара. Он наносился по наиболее сильной группировке противника, в результате разгрома которой нарушалась устойчивость стратегического фронта врага, ухудшалось его военно-политическое положение и появлялись выгодные условия для ведения всей кампании.

Стратегическое руководство нашими войсками характеризовалось большой централизацией управления, высоким искусством в выборе времени действий и наиболее целесообразных способов борьбы. Советское командование последовательно наращивало силу ударов, умело организовывало взаимодействие между фронтами, действовавшими на одном или нескольких направлениях. К примеру, когда на южном фланге Курской дуги мощная группировка гитлеровцев под ударами войск Воронежского и Степного фронтов была вынуждена отступить, 17 июля вступили в боевые действия войска Юго-Западного фронта на изюм-барвенковском направлении и войска Южного фронта на реке Миус. 22 июля перешли в наступление в районе Мги войска Ленинградского и Волховского фронтов.

Возрос уровень оперативно-тактического мастерства командного состава. При подготовке и ведении наступательных операций, например, успешно решалась проблема прорыва глубоко эшелонированной обороны противника и развития наступления на большую глубину. Фронты наступали в полосе 150—200 км, армии — 25—35 км. Глубина армейской наступательной операции достигала 110 км, а фронтовой — 150—200 км. Участки прорыва составляли для фронта — 25—30 км, для общевойсковых армий — 6—12 км. Полосы наступления дивизий сузились до 2—4 км и стали часто совпадать с участками прорыва.

Совершенствовалось оперативное построение войск. С лета 1943 года применялось двухэшелонное построение фронтов. На направлении главного удара действовали их подвижные группы — танковые армии однородного состава. Построение общевойсковых армий в начале летне-осенней кампании 1943 года осуществлялось в два эшелона с наличием подвижной группы в составе танкового или механизированного корпуса. Соединения и части перешли от одноэшелонного построения боевых порядков к многоэшелонному, но при этом батальон и рота наступали в один эшелон. В стрелковых дивизиях и полках создавались артиллерийские группы, артиллерийско-противотанковые резервы и

⁸ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. — Т. 3. — С. 73.

подвижные отряды заграждения. Все это обеспечивало массирование сил и средств, повышение тактических плотностей.

Действия войск носили стремительный и маневренный характер, часто применялись охваты и обходы очагов сопротивления противника. При ведении преследования широко использовались передовые отряды, которые не позволяли врагу планомерно отходить на промежуточные рубежи.

На новую ступень поднялось советское военное искусство в применении авиации. В битве на Курской дуге более решительно производилось массирование сил фронтовой авиации и авиации дальнего действия на главных направлениях, улучшилось их взаимодействие с сухопутными войсками. В полном объеме применялась новая форма использования авиации в контрнаступлении — авиационное наступление. В Курской битве наша авиация окончательно завоевала стратегическое господство в воздухе и тем самым содействовала созданию благоприятных условий для проведения последующих наступательных операций.

В результате обороны и контрнаступления под Курском оказались разгромлены крупнейшие группировки противника на орловском и белгородско-харьковском направлениях. В этой битве вермахт потерял около 500 тыс. человек, 1,5 тыс. танков, свыше 3,7 тыс. самолетов, 3 тыс. орудий. Его наступательная стратегия потерпела полное крушение.

Советские воины в сражении под Курском проявили мужество, стойкость и массовый героизм. Более 100 тыс. солдат, сержантов, офицеров и генералов были награждены орденами и медалями, свыше 180 человек удостоены звания Героя Советского Союза. На знаменах многих соединений и частей засверкали боевые ордена, 132 соединения и части получили гвардейское звание, 26 — присвоили почетные наименования «Орловские», «Белгородские», «Харьковские» и «Карачевские».

Победа в Курской битве явилась одним из важнейших этапов разгрома Советским Союзом фашистской Германии. Рейх и его союзники были вынуждены перейти к обороне на всех театрах второй мировой войны. Стратегическая инициатива окончательно перешла в руки советского командования.

С тех пор прошло 45 лет. За это время произошли огромные изменения в формах и способах ведения вооруженной борьбы. Однако опыт минувшей войны и поныне остается бесценным источником военных знаний. Изучение и обобщение опыта крупнейшей в истории битвы, основным содержанием которой стали оборона и контрнаступление, имеет непреходящее значение для дальнейшего развития военного искусства на базе социалистической, сугубо оборонительной военной доктрины.

Следует признать, что искусство ведения активной обороны некоторыми командирами порой недооценивается. Иногда на учениях оборона организуется неумело и ведется пассивно. Недостаточно практикуются нанесение контратак и проведение контрударов, смелые действия рейдовых групп по тылам противника, гибкий маневр силами и средствами в ходе оборонительного боя и сражения.

В текущем учебном году вопросам ведения оборонительных действий, изучению прошлого боевого опыта уделяется большое внимание. Генералы, офицеры должны хорошо понимать, что только на основе всестороннего анализа взаимосвязи прошлого и настоящего можно установить диалектическую преемственность в военном деле и на этой базе творчески совершенствовать его, поднимать на новую качественную ступень.

Боевые действия подводных лодок Черноморского флота в 1943—1944 гг.*

*Капитан 1 ранга в отставке
В. П. ВОРОБЬЕВ*

УГРОЗА, нависшая над группировками немецко-фашистских войск на Северном Кавказе и в Крыму, заставила гитлеровское командование спешно укреплять их. В такой обстановке особое значение для противника приобрели коммуникации на Черном море. В 1943 году на линиях, связывавших занятые им порты, за месяц проходило от 29 до 200 конвоев, не считая перевозок по Керченскому проливу¹. Вот почему главной задачей для Черноморского флота стало нарушение коммуникаций врага. Ее поставил нарком ВМФ, указав в телеграмме военному совету флота от 1 января 1943 года: «По имеющимся сведениям, немцы очень заинтересованы в морских перевозках из Румынии в Крым и на Керченский полуостров, и нарушение этих сообщений в данный момент будет большим содействием нашему сухопутному фронту»². Это указание он подтвердил директивой от 30 января и телеграфным распоряжением от 4 февраля³.

Используя боевой опыт, приобретенный в 1941—1942 гг., черноморцы, в том числе подводники, продолжали наращивать усилия в борьбе на коммуникациях. В январе—феврале 1943 года только подводные лодки (ПЛ) потопили 11 транспортов, 5 десантных барж, 2 шхуны и повредили 2 танкера, транспорт, десантную баржу противника⁴.

Организационно подводные лодки были сведены в бригаду (БПЛ) пятидивизионного состава. На 1 января 1943 года в ней насчитывалось 29 ПЛ (в строю—18, в ремонте—11). Создание оперативного соединения под общим командованием значительно улучшило управление подводными силами, подготовку кораблей к боевым выходам в море, а также их материально-техническое обеспечение⁵.

Нарушение вражеских морских перевозок осуществлялось в сложной обстановке. День ото дня повышая интенсивность движения конвоев, фашистское командование вместе с тем принимало энергичные меры по их безопасности. Так, для защиты конвоев на линиях Севастополь—Констанца и Констанца—Босфор противник располагал 4 эсминцами, 3 миноносцами, 3 канонерскими лодками, 12 катерами-траль-

* О боевых действиях ПЛ ЧФ в 1941—1942 гг. см.: Военно-исторический журнал.— 1976.— № 6.— С. 46—53.

¹ ЦВМА, ф. 10, д. 32853, л. 22.

² Кузнецов Н. Г. Курсом к победе.— М.: Воениздат, 1975.— С. 271.

³ Там же.

⁴ Там же.— С. 272—273.

⁵ Приказом наркома ВМФ от 9 августа 1942 г. бригада подводных лодок была сформирована путем объединения 1-й и 2-й бригад и 10-го отдельного дивизиона ПЛ. Командиры БПЛ: с августа 1942 г.— контр-адмирал П. И. Болтунов; с февраля 1943 г.— капитан 1 ранга А. В. Крестовский; с января 1944 г.— капитан 1 ранга М. Г. Соловьев (ЦВМА, ф. 10, д. 39641, л. 1; д. 37574, л. 67; д. 17714, лл. 320—328).

щиками, 4 сторожевыми и 3 противолодочными катерами, исключая несколько других кораблей, переоборудованных из торговых судов. На коммуникациях вдоль южного побережья Крыма он использовал быстроходные и маневренные десантные баржи, специально оборудованные для выполнения задач противолодочной и противовоздушной обороны. На переходе из Констанцы в Константинополь только один танкер «Оссаг» имел в охранении 2 эсминца, 2 канонерские лодки, противолодочный катер и 4 катера-тральщика⁶.

Конвой двигались преимущественно ночью, что осложняло выход ПЛ в торпедные атаки. Кроме того, серьезная опасность представляли мины. Враг, стремясь создать угрозу нашим кораблям и сковать их действия, продолжал минировать подходы к Севастополю, Евпатории, Феодосии и Керченскому проливу. Всего в 1943 году им было поставлено 50 новых минных заграждений (около 6 тыс. мин), из них 20 — у южного выхода из Керченского пролива⁷. Поиск и атака конвоев затруднялись также из-за того, что подводным лодкам, базировавшимся на порты Кавказского побережья, приходилось совершать в район боевых действий длительные (до 600 миль) переходы.

Несмотря на трудности, подводники-черноморцы настойчиво преодолевали противолодочную оборону противника и наносили ему немалый урон. Наибольших успехов добился экипаж Д-4 под командованием капитан-лейтенанта И. Я. Трофимова, потопивший 3 транспорта. На боевом счету других ПЛ были: М-111 (командир капитан 3 ранга Я. К. Иосселиани) — 2 транспорта и лихтер; М-112 (командир капитан-лейтенант С. Н. Хаханов) — транспортное судно и быстроходная десантная баржа; Л-4 (командир капитан 3 ранга Е. П. Поляков) — быстроходная десантная баржа и две шхуны; Ш-215 (командир капитан 3 ранга М. В. Грешиллов) — транспорт и быстроходная баржа⁸.

Подводные лодки совершили в 1943 году шесть выходов на минные постановки. Выставленные ими 120 мин в районах оживленного судоходства держали противника в постоянном напряжении, вынуждали его производить усиленное траление, задерживали выход и прибытие конвоев, приводили к потерям⁹. Общий же урон, причиненный подводными лодками транспортному флоту врага в 1943 году на черноморских коммуникациях, составил 33 428 рег. брт (регистрационных брутто-тонн)¹⁰.

В конце октября у южного и юго-западного побережья Черного моря для ПЛ было нарезано 13 позиций, которые использовались активно до начала 1944 года¹¹. Прежним оставалось и количество ПЛ в составе флота (29 единиц). Но боеспособных лодок было только 11, остальные требовали ремонта. Находившиеся в строю выполняли задачи в соответствии с оперативной директивой военного совета Черноморского флота от 22 января 1944 года, а также боевым распоряжением и директивой военного совета флота от 23 и 30 января¹². В этих документах указывалось, что подводные лодки должны вести активные боевые действия самостоятельно и во взаимодействии с морской авиацией против вражеских кораблей, транспортов и плавсредств в западной части Черного моря с целью нарушения и даже перерыва коммуникаций

⁶ Meister J. Der Seekrieg in den Osteuropäischen Gewässern 1941—1945. — München, 1957. — S. 289.

⁷ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. — Т. 3. — М.: Воениздат, 1964. — С. 423.

⁸ Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. — М.: Воениздат, 1974. — С. 364.

⁹ Ачкасов В. И., Павлович Н. Б. Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне. — М.: Воениздат, 1973. — С. 307.

¹⁰ В 1942 г. эти потери составили 28 007 рег. брт (см. Поражение германского империализма во второй мировой войне. — М.: Воениздат, 1960. — С. 121).

¹¹ Ачкасов В. И., Павлович Н. Б. Указ. соч. — С. 307.

¹² ЦВМА, ф. 10, д. 32952, л. 1; д. 32856, л. 3.

противника¹³. Одновременно на ПЛ возлагалось ведение повседневной оперативной разведки в период их пребывания на позициях и на переходе. В начале года выполнение этих задач осложнялось из-за суровых условий зимы. Трудности усугублялись и ввиду ограниченных возможностей ремонта. Например, в январе — марте в строю находилось около 40 проц. единиц из списочного состава БПЛ¹⁴. В результате значительно снижалась эффективность действий ПЛ на вражеских коммуникациях, а некоторые корабельные экипажи вынуждены были оставаться в море по 35 суток¹⁵. Причем каждый боевой выход ПЛ сопровождался сильным противодействием фашистов. Наличие у противника радиолокационных и гидроакустических средств, широкой сети радиопеленгаторных станций создавало серьезную помеху для действий наших подводных лодок. Наибольшую опасность представляли охотники за ПЛ, оснащенные гидроакустической аппаратурой, вооруженные глубинными бомбами, автоматическими пушками, крупнокалиберными пулеметами. Четыре эскадрильи вражеских гидросамолетов, базировавшиеся на Констанцу, систематически производили воздушную разведку. Переходы крупных конвоев, как правило, обеспечивались авиацией, производившей поиск подводных лодок по курсу конвоя. Все это учитывало наше командование, предпринимая необходимые меры для обеспечения безопасности ПЛ. Так, были разработаны специальные правила их плавания и боевых действий, конкретные руководства для командиров. В них излагались характерные для различных ситуаций требования и рекомендации. Запрещалось, например, продолжительно маневрировать близ побережья в районах радиолокационных установок, находиться в светлое время в позиционном положении. После торпедной атаки при уклонении от преследования предписывалось экстренно погружаться на максимальную возможную глубину или уходить в темную часть горизонта. Выполнение этих и других указаний облегчало действия командиров, повышало уровень их тактической подготовки, обеспечивало высокую эффективность торпедных атак.

Всего за три первых месяца 1944 года ПЛ совершили 17 боевых выходов. В 10 случаях они имели боевое соприкосновение с противником, в 7 — осуществляли торпедные атаки, причем 6 — ночью¹⁶. Эффективность действий подводных лодок на морских коммуникациях противника в тот период могла быть и выше, если бы поддерживалось более тесное взаимодействие между ними и другими родами сил флота. К примеру, чаще они действовали против судов и кораблей, которые сами же и обнаруживали¹⁷. Подводя итоги действий ПЛ в первом квартале 1944 года, штаб ЧФ отметил весьма существенный недостаток: отсутствие их взаимодействия с авиацией. Ни один из 36 обнаруженных воздушной разведкой конвоев и кораблей не был атакован подводными лодками¹⁸.

Высокие результаты показали подводные лодки в ходе операции по нарушению коммуникаций врага, проведенной Черноморским флотом по решению Ставки ВГК с 8 апреля по 12 мая. Борьбу с конвоями они вели у берегов Румынии и в открытом море. Операция преследовала цели: на первом этапе — не допустить усиления группировки вра-

¹³ В последующем Главный морской штаб (ГМШ) задачу перерыва вражеских коммуникаций расценивал как нереальную. Для ее осуществления по расчету штаба ЧФ на позициях должны были находиться одновременно три-четыре лодки. Флот же имел возможность высылать в море одновременно не более двух-трех (ЦВМА, ф. 32, д. 13990, л. 1).

¹⁴ Ачкасов В. И., Павлович Н. Б. Указ. соч. — С. 312.

¹⁵ ЦВМА, ф. 10, д. 34574, л. 104.

¹⁶ Там же, ф. 32, д. 13990, л. 1.

¹⁷ Там же, л. 2; д. 32856, л. 26.

¹⁸ Там же, д. 13990, л. 2.

жеских войск в Крыму, на втором — сорвать эвакуацию 17-й немецкой армии с Крымского полуострова. Для осуществления этих целей в соответствии с директивой Ставки флот выделил в числе других родов сил ПЛ¹⁹. Уже в марте началась усиленная подготовка подводных лодок, главными слагаемыми которой являлись форсированный ввод в строй находящихся в ремонте кораблей и повышение тактической грамотности офицеров. Учитывая отмеченные штабом ЧФ недостатки за первый квартал, штаб бригады издал предварительное боевое наставление по взаимодействию на коммуникациях подводных лодок и авиации²⁰, уточнил вопросы связи со штабами взаимодействующих соединений и частей. Тщательно разрабатывались также оперативные документы по управлению, в которых, в частности, предусматривалась надежная (прямая и обратная) радиосвязь между командным пунктом командира бригады и находившимися в море ПЛ и отдельных кораблей с самолетами-разведчиками и друг с другом.

В ходе подготовки к операции штаб БПЛ провел с командирами дивизионов и экипажей тактическую игру на тему, соответствовавшую предстоящим боевым действиям. Командиры дивизионов в свою очередь организовали несколько тактических занятий с корабельными офицерами.

Черноморский флот приступил к операции в ночь на 9 апреля. 11—12 апреля в дополнение к 2 находившимся в море ПЛ вышли еще 5. К 19 апреля общее число боеготовых подводных лодок достигло 12, а к концу месяца — 13. Для них была введена новая нарезка 18 позиций²¹. Это дало возможность командиру БПЛ в процессе операции сосредоточивать лодки там, где наблюдалось наиболее интенсивное движение судов противника. В пределах своих позиций подводным лодкам надлежало осуществлять самостоятельный поиск конвоя. Если же противник менял маршруты, командир БПЛ, основываясь на данных воздушной разведки, отдавал командирам лодок приказ о перемещении на другие позиции. Такой метод использования ПЛ получил наименование позиционно-маневренного. Он позволял при недостаточном количестве лодок, но при хорошей организации взаимодействия их между собой и с разведывательной авиацией контролировать значительный район и активно воздействовать по всей протяженности коммуникаций противника, связывавших Севастополь с портами Румынии.

Значительных успехов, к примеру, добился личный состав гвардейской подводной лодки М-35 (командир капитан-лейтенант В. М. Прокофьев). 23 апреля с дистанции 6 кабельтовых ПЛ атаковала и потопила танкер «Оссаг» водоизмещением около 2800 т, который накануне был поврежден нашей авиацией. Ночью 10 мая во время зарядки аккумуляторной батареи лодка была атакована вражеским самолетом. Во время ее погружения от взрыва фугасных бомб вышел из строя входной люк шестого отсека, через который стала поступать вода. Устранив повреждение, экипаж продолжал выполнять боевую задачу. 11 мая с дистанции 3 кабельтовых ПЛ торпедировала транспорт противника. Атака была произведена ночью, с перископной глубины, что явилось необычным тактическим приемом для боевых действий подводных лодок Черноморского флота²². Высоких результатов добились и другие экипажи. Успешные действия БПЛ были отмечены штабом флота и Главным морским штабом, проанализировавшими итоги участия сил флота в Крымской операции. В частности, ГМШ особо выделил факт

¹⁹ Гаккель А. М., Замчалов А. Н., Пензин К. В. История военно-морского искусства. — Л.: Изд. ВМА, 1980. — С. 40.

²⁰ ЦВМА, ф. 10, д. 37574, л. 105.

²¹ Гаккель А. М., Замчалов А. Н., Пензин К. В. Указ. соч. — С. 41.

²² ЦВМА, ф. 10, д. 32952, л. 12.

тесного взаимодействия командиров подводных лодок, а также широкого использования ими крейсерства в отведенных районах, что повышало эффективность поиска и обеспечивало быстрое сближение с врагом²³.

Сыграло положительную роль и взаимодействие ПЛ с авиацией, которая наносила удары по районам, прилежавшим к зонам действий подводных лодок, наводила их по радио на конвои и отдельные цели.

С потерей противником портов Крыма коммуникации его весьма сократились, что вызвало сужение района действий наших подводных лодок. Число их позиций в этот период часто менялось в зависимости от интенсивности движения кораблей и судов противника. Так, в июле имелось лишь две позиции, в августе — 5 (1 БПЛ было нарезано 3 и 2 БПЛ 2 позиции)²⁴. У фашистов осталась возможность осуществлять проводку конвоев лишь между четырьмя портами (Сулина — Констанца — Варна — Бургас). Особенностью этих линий было то, что они проходили вблизи побережья и на всем протяжении перекрывались мощными минными заграждениями. Кроме того, ввиду их небольшой протяженности даже тихоходные вражеские корабли могли преодолеть указанное расстояние за темное время суток. Коммуникации обслуживались в основном малыми судами под защитой береговых батарей с солидным охранением и характеризовались небольшим напряжением. Так, с 13 мая по 9 сентября здесь прошло 80 конвоев и одиночных кораблей²⁵. Все это затрудняло боевые действия наших подводных лодок. В то время на коммуникациях находилось 12 ПЛ, имевших 21 боевое соприкосновение с противником. Они осуществили 16 торпедных атак, из них с выпуском торпед — 8, и потопили 5 вражеских судов²⁶.

Опыт использования подводных лодок ЧФ в 1944 году подтвердил значение этого рода сил, на счету которого было 33 проц. суммарного тоннажа, потерянного врагом на Черноморском театре²⁷. Особую роль сыграли ПЛ в борьбе с фашистскими конвоями во время Крымской операции (8 апреля — 12 мая 1944 г.). Наряду с авиацией они лишали противника возможности пополнять группировки войск, срывали сроки ведения активных действий, ограничивали обороноспособность вражеских частей и соединений. Например, потопление одного среднего танкера лишало заправки топливом 1500 бомбардировщиков или 5000 истребителей²⁸.

Успешность торпедной стрельбы ПЛ во многом зависела от позиции залпа. Лучших результатов добивались те командиры, которые осуществляли атаку с дистанции 2—6 кабельтовых, поскольку при увеличении дальности враг, обнаружив торпеду или ее след, успевал уклониться. Эффективность действий командиров и экипажей в целом зависела от навыков, приобретенных подводниками как в ходе выполнения боевых задач, так и в процессе боевой подготовки. А последней в 1944 году уделялось большое внимание. Кроме учебы в кабинетах и на боевых постах, когда лодки стояли у пирса, планировались тренировочные выходы в море. Немалую роль в повышении мастерства подводников сыграло тщательное изучение и применение накопленного боевого опыта на своем флоте, а также на Северном и Краснознаменном Балтийском флотах.

Следует отметить, что условия для действий подводных лодок Чер-

²³ Там же, д. 34574, л. 110.

²⁴ На основании приказа наркома ВМФ от 9 июня 1944 г. бригада подводных лодок ЧФ была реформирована в 1-ю Севастопольскую бригаду подводных лодок, 2 БПЛ и Отдельный учебный дивизион (ЦВМА, ф. 32, д. 18300, л. 540).

²⁵ ЦВМА, ф. 10, д. 34574, л. 132.

²⁶ Там же, л. 133.

²⁷ Ачкасов В. И., Павлович Н. Б. Указ. соч. — С. 317.

²⁸ Гаккель А. М., Замчалов А. Н., Пензин К. В. Указ. соч. —

номорского флота в годы войны оказались неблагоприятными. Коммуникации противника располагались в прибрежных районах, хорошо защищались минными заграждениями. Отрезки водного пути между портами были короткими, а напряжение коммуникаций — небольшим. Противник использовал для своих перевозок в основном малые суда. Все это в сочетании с сильным охранением конвоев, состоявшим из надводных кораблей и авиации, затрудняло действия наших ПЛ.

В начале войны почти отсутствовало взаимодействие как между подводными лодками, находящимися в море, так и ПЛ с авиацией. Начиная с 1943 года эпизодический характер такого взаимодействия благодаря вооружению кораблей новыми техническими средствами стал более систематическим. Особенно это проявилось в ходе Крымской операции 1944 года. Возрастали также конструктивная надежность и автономность плавания подводных лодок, что позволяло в отличие от первого периода войны охватывать обширные районы судоходства сравнительно малым количеством ПЛ.

Безотказно действовало торпедное оружие, которым оснащались лодки. Высокими были тактико-технические показатели торпедных аппаратов, торпед и приборов стрельбы. Вместе с тем последние постоянно совершенствовались, обуславливая тем самым дальнейшее развитие способов использования ПЛ и осуществления торпедных атак (от позиционного до позиционно-маневренного и крейсерства в отдельных районах; от стрельбы одиночной торпедой до залповой стрельбы веером и т. д.). Подводники действовали на черноморских коммуникациях врага непрерывно, решительно и смело, что во многом обеспечивалось целенаправленной партийно-политической работой, проводимой в предпоходный период и непосредственно в море на кораблях.

Опыт боевых действий ПЛ в годы войны, в частности в 1943—1944 гг., вскрыл и ряд недостатков, которые сами по себе поучительны. Так, требовалось улучшить техническую оснащенность кораблей. Ее недостаточность особенно ощущалась в первый период войны. Флоту не хватало хорошо оборудованных и защищенных баз, а также ремонтных предприятий, что снижало возможности организации надежной обороны ПЛ в пунктах их базирования, непрерывного и полного обеспечения боевых выходов, быстрого восстановления боеспособности поврежденных лодок. Малое количество находящихся в строю ПЛ не позволяло держать под их постоянным и полным воздействием все черноморские коммуникации противника.

Самоотверженно сражались моряки на Баренцевом, Балтийском и Черном морях, громили японских милитаристов на Тихом океане. Их подвиги получили признание Коммунистической партии, Советского правительства, народа. Более 350 тысяч из них награждены орденами и медалями. Около 600 человек удостоены звания Героя Советского Союза, а семерым — В. Н. Леонову, А. Е. Мазуренко, В. И. Ракову, Б. Ф. Сафонову, Н. Г. Степаняну, Н. В. Челнокову и А. О. Шабалину — это высокое звание присвоено дважды.

Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. — Изд. четвертое, испр. и доп. — М.: Воениздат, 1988. — С. 9.

Корабельная дозорная служба Балтийского флота в годы войны

*Капитан 3 ранга С. Л. МИТИН,
кандидат исторических наук*

ОДНИМ из видов повседневной боевой деятельности сил флота в годы войны являлась корабельная дозорная служба. Она организовывалась с целью обнаружения морского и воздушного противника, предупреждения охраняемых сил об угрозе, задержки и сковывания действий вражеских кораблей и самолетов, а также принятия на себя их первого удара.

В зависимости от предназначения дозоры подразделялись на ближние (базовые), действовавшие в районах военно-морских баз (ВМБ) и пунктов временного базирования корабельных сил; дальние (морские) — на удалении от ВМБ до 100 миль; походные — на всем пути следования охраняемых кораблей. Каждый из них, кроме того, имел особенности: нес службу на линии или в отдельной точке; был подвижным или неподвижным; дневным, ночным, круглосуточным, малой видимости; имел в своем составе 1—2 корабля. Все эти особенности обуславливались обстановкой, важностью и объемом выполняемых задач, характером действий сил противника, состоянием моря и погоды, метеорологическими условиями, наличием боеготовых кораблей, количеством топлива и боезапаса. Ночные дозоры выставлялись в основном в районах, которые в дневное время просматривались береговыми постами наблюдения, парные — на угрожаемых направлениях действий кораблей противника, неподвижные использовались чаще всего при нехватке топлива и ограниченном моторесурсе, а также когда необходимо было повысить эффективность акустического наблюдения в темное время суток и при малой видимости.

Для повышения боевой устойчивости дозоров вблизи линий наблюдения разворачивались силы поддержки. Помимо различных кораблей они в зависимости от вида дозора имели самолеты и береговые батареи. В 1944—1945 гг. с учетом накопленного опыта создавались подвижные группы поддержки дозоров, включавшие бронекатера. Они выдвигались на наиболее угрожаемые направления и на такое удаление, которое позволяло своевременно развернуться и вступить в бой.

Напряженность дозорной службы Балтийского флота в течение войны часто изменялась. В июне 1941 года, к примеру, в районе Кронштадта было развернуто 8, Ханко — 2, Либавы — 4 ближних дозора. Дальние же (ввиду значительной угрозы со стороны вражеской авиации) высылались ограниченно, лишь в устье Финского залива и в Ирбенский пролив. По мере завершения оборонительных минных постановок они снимались¹.

Потеря флотом некоторых военно-морских баз и сокращение его

¹ ЦВМА, ф. 9, д. 7435, л. 326; Ачкасов В. И., Павлович Н. Б. Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне. — М.: Воениздат, 1973. — С. 389.

операционной зоны привели к соответствующему изменению системы дозорной службы. С середины июля 1941 года в районе Кронштадта ее согласно новой схеме несли 15 кораблей. В зоне военно-морской базы Таллин дозоры каждый раз высылались во вновь назначаемый район².

После перехода основных сил флота из Таллина в Кронштадт особое внимание уделялось трем районам: западному (от острова Гогланд до мыса Сейвьясте), восточному (к востоку от мыса Сейвьясте до мыса Лисий Нос) и району Невской губы (восточнее мыса Лисий Нос). В первом и втором было развернуто соответственно 6 и 13 круглосуточных, а в третьем — 10 ночных дозоров³. Их действия носили сезонный характер, т. е. велись в период навигации. С ледоставом выходы кораблей прекращались и только после очистки воды ото льда возобновлялись. При этом менялись структура системы и порядок использования выделяемых сил. Так, во второй половине мая 1942 года для удобства управления дозорами разграничения между первым и вторым районами была смещена от мыса Сейвьясте до маяка Шепелевский. Изменились и названия этих районов: западный стал именоваться районом Островного укрепленного сектора, восточный — Кронштадтским. Корабли в них разворачивались соответственно на 8 и 10 линиях, в третьем (Невской губы) — в 10 точках⁴.

Летом и осенью 1942 года в связи с возросшей активностью сил противника, стремящегося к усилению блокады Ленинграда, в районе Островного укрепленного сектора выдвигались дополнительно 4 дозора. В Кронштадтском (в основном с целью обнаружения минных постановок и противодействия им) в ночное время выходили в море до 38 катеров и шлюпок, Невской губы — 9 катеров. В 1943 году в районах Островной (бывший Островной укрепленный сектор) и Ленинградской военно-морских баз, а также в Кронштадтском выставлялось до 44 дозоров⁵.

В марте 1944 года после проведенной советским командованием Ленинградско-Новгородской наступательной операции расширилась операционная зона флота, что вновь повлияло на напряженность дозорной службы и повлекло очередные изменения в ее системе. В район вновь сформированных Лужской и Островной военно-морских баз высылались соответственно 13 и 5, а Кронштадта — 12 дозоров⁶. С конца июня они стали направляться и во вновь созданный Выборгский укрепленный сектор.

В ходе Прибалтийской наступательной операции (14 сентября — 24 ноября 1944 г.) сформировался Таллинский морской оборонительный район (МОР). В соответствии с новой схемой дозоры должны были выдвигаться в район Кронштадта, Островной базы, Таллинского МОР. Однако из-за нехватки катеров задуманное не нашло полного практического воплощения, а применялся сокращенный вариант. Корабли выходили в море до ледостава. В начале апреля 1945 года их выходы возобновились, но только для обеспечения безопасности Таллина и Либавы. В остальных районах из-за тяжелой ледовой обстановки и недостатка кораблей дозоры не разворачивались до конца войны.

Корабли вели не только пассивное наблюдение за противником в море, но и активные боевые действия, о чем можно судить по приведенной таблице, позволяющей сделать вывод о постепенном возрастании роли корабельных дозоров. Так, из нее видно, что количество

² ЦВМА, ф. 92, оп. 028586, д. 1, л. 255.

³ Там же.

⁴ Там же, оп. 028480, д. 3, л. 5.

⁵ Там же, ф. 45, д. 34964, л. 96.

⁶ Там же, д. 27905, лл. 12—14.

столкновений на море в третий год войны по сравнению с первым увеличилось почти в три раза. Значительно усилились и сами дозоры. Это дало им возможность сковать действия большого числа вражеских кораблей: в 1941 году — 37, в 1943-м — почти в четыре раза больше (см. табл.).

Навязывая бой корабельным силам противника, дозоры неоднократно подвергались нападению его авиации. В 1942 году, например, последняя совершила 433 таких налета, а в 1943-м — 536⁷.

Для более эффективного противодействия вражеским кораблям и самолетам в дозоры и подвижные группы их поддержки в 1944 году стали выделять бронированные малые охотники и морские бронекатера. В ответ противник активизировал деятельность подводных лодок (ПЛ), которые стали атаковать наши корабли, топить и повреждать их торпедами. Только в июле было уничтожено и повреждено 4 катера⁸. Чтобы избежать потерь, последние стали маневрировать на противолодочном зигзаге с периодическим прослушиванием подводного горизонта гидроакустическими приборами. Были созданы специальные поисково-ударные группы противолодочной обороны, которые выходили в море по вызову при обнаружении подводных лодок противника или самостоятельно для их поиска и уничтожения. Благодаря этим мерам наши дозорные корабли не только не имели потерь, но и повреждений от действий вражеских ПЛ. В то же время их атаки были результативными. Так, 30 июля 1944 года катер МО-103 (командир старший лейтенант А. П. Коленко) потопил в северной части Бьёркезунда подводную лодку V-250. Для обозначения курса обнаруженной ПЛ и точного выхода в атаку в расчетных точках с катера сбрасывались ящики из-под продуктов. Такая мера была вынужденной, поскольку гидроакустическая аппаратура в это время находилась в ремонте⁹.

Данные о надводной, воздушной и минной обстановке в условиях хорошей видимости добывались главным образом посредством визуального наблюдения. Подводная и надводная (в условиях ограниченной видимости) обстановка определялась с помощью гидроакустических приборов. Например, 15 сентября 1942 года катера МО-105 и МО-107 несли дозор на линии № 12 в районе острова Бьёрке. В 22 ч 55 мин гидроакустик МО-107 обнаружил шум моторов. На МО-105 гидроакустические приборы включались периодически, поэтому сообщение о встречных целях сюда поступило с МО-107. Спустя несколько минут в темноте показали 11 катеров. Благодаря своевременному их обнаружению дозор получил возможность подготовиться к бою и с успехом отразил атаку¹⁰.

Большинство катеров, привлекавшихся к несению дозоров, оснащались гидроакустическими станциями «Тамир» или «Цефей», обнаруживающая способность которых была невысокой. Однако хорошая подготовка корабельных специалистов компенсировала несовершенство

Боевые действия корабельной дозорной службы Балтийского флота в 1941—1943 гг. *

Год	Количество морских боев	Участвующие корабли	
		свои	противника
1941	11	12	37
1942	13	21	73
1943	30	58	146

* Таблица составлена на основе архивных данных. См.: ЦВМА, ф. 92, оп. 028580, д. 3, л. 12; ф. 9, д. 34104, л. 76.

⁷ Там же, ф. 92, оп. 028580, д. 3, л. 12; ф. 9, д. 34104, л. 76.

⁸ Там же, ф. 72, д. 27897, л. 4.

⁹ Там же, лл. 8, 9.

¹⁰ Там же, ф. 92, оп. 025344, д. 62, л. 248.

технических средств и позволяла добиваться значительных результатов при использовании этих станций в условиях ограниченной видимости. Так, в октябре — декабре 1942 года, когда продолжительность темного времени суток по сравнению с весенне-летним периодом значительно увеличилась, гидроакустики отстояли вахту в общей сложности 3250 часов (в июле — сентябре, например, 1090 ч). При этом на их долю пришлось большинство обнаруженных морских целей¹¹.

Возросшая с середины июля 1944 года подводная угроза еще раз подтвердила слабую оснащенность кораблей средствами обнаружения и уничтожения подводных лодок и недостаточную их подготовленность к выполнению задач противолодочной обороны. Например, в 1943—1944 гг. ПЛ противника были обнаружены нашими кораблями 114 раз, из них 99 визуально и только 15 с помощью гидроакустических приборов¹².

Общее планирование и организация дозорной службы возлагались на штаб флота, в зонах военно-морских баз — на штабы последних. Задача непосредственного выдвижения ближних дозоров ставилась командованию охраны водного района (ОВР) баз, дальних — командирам соединений, от которых выделялись корабли.

Управление дозорной службой осуществлял командир ОВРа флота, в отдельных районах — соответствующие начальники. Поскольку в ходе войны образовывались новые районы, упразднялись или видоизменялись прежние, то менялась в них и система управления. Так, в июне — сентябре 1941 года непосредственное руководство дозорами западного района было возложено на командира отдельного дивизиона сторожевых кораблей. С 16 сентября дозорная служба в этом районе осуществлялась в основном тральщиками, и за ее организацию стал отвечать командир отряда траления. В восточном районе ею руководил командир истребительного отряда, в Невской губе до 28 сентября — командир ОВРа флота, а до ноября — командир Ленинградской ВМБ. Со второй половины мая 1942 года ответственность за организацию и несение дозоров в первом из них, переименованном в район Островного укрепленного сектора, возлагалась на командира сектора, во втором (Кронштадтском) — на командира истребительного отряда, в третьем (Невской губы) — на командира ОВРа Ленинградской ВМБ¹³.

В 1943—1945 гг. управление организовывалось в соответствии с происшедшим перераспределением сил. Например, с июня 1944 года дозорную службу осуществляли: в районе Лужской ВМБ — корабли ОВРа базы, Островной ВМБ и Кронштадта — истребительного отряда ОВРа Кронштадтского морского оборонительного района, Выборгского укрепленного сектора — истребительного отряда, а также бригады шхерных кораблей¹⁴.

В целом корабельная дозорная служба Балтийского флота в годы войны справилась с возложенными на нее задачами, чем в значительной мере способствовала устойчивой обороне ВМБ, островов, обеспечению морских сообщений, перевозок войск и развертыванию подводных лодок.

Командование флота и военно-морских баз, исходя из оперативной обстановки на театре, своевременно корректировало организацию и задачи дозоров. Изменения вызывались рядом причин, основными из которых являлись: уменьшение или увеличение операционной зоны флота, усиление роли авиации и подводных лодок в войне на море, развитие технических средств наблюдения. В условиях стесненного базирования выставлялись в основном ближние дозоры. К их несению

¹¹ Там же, д. 64, л. 95.

¹² Там же, ф. 9, д. 33384, л. 2.

¹³ Там же, ф. 92, оп. 028480, д. 3, л. 5.

¹⁴ Там же, ф. 72, д. 27893, л. 12; ф. 90, д. 25140, лл. 2, 3.

привлекались главным образом сторожевые катера. В светлое время частично задействовалась авиация. Опасность же появления у баз и в узкостях вражеских подводных лодок вызывала необходимость выдвижения специальных противолодочных дозоров.

Для успешного выполнения поставленных задач большое значение имело оснащение кораблей техническими средствами наблюдения и связи. Отсутствие на кораблях радиолокации снижало эффективность их использования и вызывало высокую напряженность, а слабое зенитное вооружение в условиях господства вражеской авиации, недостаточная боевая устойчивость, запоздалое прибытие сил поддержки приводили к потерям дозорных катеров. Организацию взаимодействия с поддерживающими кораблями и самолетами до конца войны так и не удалось окончательно наладить. Существенные недостатки были присущи планированию и управлению. Во многом это определялось изменяющейся обстановкой. Так, в 1941—1942 гг. дозорным силам приходилось в большей мере противостоять вражеской авиации, в 1943 году и первой половине 1944 г. — катерам, а начиная со второй половины 1944 года и до конца войны — подводным лодкам.

В настоящее время, как утверждают зарубежные специалисты, в связи с развитием и оснащением сил флота ракетно-ядерным оружием, увеличением обнаруживающих возможностей радио- и гидролокационных средств, усилением роли морской авиации корабельные дозоры теряют свое значение и даже целесообразность. И все же пренебрегать боевым опытом, приобретенным ранее, не стоит, поскольку и в настоящее время могут сложиться такие обстоятельства, что использование, казалось бы, устаревших сил, методов и приемов может оказаться наиболее эффективным.

На кораблях и в частях дважды Краснознаменного Балтийского флота уделяется большое внимание изучению и пропаганде истории ВМФ и его боевого опыта. С этой целью организуются встречи военных моряков с ветеранами флота, коллективные просмотры художественных и документальных кинолент на флотскую тематику и их обсуждение, посещение фотовыставок и музеев. Одним из активных популяризаторов боевого опыта является член КПСС капитан 2 ранга Л. М. Горошко. Он увлекательно рассказывает воинам о героических традициях Балтийского флота, о подвигах советских моряков в годы Великой Отечественной войны.

Интернациональная помощь советских партизан антифашистскому движению стран Центральной и Юго-Восточной Европы

*Генерал-майор В. Н. АНДРИАНОВ,
доктор исторических наук*

В 1943 — начале 1944 года в результате побед Советской Армии антифашистское движение в оккупированных странах Европы поднялось на новую, более высокую ступень. Во многих государствах оно приняло характер вооруженной борьбы. Однако развертывание партизанского движения в широком масштабе тормозилось из-за недостатка опытных командных кадров, оружия, боеприпасов. Советский Союз не мог оставаться безучастным к трудностям антифашистских сил. На протяжении всей войны он оказывал разностороннюю помощь движению Сопротивления: готовил и перебрасывал в оккупированные страны национальные кадры, снабжал средствами пропаганды и агитации, оружием, боеприпасами, медикаментами, обеспечивал эвакуацию раненых в советский тыл, направлял советские партизанские формирования, имевшие богатый опыт борьбы в тылу врага, для действия на территории сопредельных государств.

Зимой и весной 1944 года советские войска, развернув активные наступательные действия на Правобережной Украине, приблизились к границам Польши, Румынии, Чехословакии и Венгрии. В первых числах апреля 1944 года для оказания помощи партизанам Польши по инициативе Центрального бюро польских коммунистов на территории СССР создается Польский штаб партизанского движения (ПШПД) во главе с видным деятелем Польской рабочей партии Александром Завадским. Его заместителями по просьбе польских товарищей были назначены С. О. Притыцкий — один из руководителей антифашистской борьбы в западных областях Белоруссии и полковник И. Г. Старинов — заместитель начальника Украинского штаба партизанского движения (УШПД). Оба они обладали большим опытом организации боевых действий в тылу врага. К работе в ПШПД были привлечены и другие штабные командиры и специалисты-партизаны УШПД.

Представители коммунистических партий Чехословакии, Венгрии, Румынии в июне 1944 года обратились в ЦК КП(б) Украины с просьбой помочь им лучше организовать антифашистскую борьбу в своих странах¹. Рассмотрев письмо чехословацких товарищей, ЦК КП(б)

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. — Т. 5. — Кн. 1. — М.: Политиздат, 1970. — С. 576.

Украины постановил: «Удовлетворить просьбу ЦК Коммунистической партии Чехословакии в оказании помощи в деле разворота партизанского движения на территории Чехословацкой республики»². Положительные решения были приняты и на обращения других коммунистических партий.

Украинский и Белорусский ШПД помогли народам Центральной и Юго-Восточной Европы еще шире развернуть антифашистскую борьбу. Были созданы специальные учебные центры по подготовке национальных партизанских кадров: командного состава, специалистов-подрывников, разведчиков, радистов. Так, в учебных центрах УШПД обучалось более 1500 только польских патриотов. Кандидатов для обучения подбирали представители ЦК коммунистических партий.

С территории Советского Союза в Польшу, Чехословакию, Венгрию и Румынию весной и летом 1944 года направлялось несколько десятков партизанских организаторских групп, состоящих из готовых бороться за интересы своей родины, проверенных в боях и получивших необходимую подготовку в учебных центрах патриотов и нескольких опытных советских партизан, которые действовали в качестве штабных командиров, инструкторов-минеров, радистов, врачей. На местах эти небольшие формирования быстро вырастали в крупные отряды и соединения (особенно в Польше и Чехословакии). Всего в 1944 году в Польшу было заброшено 12 организаторских групп, в Словакию — 53, в Чехию и Моравию — 11, в Венгрию более 10 групп, в Румынию 12 отрядов и 8 групп³. Партизанам перебрасывались из Советского Союза оружие, боеприпасы, взрывчатка и другое военное имущество.

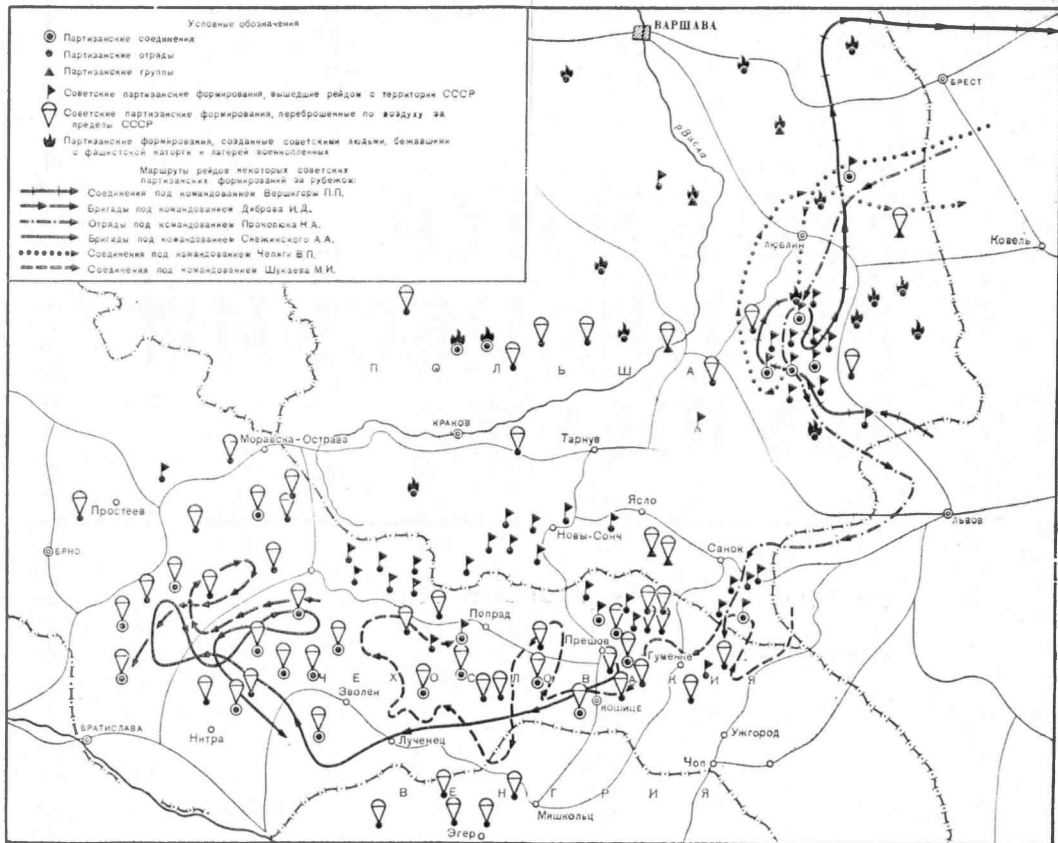
По мере освобождения от противника западных областей СССР партизанские формирования прекращали свои действия. Их личный состав вливался в части действующей армии или направлялся для работы в народное хозяйство. Некоторые наиболее опытные и боеспособные части по указанию штабов партизанского движения Украины и Белоруссии продолжали сражаться в тылу врага на землях сопредельных государств, оказывая интернациональную помощь трудящимся Польши, Чехословакии, Румынии, Венгрии. Следует отметить, что в оккупированных фашистской Германией странах Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы уже с конца 1941 — начала 1942 года действовали многочисленные партизанские группы и отряды, созданные бежавшими из плена бойцами и командирами, а также вырвавшимися из фашистской неволи советскими гражданами. Многие из этих формирований, действовавших в Польше и Чехословакии, влились позднее в советские партизанские части, прибывшие туда из СССР.

Значительное число советских партизан, находившихся в Польше, Чехословакии, Венгрии и Румынии в 1944 году, составляли те, что перешли рейдами государственную границу или были десантированы по воздуху. Кроме того, немало отрядов и соединений возникло на базе групп разведывательных подразделений Советской Армии и органов государственной безопасности, забрасываемых для выполнения специальных заданий. Часто обстановка складывалась так, что разведчики вынуждены были переходить к партизанским методам борьбы. Деятельностью советских партизан руководили через местные штабы партизанского движения и другие советские органы Центральный Комитет ВКП(б) и ЦК компартий союзных республик.

На территорию Польши советские партизаны стали выходить по

² ПА ИИП ЦК КПУ, ф. 1, оп. 190, д. 27, лл. 16—17.

³ История Коммунистической партии Советского Союза. — Т. 5. — Кн. 1. — С. 577.

Районы действия советских партизан на территории сопредельных государств (1944—1945 гг.)

просьбе Крайовой Рады Народовой в начале 1944 года⁴. В феврале по повятам Люблинского и Варшавского воеводств с боями прошла рейдом 1-я Украинская партизанская дивизия имени С. А. Ковпака под командованием П. П. Вершигоры (см. схему). Несмотря на трудные условия, вызванные весенней распутицей и нелетной погодой, нехваткой в связи с этим боеприпасов и невозможностью эвакуации раненых в тыл, советские патриоты наносили чувствительные удары по коммуникациям врага и его небольшим гарнизонам. Попытки противника окружить и уничтожить соединения потерпели провал.

Почти одновременно с ковпаковцами в Польшу вступили соединения И. Н. Банова и М. И. Наумова, а весной формирования В. А. Андреева, И. А. Артюхова, В. А. Карасева, Г. В. Ковалева, М. Я. Наделина, Н. А. Прокопюка, С. А. Санкова, В. П. Чепиги, Б. Г. Шангина, И. П. Яковлева, В. М. Яремчука и других. Всего в 1944 году здесь наносили удары по тылам врага 7 соединений, 26 отдельных отрядов⁵ и большое количество специальных групп советских партизан, вышедших рейдами и перебросенных по воздуху с территории Советского Союза. Основные районы базирования советских партизанских групп, отрядов и соединений, которые действовали в Польше и Чехословакии, показаны на схеме.

⁴ Отдельные группы советских партизан-разведчиков из соединений С. А. Ковпака, А. Ф. Федорова, И. Н. Банова, Г. М. Линькова и других выходили на территорию Польши еще в 1943 г.

⁵ Советская Военная Энциклопедия.— Т. 6.— М.: Воениздат, 1978.— С. 233.

центрах, поселках городского типа и на железнодорожных станциях, в том числе в Билгоре, Янове, Краснобруде, Кжешуве, Ульянове, Тарнобруде, Туробине, Сусеце⁷.

Создавшееся положение вызвало серьезное беспокойство фашистских властей. С крупными силами советских и польских партизан оккупанты уже не могли справиться, и гитлеровское командование начало стягивать в Люблинщину регулярные войска. В июне 1944 года фашисты, сосредоточив три пехотные дивизии регулярных войск и несколько отдельных частей, поддерживаемых авиацией, окружили в Липских и Яновских лесах крупную группировку партизан. Во вражеском кольце оказалось около 3000 человек: 5 отрядов и 2 соединения советских и 2 бригады и один отряд польских партизан, а также один советско-польский отряд. Соотношение сил было примерно 10:1 в пользу противника. К тому же враг располагал артиллерией, танками и авиацией, что облегчало ему действия на открытой местности⁸.

Серьезность обстановки потребовала объединения усилий против карателей и централизации управления боевыми действиями. 13 июня собравшиеся на совещание командиры партизанских частей избрали объединенное командование во главе с командиром советского соединения подполковником Н. А. Прокопюком и выработали единый план действий. Одновременно был организован штаб объединенных польско-советских сил во главе с советским офицером А. А. Горовичем.

Утром 14 июня противник начал атаки. Завязались ожесточенные бои. Гитлеровцы в течение дня трижды прорывали оборону, но каждый раз решительными контратаками отбрасывались в исходное положение. Партизаны за это время отбили свыше 50 атак. Противник потерял до 1500 солдат и офицеров убитыми и свыше 2000 ранеными. В ночь на 15 июня сосредоточенным ударом они прорвали вражеское кольцо и вышли в Сольскую пуцу, эвакуировав всех раненых⁹.

Многие советские партизанские формирования в связи с успешным продвижением Советской Армии на запад и выходом к Висле во второй половине 1944 года перенесли боевые действия в южные районы Польши и в Чехословакию, где продолжали наносить эффективные удары по врагу. Только в период с 24 сентября по 4 октября 1944 года они вывели из строя 9 железнодорожных мостов и пустили под откос 19 эшелонов противника¹⁰. Энергичную деятельность развернули они и на промышленных объектах Силезского бассейна. Так, 26 сентября на шахте Серша, в 7 км севернее города Хтанув, они подорвали 3 главных котла. Работа шахты, обеспечивавшей углем электростанцию, крекинг-завод, железную дорогу и 12 фабрик, приостановилась на длительное время. 29 сентября были взорваны два паровых котла на военном заводе в 4 км севернее города Сосновец¹¹.

На территории Чехословакии и Венгрии переброска партизанских организаторских групп после их кратковременного обучения началась летом 1944 года. Только с конца июля по август на территорию Словакии десантировались 24 такие группы¹², которыми командовали советские партизаны П. А. Величко, Е. П. Волянский, И. Д. Дибров, А. С. Егоров, В. А. Кузнецов, В. П. Логвиненко, Ф. М. Макаров, Д. М. Резуто, А. С. Садиленко, А. А. Снежинский и другие. Благодаря актив-

⁷ Tuszyński W. Walki partuzanskie w lasach Zipskich Janowskich i Puszczy Solkiej. — Warszawa, 1954. — S. 115.

⁸ История СССР. — Т. 10. — М.: Наука, 1973. — С. 550.

⁹ Там же. — С. 550—551.

¹⁰ ЦАМО СССР, ф. 233, оп. 2356, д. 14, лл. 212—216.

¹¹ Там же, ф. 233, оп. 2356, д. 14, лл. 213—215.

¹² История второй мировой войны 1939—1945. — Т. 9. — М.: Воениздат, 1978. — С. 229.

ной поддержке местного населения они быстро пополнились патриотами-антифашистами, некоторые из них, слившись со словацкими отрядами, превратились в крупные партизанские формирования. Так, командир одной из них И. Д. Дибров на базе двух словацких отрядов организовал партизанскую бригаду. Группы П. А. Величко и А. С. Егорова выросли в бригады, численность которых составляла соответственно 2085 и 2800 человек¹³.

В Венгрию летом 1944 года было переброшено 11 советско-венгерских организаторских групп численностью 166 человек¹⁴. К концу года там уже действовало около 2500 патриотов. Руководящим ядром отрядов, сражавшихся на территории, находившейся под властью хортистов, являлись венгерские коммунисты и патриоты, прошедшие подготовку в антифашистских школах в Советском Союзе. Основная масса организаторских групп перебрасывалась сюда по линии УШПД.

Почти одновременно с десантированием организаторских групп на чехословацкую территорию начали выходить рейдами из Польши и Западной Украины советские партизанские формирования под командованием Л. Е. Беренштейна, В. А. Карасева, В. А. Квитинского, А. И. Курова, В. С. Мацнева, А. П. Шарова и других. С боями пробило себе путь в Чехословакию соединение под командованием подполковника М. И. Шукаева.

Появление в Словакии смешанных советско-чехословацких организаторских групп и советских партизанских отрядов содействовало развитию там антифашистской борьбы. Это совпало с важным моментом в истории героической борьбы чехословацкого народа против фашистских поработителей — Словацким вооруженным восстанием (29 августа — 27 октября 1944 г.). К началу его в местных партизанских формированиях, являвшихся основной вооруженной силой восставшего народа, насчитывалось 8000 человек. Вместе с добровольцами и перешедшими на сторону восставших солдатами они начали упорные бои против наступавших немецко-фашистских войск.

Для оказания помощи словацким коммунистам в организации вооруженной борьбы в освобожденные районы в конце сентября 1944 года были переброшены руководящие работники ЦК КПЧ. С ними УШПД направил группу командиров во главе с полковником А. Н. Асмоловым¹⁵, который был назначен советником начальника Главного штаба партизанского движения (ГШПД), образованного Словацким национальным Советом 16 сентября 1944 года.

Представители УШПД быстро включились в работу ГШПД (начальник штаба Карол Шмидке). Созданная при штабе диверсионная служба, возглавляемая майором Ю. Г. Филатовым, срочно организовала специальные курсы по подготовке минеров-диверсантов. Во все бригады и отряды ГШПД выслал инструкторов, а также подробную техническую документацию по выводу из строя различных вражеских объектов. Благодаря этому за короткий срок удалось подготовить около 250 минеров и значительно повысить эффективность диверсионной деятельности партизан.

Партизанскую войну в Восточной Словакии вели также соединения под командованием М. И. Шукаева, Н. А. Прокопюка и другие, совершившие сюда рейды (см. схему) из Южной Польши и Западной Украины. Они взорвали десятки вражеских поездов и железнодорожных мостов, ликвидировали несколько фашистских гарнизонов, в том числе штаб 97-й легкопехотной дивизии. Активно действовали в Словакии

¹³ Faltan S. a. m. Partisanska Voyna na Slovensku. Osveta. — Bratislava, 1959. — S. 69—70.

¹⁴ Вторая мировая война. — Кн. 3. — М.: Наука, 1966. — С. 174.

¹⁵ ПА ИИП ЦК КПУ, ф. 62, оп. 62-1, ед. хр. 1, л. 118.

также отряды под командованием Е. П. Волянского, А. К. Ляха, В. И. Магарита, Д. Б. Мурзина, М. М. Перечинского, К. К. Попова¹⁶.

После поражения Словацкого восстания командиры советских партизанских формирований помогли повстанцам организованно перейти к иным методам борьбы. Уйдя в горы Чехословакии, продолжали сражаться около 20 тыс. вооруженных бойцов. Только в ноябре — декабре 1944 года подрывники из бригад А. Егорова, В. Квитинского, Э. Биелика, А. Циприха, В. Пршикрыла подорвали 76 воинских эшелонов, 282 автомашины. Всего за этот период на территории Словакии было пушено под откос 109 эшелонов¹⁷.

Как и в Польше, организаторские группы в Чехословакии быстро устанавливали связь с местными патриотами и активно включались в вооруженную борьбу. Например, группа под командованием Н. В. Волкова десантировалась в сентябре 1944 года в составе 19 человек, а через некоторое время выросла в партизанскую бригаду «Смерть фашизму» численностью около 600 человек. На базе группы С. Г. Морозова, десантированной также в сентябре в составе 19 человек, была создана бригада «Мстители» численностью 345 бойцов. До соединения с наступающими частями Советской Армии она провела 34 боя, взорвала 3 моста и осуществила 9 крупных диверсий во вражеском тылу.

На территорию Чехии и Моравии советско-чехословацкие организаторские группы начали прибывать из советского тыла с сентября 1944 года. К марту 1945 года их число достигло одиннадцати. На помощь местным партизанам были направлены отряды под командованием советских командиров В. М. Геруса, Д. Б. Мурзина, М. Я. Савельева, Я. Ушьяка и других¹⁸.

С января 1945 года и до освобождения Чехословакии партизанские отряды и бригады в прифронтовой полосе, выполняя задания советского командования, действовали в тесном тактическом взаимодействии с наступающими передовыми частями Советской Армии. Большинство из этих формирований держало связь с УШПД и его представительством при военном совете 4-го Украинского фронта. Так, в конце января 1945 года бригада под командованием П. А. Величко по заданию представительства УШПД при военном совете 4-го Украинского фронта спустилась с Высоких Татр, внезапно ворвалась в город Липтовски-Градок, завязала уличные бои, захватила мост и удержала его до подхода советских войск. Соединение А. М. Садиленко установило связь с разведывательными подразделениями 42-й гвардейской стрелковой дивизии и согласовало свои планы с советским командованием по воспреещению отхода 208-й пехотной дивизии гитлеровцев к Черному Балугу и Брезно. Соединения блокировали пути отхода противнику завалами, минами, выставили засады. В ходе боев при попытках его прорваться через ущелье партизаны уничтожили сотни гитлеровцев, а 31 января соединились с одним из полков 42-й гвардейской стрелковой дивизии и вместе с ним ворвались в город Брезно¹⁹.

В дни майского восстания чешского народа решительно действовала десантировавшаяся в начале марта 1945 года в район юго-западнее Праги и быстро связавшаяся с чешским антифашистским подпольем организаторская группа под командованием Е. А. Олесинского. С ее помощью из 10 местных разрозненных партизанских отрядов к 20 апреля было создано соединение «Смерть фашизму», насчитывавшее 1750

¹⁶ История Великой Отечественной войны 1941—1945. — Т. 4. — М.: Воениздат, 1962. — С. 327.

¹⁷ Асмоллов А. Н. Фронт в тылу вермахта. — М.: Политиздат, 1977. — С. 247, 302.

¹⁸ История СССР. — Т. 10. — М.: Наука, 1973. — С. 553.

¹⁹ Асмоллов А. Н. Указ. соч. — С. 309—310.

вооруженных бойцов. Соединение освободило от гитлеровцев города Пшибрам, Добжиш, Инце, Гостомица и 57 сел, отрезав пути трем вражеским дивизиям, стремившимся вступить в столицу Чехословакии для подавления восстания. Несколько входивших в него отрядов под командованием М. Х. Баранова прорвались через вражеские заслоны в Прагу, соединились с восставшими и вместе с ними сражались на баррикадах²⁰.

Тактика советских партизан при ведении боевых действий за рубежом носила наступательный характер. Способы действий отрядов менялись в зависимости от изменения обстановки. Умело маневрируя в тылу врага, нарушая его связь и снабжение, неожиданно появляясь в самых уязвимых районах, партизаны наносили противнику значительный урон. Только за октябрь — ноябрь 1944 года отряды и соединения, подчиненные УШПД, истребили в Чехословакии и Венгрии 12 919 гитлеровцев, пустили под откос 48 воинских эшелонов, взорвали 24 железнодорожных моста, 1 туннель, 33 шоссе моста, уничтожили 22 самолета, 41 танк и броневладелец, 273 автомашины, трактора и тягача, разгромили 6 гарнизонов, вывели из строя 9 промышленных объектов, паровозное депо и железнодорожную станцию, разрушили 4 воинских склада противника²¹.

Многие партизанские формирования, в которых сражались советские патриоты, были интернациональными по составу. В них наряду с гражданами СССР воевали поляки, французы, чехи, словаки, итальянцы, англичане, югославы, австрийцы, бельгийцы, немцы, греки и представители многих других национальностей. Вся деятельность этих интернациональных сил была проникнута общностью целей, классовой солидарностью, братской взаимопомощью. Советские партизаны пользовались исключительным авторитетом среди зарубежных участников Сопротивления и местного населения. Своей самоотверженной борьбой против фашистских захватчиков, бесстрашием и отвагой, благородством и честностью, нравственной чистотой они завоевали любовь и уважение народов тех стран, на землях которых им приходилось сражаться. Непосредственное участие советских патриотов в антифашистской вооруженной борьбе на территории сопредельных государств способствовало расширению движения Сопротивления, активизировало его действия в борьбе с фашизмом. Всесторонняя бескорыстная помощь Советского Союза патриотическим силам стран Центральной и Юго-Восточной Европы способствовала росту антифашистских сил, укреплению боеспособности партизанских отрядов, превращению их в грозную силу. Самоотверженной борьбой в рядах движения Сопротивления советские люди доказали великую необоримую силу идей пролетарского интернационализма, братства и дружбы народов.

²⁰ Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1941—1945.— М.: Наука, 1976.— С. 516.

²¹ Государственный исторический архив УССР, ф. 1, оп. 14, д. 905, лл. 265—270.

Особенности партийно-политической работы в Курской битве

*Полковник в отставке М. П. ДЕМИН,
кандидат исторических наук*

СОРОК ПЯТЬ лет назад, летом 1943 года, Советская Армия одержала убедительную победу над немецко-фашистскими войсками в битве под Курском. Ожесточенные сражения на Курской дуге длились с 5 июля по 23 августа и характеризовались крайней напряженностью и динамизмом. Гитлеровская операция под кодовым наименованием «Цитадель», в которой политическое и военное руководство фашистской Германии планировало взять реванш за поражение под Сталинградом, потерпела провал. Немецко-фашистская армия была поставлена перед катастрофой. Стратегическая инициатива окончательно перешла в руки советского командования.

«Курская битва, — говорил товарищ Горбачев М. С. в речи на торжественном заседании в Курске, посвященном вручению городу ордена Отечественной войны I степени, — стала величайшим подвигом и триумфом вооруженных сил и всего советского народа. В героической Курской битве, как и в других крупных сражениях Великой Отечественной войны, со всей силой проявилась организующая и вдохновляющая роль нашей Коммунистической партии. В этой победе проявились невиданный патриотизм, негибаемая стойкость и мужество, воинское мастерство и массовый героизм советских людей»¹.

Отвага и доблесть наших воинов в Курской битве были нормой их поведения. За подвиги в этом сражении свыше 100 тыс. солдат, сержантов, офицеров и генералов награждены орденами и медалями², а более 220 особенно отличившихся удостоены звания Героя Советского Союза³. 132 дивизии стали гвардейскими, 26 соединений и частей получили наименования Орловских, Белгородских, Харьковских, Карачевских⁴.

Важную роль в воспитании у личного состава высоких морально-политических и боевых качеств играла партийно-политическая работа. Она строилась и проводилась на основе ленинских идей о защите социалистического Отечества, решений партии и правительства и характеризовалась высокой идейностью и целеустремленностью. В ней широко использовались изданный в 1943 году стотысячным тиражом двухтомник произведений В. И. Ленина, тогда же вышедшие в свет два

¹ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. — Т. 1. — М.: Политиздат, 1987. — С. 431.

² История второй мировой войны. — Т. 7. — М.: Воениздат, 1976. — С. 185.

³ Горбачев М. С. Указ. соч. — С. 431.

⁴ История второй мировой войны. — Т. 7. — С. 185.

сборника ленинских документов. Красноармейцам читались лекции и доклады на темы: «В. И. Ленин о защите социалистического Отечества», «В. И. Ленин — великий патриот Родины» и другие. Офицеры изучали произведения вождя самостоятельно.

Особенности партийно-политической работы в Курской битве во многом определялись спецификой подготовительного периода, который длился более трех месяцев. Командиры, политорганы и партийные организации, умело используя оперативную паузу, весной и летом 1943 года делали все необходимое для повышения моральной и боевой готовности войск к решающим боям в Курской битве. Обогатились содержанием и формы идейно-политического воспитания личного состава. Главным в этой работе, как и прежде, было формирование у воинов коммунистической убежденности, чувств советского патриотизма, дружбы народов СССР, ненависти к врагу. Но теперь, после победы под Сталинградом, она велась на основе широкого показа успехов Советской Армии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, пропаганды массового героизма и боевого мастерства бойцов и командиров. Мобилизации воинов на самоотверженную борьбу с врагом способствовали политические занятия с солдатами и сержантами, которые регулярно проводились с апреля до 1 июля, различные агитационно-пропагандистские мероприятия. Так, на Центральном фронте читались лекции и доклады на темы: «Всемирно-историческая победа Советской Армии под Сталинградом», «Массовый героизм личного состава и боевое мастерство войск — важнейшие факторы боевых успехов» и др.

Активизировалось патриотическое воспитание воинов на примерах героического прошлого русского народа. 25 мая 1943 года Главное политическое управление Советской Армии направило в войска специальную тематiku бесед, докладов и лекций, а также книгу «Героическое прошлое русского народа», которые способствовали целенаправленной деятельности политорганов и партийных организаций.

Содержание партийно-политической работы вытекало из сложившейся военно-стратегической обстановки, конкретных боевых задач соединений и частей, изменений, происходивших в организационной структуре партийно-политического аппарата. Благодаря организующей роли партии, героическому труду рабочего класса и колхозного крестьянства в стране была создана мощная военно-промышленная база и обеспечена всесторонняя помощь фронту. Советская Армия располагала всем необходимым для наступления. Но Верховное Главнокомандование, учитывая создавшуюся военно-политическую обстановку, приняло решение на преднамеренную оборону, одновременно готовя войска к решительным наступательным действиям, к выполнению новой и ответственной задачи: «Изгнать в течение лета и осени вражеские войска за линию Смоленска, реки Сож, среднего и нижнего течения Днепра, а также ликвидировать Кубанский плацдарм немцев»⁵. Поставленной целью определялась одна из основных особенностей партийно-политической работы в Курской битве — органическое единство подготовки воинов к стойкой обороне и развитию у них моральной готовности к наступлению. Это нашло отражение в содержании и методах организаторской и идеологической деятельности командиров и политработников. В обращении к войскам в начале Курской битвы военный совет Центрального фронта призывал воинов: «...остановить и перемолоть как можно больше гитлеровских бандитов, подготовить, как это сделали славные сталинградцы, условия для перехода в решающее наступление...»⁶.

⁵ Сообщения Советского информбюро. — Т. 5. — М.: Советское информбюро, 1944. — С. 219.

⁶ Шиллов К. К. Речицкая Краснознаменная. — М.: Воениздат, 1984. — С. 76.

Важная особенность партийно-политической работы в Курской битве определялась введением новой организационной структуры партийно-политического аппарата. 24 мая 1943 года ЦК партии принял постановление «О реорганизации структуры партийных и комсомольских организаций в Красной Армии и усилении роли фронтовых, армейских и дивизионных газет», а ГКО СССР — постановление об упразднении института заместителей командиров рот и батарей по политической части. В результате на руководящую партийную и комсомольскую работу было выдвинуто свыше 400 тыс. партийных и комсомольских активистов, а более 130 тыс. политработников переведено на командную работу⁷.

Усилению идейно-политического влияния на личный состав способствовало укрепление партийных организаций. Только в батальонах и равных им подразделениях Воронежского, Центрального, Брянского и Западного фронтов были созданы 6096 новых первичных парторганизаций, которые много сделали для повышения действенности работы среди воинов. Партийные организации Центрального и Воронежского фронтов в июне приняли в свои ряды 23 тыс. человек. К началу сражения на Курской дуге в каждой стрелковой роте и артиллерийской батарее имелось 10—12 и более коммунистов и 15—20 комсомольцев. Партийно-комсомольская прослойка в войсках составляла почти 40 проц. Многие танковые и механизированные бригады насчитывали 300—500 и более членов и кандидатов в члены партии. Всего в составе пяти фронтов (Центрального, Воронежского, Брянского, Западного, Степного) находилось более 1 млн. коммунистов и комсомольцев⁸. Они определяли героический настрой личного состава частей и подразделений в обороне и наступлении, страстным партийным словом и личным примером стойкости, храбрости и мужества увлекали бойцов на подвиги. Так, 11 июля к позициям 3-го батальона 26-го гвардейского воздушно-десантного полка прорвались вражеские танки. Коммунист старший сержант П. К. Воробьев, выбежав навстречу им, залег на открытой позиции и из противотанкового ружья подбил два «тигра». Будучи раненным, он взял противотанковую гранату и с возгласом «За мою партию!» бросился под танк. Подвиг коммуниста воодушевил воинов батальона, мобилизовал их на успешное выполнение поставленной задачи.

Коммунист сержант Ванахун Манзус (232-й минометный полк), сказавшись в окружении врагов, ударил миной по плите миномета. Он погиб, уничтожив несколько гитлеровцев. За этот подвиг В. Манзус удостоен звания Героя Советского Союза.

Завершенная к концу июня 1943 года реорганизация партийных и комсомольских организаций помогла усилить их связь с воинскими массами, оживить агитационно-массовую работу. В нее были вовлечены не только штатные политработники, но и командиры, а также рядовые коммунисты и комсомольцы. В каждой дивизии создавался большой отряд агитаторов во взводах и ротах. «Идя навстречу боям, — докладывал в политотдел армии начальник политотдела 6-й гвардейской стрелковой дивизии полковник В. В. Петров, — дивизия имела 638 агитаторов, из них коммунистов 330, способных не только словом, но и личным примером воодушевлять бойцов и командиров на самоотверженную борьбу с врагом»⁹. В последующем личный состав соединения, отражая массированные атаки танков и пехоты противника, проявил высокую стойкость и массовый героизм. В оборонительных боях под

⁷ Идеологическая работа КПСС на фронте (1941—1945 гг.). — М.: Воениздат, 1960. — С. 146, 148.

⁸ Курская битва. — М.: Наука, 1970. — С. 360.

⁹ ЦАМО СССР. ф. 427, оп. 11125, д. 4, л. 82.

Курском дивизия уничтожила 244 танка и много другой техники. Потери врага убитыми и ранеными составили 7860 человек. Соединение награждено орденом Красного Знамени¹⁰.

Неослабное внимание уделялось реализации мер, намеченных постановлением ЦК партии от 24 мая 1943 года по усилению роли фронтовой печати в воспитании личного состава. К началу Курской битвы увеличилось количество и качество периодических изданий. В 1943 году было создано более 150 новых газет. Разовый тираж ежедневных армейских изданий составил в июле 1943 года 1624 тыс. экземпляров¹¹. Политорганы контролировали своевременную доставку газет, требовали, чтобы печать активно использовалась в воспитании воинов, и постоянно помогали в этом командирам и политработникам.

Одна из особенностей партийно-политической работы вытекала из того, что в Курскую битву с обеих сторон было вовлечено огромное количество боевого оружия и техники: 69 тыс. орудий и минометов, 13 200 танков и самоходных орудий и свыше 11 тыс. боевых самолетов¹². Советские войска получили самолеты новых типов, более совершенные системы реактивной артиллерии, стрелкового и другого вооружения. Все это требовало больших усилий для мобилизации личного состава на овладение поступавшей боевой техникой и оружием, приемами борьбы с танками врага. Воинам постоянно разъяснялось, что герой — это прежде всего мастер военного дела. Партийные и комсомольские организации настойчиво боролись за личную примерность коммунистов и комсомольцев в боевой учебе. В подготовительный период эти вопросы обсуждались на партийных и комсомольских собраниях, заседаниях бюро, на которых намечались конкретные меры по совершенствованию боевого мастерства воинов.

В листовках, издаваемых массовыми тиражами, рассказывалось о том, как поражать технику врага, популяризировались воины, подбившие «тигры». Личному составу разъяснялись специальные указания военных советов фронтов и армий, проводились слеты истребителей танков, собрания боевого актива. С целью ликвидации «танкобоязни» организовывались обкатка пехоты танками в окопах и траншеях, показ результатов стрельб артиллерии по трофейной боевой технике. Например, в 5-й гвардейской танковой и 6-й гвардейской армиях состоялись показательные стрельбы из противотанкового оружия по захваченным фашистским танкам. В некоторых соединениях были созданы специальные группы фотографов, которые после стрельб изготавливали фотоснимки с указанием уязвимых мест вражеских машин. Фотографии раздавались агитаторам. Личному составу разъяснялось, что фашистский танк может быть уничтожен любым противотанковым средством, если умело владеть им.

Для мобилизации воинов на поражение боевой техники захватчиков использовались не только моральные, но и материальные стимулы. 24 мая 1943 года был издан приказ НКВД «О поощрении бойцов и командиров за боевую работу по уничтожению танков противника». Им устанавливались денежные премии за каждый подбитый или уничтоженный танк. Во многих соединениях и частях умело использовали предоставленные права. Например, в 307-й стрелковой дивизии 13-й армии 7 июля вручили воинам денежные премии, а затем с личным составом провели беседы «Активно уничтожать фашистские танки», «Противотанковая граната и противотанковое ружье — надежное средство уничтожения фашистских танков» и др. Это способствовало повы-

¹⁰ Там же, лл. 84, 89.

¹¹ Курская битва. — С. 353.

¹² Там же. — С. 5

шению боевой активности воинов. На следующий день они уничтожили 54 танка врага, т. е. в 4,5 раза больше, чем 7 июля¹³.

В ходе Курской битвы только в оборонительном сражении подбито и сожжено около 3000 фашистских танков, из них 1900 поразили артиллеристы. Немало вражеских машин записали на свой счет танкисты и пехотинцы. Так, 1-я гвардейская танковая бригада за 12 дней июля уничтожила 100 фашистских танков, из них 35 «тигров», а стрелки взвода старшего сержанта Х. М. Мухамадиева (70-я гвардейская стрелковая дивизия) за 4 дня подбили 27 танков¹⁴.

Огромное воспитательное и мобилизующее значение имела пропаганда отличившихся в боях воинов. Герои популяризировались в печати и с помощью устной агитации. Командиры стали активнее использовать право награждения личного состава орденами и медалями. В период битвы появились и новые формы популяризации подвигов. Они были связаны, в частности, с практикой салютов в честь выдающихся побед Советской Армии. Как известно, первый такой салют произведен 5 августа 1943 года после освобождения городов Орел и Белгород. Этому событию посвящались митинги, собрания, беседы.

Активная агитационно-массовая работа проводилась в связи с приказами Верховного Главнокомандующего, в которых объявлялись благодарности войскам. Как правило, текст благодарности вручался каждому воину, входившему в состав отличившегося в боях соединения. Немало полезных мероприятий организовывалось по поводу вручения войскам гвардейских знамен.

В период битвы под Курском командиры и политработники многое делали для введения в строй нового пополнения из числа местных жителей, длительное время находившихся на оккупированной территории. Например, в части и соединения Воронежского фронта весной 1943 года таких призывников поступило свыше 60 проц. С ними проводились беседы о боевых традициях Советской Армии, массовом героизме, проявляемом в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. В запасные голки, где велась их подготовка, направлялись наиболее опытные командиры и политработники. Перед новичками выступали герои минувших боев, лучшие специалисты. Агитаторы разъясняли военно-политическую обстановку, рассказывали о боевом пути частей и соединений¹⁵.

Сильное воспитательное воздействие оказывали на личный состав митинги, проводимые совместно с населением освобожденных городов и сел, которые широко практиковались в период контрнаступления наших войск под Курском.

Маршал Советского Союза И. С. Конев, бывший командующий Степным фронтом, назвал Курскую битву эпопеей стойкости, мужества, героизма, вызвавшей удивление и восхищение современников. Подчеркивая ее историческое значение, он отметил, что она «навсегда сохранится в памяти как символ непобедимости нашей великой социалистической Родины»¹⁶.

Опыт партийно-политической работы в Курской битве учит командиров и политработников уменью действенно влиять на личный состав в сложной боевой обстановке, проявлять творчество и инициативу, помогает изыскивать пути повышения эффективности воспитания советских воинов в современных условиях.

¹³ ЦАМО, ф. 299, оп. 3063, д. 13, л. 126.

¹⁴ В пламени сражений. — М.: Воениздат, 1973. — С. 126.

¹⁵ Идеологическая работа КПСС на фронте (1941—1945 гг.). — М.: Воениздат, 1960. — С. 144.

¹⁶ Курская битва. — С. 39.

Военные действия на северо-западном направлении в начальный период войны

*Полковник Б. Н. ПЕТРОВ,
кандидат исторических наук*

ПРОБЛЕМЫ, связанные с началом Великой Отечественной войны, сложны и многогранны. Особенно актуальными, на наш взгляд, являются вопросы о вступлении Вооруженных Сил в войну и ведении первых операций. Известно, что в начальном периоде на каждом из стратегических направлений советские войска провели крупные оборонительные операции. Однако в военно-исторических трудах до последнего времени эти операции в общей системе приграничных сражений не выделялись и отдельно не рассматривались. В статье анализируются оборонительные операции советских войск на северо-западном направлении.

С первого дня боевых действий это направление стало ареной напряженных и ожесточенных сражений крупных группировок вооруженных сил обеих сторон. Здесь гитлеровское командование в короткие сроки стремилось добиться намеченных военно-политических целей, включавших захват Прибалтики и Ленинграда с базами и кораблями Краснознаменного Балтийского флота, овладение важнейшими районами советского Заполярья и создание выгодных стратегических условий для взаимодействия с группировкой войск, нацеленной на центральные районы нашей страны.

Планом «Барбаросса», в частности, предусматривалось, что после рассеяния нашего фронта в Белоруссии немецко-фашистской группировкой, выдвигавшейся из района Варшавы, создадутся «предпосылки для поворота мощных частей подвижных войск на север, с тем чтобы во взаимодействии с северной группой армий, наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника, действующие в Прибалтике. Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операциям по взятию Москвы...»¹.

Для нанесения внезапного удара по войскам в полосе Прибалтийского особого военного округа командование вермахта сосредоточило крупные силы в Восточной Пруссии, издавна являвшейся форпостом германского милитаризма. Здесь на фронте протяжением 230 км (от Балтийского моря до Гольдапа) развертывалась группа армий «Север» (18-я и 16-я полевые армии и 4-я танковая группа). Ее действия поддерживал 1-й воздушный флот. Южнее, от Гольдапа до Сувалок, на 70-км фронте сосредоточилась 3-я танковая группа и часть сил 9-й армии, входивших в группу армий «Центр»².

¹ «Совершенно секретно! Только для командования!». — М.: Наука, 1967 — С. 151—152.

² В соответствии с планом «Барбаросса» 3-я танковая группа после прорыва обороны в полосе 11-й армии Северо-Западного фронта и достижения Вильнюса должна была повернуть на Минск и в дальнейшем действовать в полосе Западного фронта.

Всего немецко-фашистская группировка насчитывала 41 дивизию, в том числе 7 танковых и 6 моторизованных. Для наступления в Прибалтике агрессор привлек 655 тыс. человек, 7670 орудий и минометов, 1400 танков и 1070 самолетов. Средняя оперативная плотность врага составляла 7—8 км на дивизию, а советских войск — около 50 км, причем только на дивизию первой линии.

Вдоль границы Советского Союза с Норвегией и в северной части Финляндии дислоцировалась отдельная армия вермахта «Норвегия», которая получила задачу захватить Мурманск и Кировскую железную дорогу севернее Беломорска.

В юго-восточной части Финляндии сосредоточились Карельская и Юго-Восточная финские армии. Карельская должна была захватить южные районы Карелии и встретиться с войсками группы армий «Север» на реке Свирь. Юго-Восточной ставилась задача овладеть Карельским перешейком, соединиться с немецкими войсками в районе Ленинграда и занять военно-морскую базу Ханко.

На северном участке развернулись 21 дивизия и 3 бригады врага. В них насчитывалось 325 тыс. человек, около 3200 орудий и минометов, 900 самолетов³.

Войска Прибалтийского особого (командующий генерал-полковник Ф. И. Кузнецов) и Ленинградского (командующий генерал-лейтенант М. М. Попов) военных округов должны были не допустить вторжения агрессора из Восточной Пруссии и Финляндии и обеспечить оттобразивание и сосредоточение соответствующих сил на северо-западном направлении.

Краснознаменному Балтийскому флоту (командующий вице-адмирал В. Ф. Трибуц) предписывалось воспрепятствовать проникновению фашистских кораблей в Финский и Рижский заливы и высадке десантов.

Прибалтийским особым военным округом (с 22 июня — Северо-Западный фронт) в эшелон прикрытия сухопутной границы на фронте 300 км (от Балтийского моря до южных границ Литвы) выделялись две армии: 8-я (командующий генерал-майор П. П. Собенников) и 11-я (командующий генерал-лейтенант В. И. Морозов).

Вторые эшелоны армий прикрытия составляли 12-й и 3-й механизированные корпуса (командиры генерал-майор Н. М. Шестопалов, генерал-майор танковых войск А. В. Куркин). От них требовалось в случае прорыва агрессора нанесением контрударов уничтожить его и восстановить положение.

27-я армия (командующий генерал-майор Н. Э. Берзарин) находилась в глубине территории округа. Управление ее располагалось в Риге. 67-я, 16-я стрелковые дивизии и 3-я отдельная стрелковая бригада выделялись для охраны морского побережья совместно с силами военно-морских баз.

К 22 июня 1941 года в округе находилось 25 дивизий, в том числе 4 танковые и 2 моторизованные (см. табл. 1). Стрелковые соединения содержались по штатам мирного времени⁴, а танковые и моторизованные не закончили формирование.

Ленинградский военный округ (с 24 июня — Северный фронт) в своем составе имел три армии: 14-ю (командующий генерал-лейтенант В. А. Фролов) на мурманском и кандалакшском направлениях, 7-ю (командующий генерал-лейтенант Ф. Д. Гореленко) на петрозаводском и 23-ю (командующий генерал-лейтенант П. С. Пшенников). Послед-

³ Важнейшие операции Великой Отечественной войны. — М.: Воениздат, 1956. — С. 37.

⁴ На 1 июня 1941 г. средняя укомплектованность дивизий ПриОВО составляла 8710 человек, численность же пехотных дивизий немецко-фашистских войск была доведена до штатов военного времени (16 850 человек).

Таблица 1

Боевой состав Северо-Западного фронта на 22 июня 1941 года

няя прикрывала Ленинград с севера и запада. В округ входила 21 дивизия, в том числе 4 танковые и 2 моторизованные. Соединения, непосредственно занимавшие приграничные районы, были укомплектованы личным составом и материальной частью по штатам военного времени.

Основные события на северо-западном направлении с началом войны развернулись в Прибалтике (см. схему). На северном участке противник перешел в наступление в конце июня.

Соотношение сил и средств на 22 июня в полосе Северо-Западного фронта показано в таблице 2. Следует отметить, что немецко-фашистская группировка превосходила войска этого фронта по личному составу и артиллерии, а по танкам и самолетам сохраняла примерное равенство. Однако необходимо помнить, что в составе фронта имелось всего 109 танков новых марок (Т-34, КВ). Основную массу (1284 ед.) составляли легкие танки БТ-7 и Т-26, принимавшие участие в советско-финляндской войне, с небольшим запасом моторесурсов и изношенной ходовой частью.

Армии	Соединения	
	стрелковые	танковые
8-я	10 ск (10, 90 сд) 11 ск (48, 125 сд) 11 сд	12 мк (23, 28 тд; 202 мд)
11-я	16 ск (5, 33, 188 сд) 29 ск (179, 184 сд) 23, 126, 128 сд	3 мк (2,5 тд; 84 мд)
27-я	22 ск (180, 182 сд) 24 ск (181, 183 сд) 16, 67 сд; 3 сбр	
Итого: армий — 3	ск — 6, сд — 19, сбр — 1	мк — 2, тд — 4, мд — 2

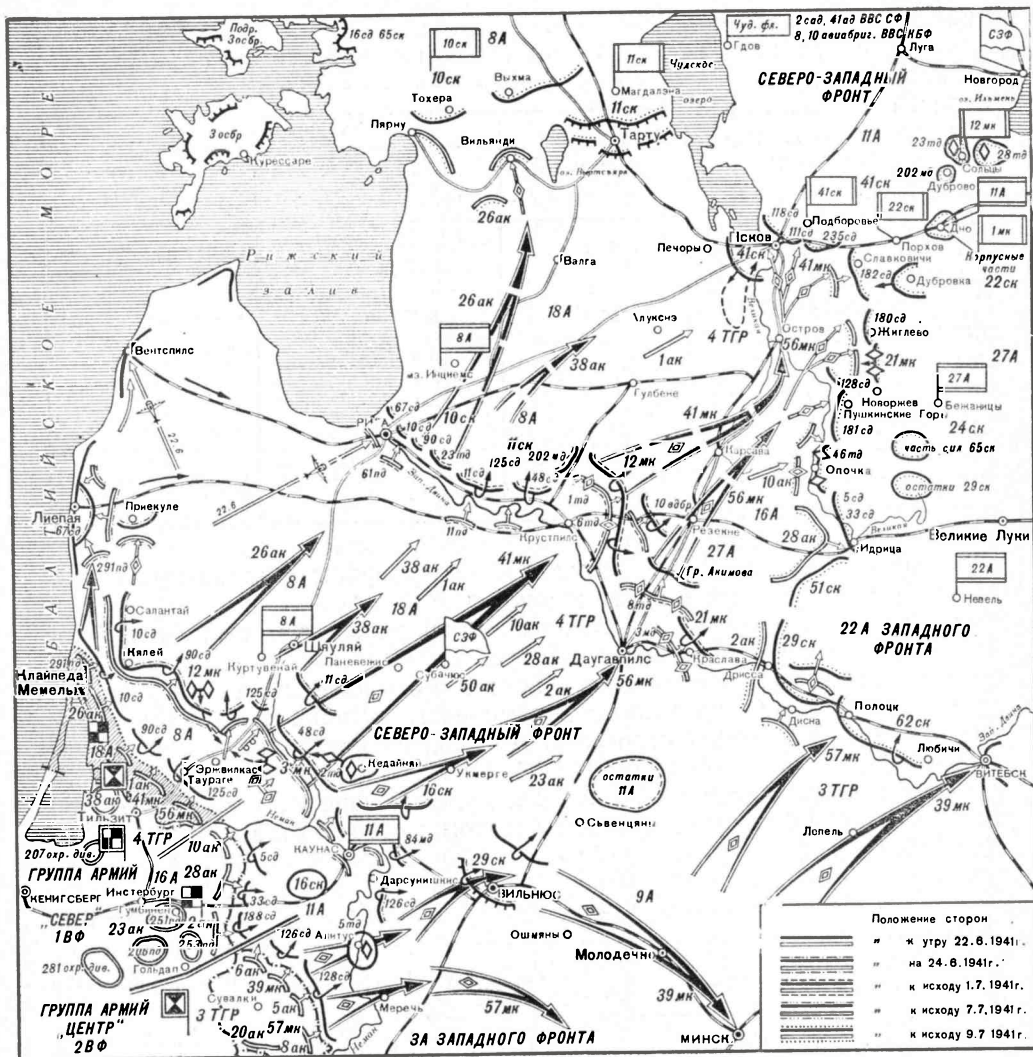
Таблица 2

Силы и средства	Северо-Западный фронт	Противник (18, 16А; 4, 3 тгр)	Соотношение
Личный состав (тыс. человек)	348	655	1:1,8
Орудия и минометы (без 50-мм)	5573	7673	1:1,4
Танки (всех марок)	1393	1389	1:1
Самолеты (боевые)	1210	1070	1,1:1

Вражеская группировка, сосредоточенная в Восточной Пруссии, насчитывала только 430 легких танков, а главную ударную силу составляли 749 модернизированных в 1940 году средних танков Т-3 и 210 танков новой тогда марки Т-4.

Анализ состояния противостоящих группировок показывает, что противник имел почти двойное превосходство в личном составе и полуторное в артиллерии. Качественное преимущество по основной массе танков и самолетов было также на стороне немецко-фашистских войск. Кроме того, гитлеровцы обладали двухлетним боевым опытом. За счет решительного массирования сил и средств на направлениях ударов враг образовал компактные ударные группировки, превосходившие соединения армий прикрытия на шяуляйском направлении в 5, а вильнюсском в 8 раз.

На Северо-Западном фронте не было создано ярко выраженной оборонительной группировки. Его командование ошибочно полагало,

Ход боевых действий в Прибалтике (22 июня — 9 июля 1941 г.)

что приграничное сражение будет вестись лишь частью сил (8-й и 11-й армиями прикрытия). Поэтому к 22 июня из всех войск фронта в боевую готовность приводятся только шесть стрелковых дивизий первого эшелона указанных армий и механизированные корпуса, рассредоточенные отдельными дивизиями по ряду направлений на фронте свыше 200 км. В лучшем положении находились соединения 8-й армии, занявшие оборонительные полосы в соответствии с планом прикрытия. Но и они не в полном объеме организовали систему огня и взаимодействие.

Стрелковые дивизии, не входившие в состав стрелковых корпусов (23, 126 и 11-я), а предназначенные в качестве резервов фронта или армий прикрытия, выдвигались к границе⁵. Шесть дивизий трех территориальных корпусов (22-го эстонского, 24-го латышского, 29-го литовского) оставались в лагерях или местах постоянной дислокации.

Сложившаяся к началу войны группировка войск Северо-Западного фронта не обеспечивала отражение массированных ударов агрессора. Стрелковые дивизии первого эшелона армий прикрытия, растяну-

⁵ Приказ на их выдвигание был отдан 18 июня 1941 г. (ЦАМО СССР, ф. 140, оп. 680086, д. 14, лл. 6, 75, 94).

тые на широком фронте, не могли длительно сопротивляться. Выдвигаемые же из глубины резервы не успевали оказать им поддержку, так как опаздывали с прибытием в назначенные районы на 3—5 суток. Учитывая создавшиеся условия, нецелесообразно было подтягивать резервы к государственной границе, а следовало, на наш взгляд, сосредоточивать их на рубежах Немана и Западной Двины.

К боевым действиям на северном участке противостоящие стороны приступили 29 июня. Следовательно, развертывание войск Северного фронта проходило в основном в сроки, предусмотренные планом прикрытия.

Военные действия в Прибалтике начались на рассвете 22 июня сильным артиллерийским обстрелом. Одновременно гитлеровская авиация подвергла бомбардировкам узлы связи, 11 аэродромов, порты и крупные железнодорожные станции.

Удар огромной силы уже в первый день войны расколол фронт советских войск. К 12 часам 4-я танковая группа врага пробила брешь в обороне на стыке 8-й и 11-й армий. Наибольшего успеха противнику удалось добиться в полосе 11-й армии, где 3-я танковая группа рассекла наши боевые порядки. Передовые части этой танковой группы переправились через реку Неман южнее Каунаса, продвинувшись за день на 60 км. Соединения 11А, потерявшие связь со штабом, вынуждены были с потерями неорганизованно и поспешно отступать на Каунас и Вильнюс.

В создавшейся обстановке командование и штаб Северо-Западного фронта не имели полного представления о положении своих войск и направлении вражеских ударов, не могли своевременно и оперативно влиять на развитие событий.

«Не было никаких признаков целеустремленного и планового руководства войсками противника в целом, — указывается в отчетных документах 3-й танковой группы, — сопротивление оказывалось отдельными разобшенными друг от друга вражескими группами. Многочисленные укрепления были недостаточно обеспечены гарнизонами или же не имели их вовсе.

Там, где противник встречался, он оказывал ожесточенное и храброе сопротивление, стоял насмерть»⁶.

Пытаясь восстановить утраченное положение на государственной границе, командующий фронтом в 9 ч 45 мин 22 июня отдал приказ 12-му и 3-му механизированным корпусам осуществить контрудары по тильзитской группировке фашистов, прорвавшейся в полосе 8-й армии. Однако, как нам представляется, обстановка требовала в первую очередь нанести удар по наиболее опасной вражеской группировке, беспрепятственно продвигавшейся на Вильнюс. Следовало привлечь 3-й механизированный корпус, 12-ю, 126-ю, а также 23-ю, подходившую к району боевых действий из глубины, стрелковые дивизии. К сожалению, этого сделано не было и агрессор получил возможность развивать наступление на литовскую столицу.

Вечером 22 июня на Северо-Западном фронте из числа войск, находившихся в приграничной полосе, оставались не введенными в сражение десять дивизий: в полосе 8-й армии — 12-й механизированный корпус и выгрузавшаяся в районе Шяуляй 11-я стрелковая дивизия; в полосе 11-й армии — 3-й механизированный корпус (без 5-й танковой дивизии) и четыре стрелковые дивизии⁷.

Анализируя итоги первого дня боевых действий, следует отметить, что командующие армиями и фронтом, их штабы вследствие систематического нарушения связи оказались не в состоянии правильно оце-

⁶ ЦАМО, ф. 500, оп. 12478, д. 231, лл. 5—6.

⁷ История Прибалтийского военного округа. — Рига, 1968. — С. 94.

нить обстановку, быстро принять необходимое решение и организовать управление.

Выдвигавшиеся из глубины соединения и части вводились в сражение с ходу, без достаточного количества артиллерии и боеприпасов, авиационного прикрытия. Противник с воздуха обнаруживал колонны на подходе к полю боя, и его воздушные силы наносили по ним мощные удары. Так, утром 22 июня сильной бомбардировке подверглась 48-я стрелковая дивизия, направлявшаяся походным порядком к государственной границе для усиления обороны на шяуляйском направлении. Она не имела средств противовоздушной обороны, а личный состав при себе боеприпасов, поскольку соединение ориентировалось на проведение учений. Во второй половине дня 22 июня в районе Эржвилкас она была внезапно атакована танками, прорвавшимися со стороны Таураге. В результате дивизия потеряла 70 проц. своего состава⁸.

Таким образом, вводимые в сражение одновременно и по частям стрелковые соединения не могли существенно замедлить продвижение немецко-фашистских танковых группировок и причинить им значительный урон.

23 июня противник продолжал развивать наступление. 8-я и 11-я армии прикрытия понесли большие потери и отходили по расходящимся направлениям. В стыке Северо-Западного и Западного фронтов образовалась брешь шириной до 130 км, которую нечем было закрыть.

Контрудар 12-го и 3-го механизированных корпусов, осуществленный 23—24 июня, вследствие плохой организации и обеспечения свелся к поспешным, несогласованным по месту и времени действиям. Его результаты оказались незначительными, а потери в танках велики. В 12-м механизированном корпусе к 29 июня они составили до 80 проц. материальной части⁹.

ВВС Северо-Западного фронта за первые три дня войны лишились 921 самолета¹⁰.

Последствия первых вражеских ударов для войск фронта были крайне тяжелыми. Уже 23 июня с севера и юга 11-ю армию, прикрывавшую Каунас и Вильнюс, обошли танковые части противника. Армии прикрытия начали беспорядочный отход. Вместе с ними двигались до 60 тыс. невооруженных строительных рабочих, а также беженцы приграничной полосы¹¹, что усугубляло общие трудности. Авиадесанты и диверсионные группы нарушали деятельность тыла и выводили из строя проводные средства связи.

Система управления оказалась расстроеной. Штабу фронта 24 июня удалось сохранить проводную связь только с Москвой и 8-й армией. В работе радиосвязи из-за создаваемых врагом помех возникали перебои. Почти полностью прекратился подвоз боеприпасов и горючего.

Обстановка диктовала проведение решительных мероприятий командованием фронта и армий по ликвидации прорыва противника. Однако, не имея резервов и потеряв управление, восстановить положение и предотвратить отход 8-й и 11-й армий не представлялось возможным.

В целом основная задача — задержать врага в приграничной полосе и обеспечить развертывание главных сил — войсками фронта выполнена не была. Не удалось попытки и ликвидировать глубокие прорывы вражеских танков на важнейших направлениях.

25 июня командующий фронтом получил директиву Ставки Главного Командования, потребовавшей организовать оборону силами от-

⁸ ЦАМО, ф. 1154, оп. 1, д. 2, л. 3.

⁹ Там же, ф. 344, оп. 5554, д. 71, л. 113.

¹⁰ Там же, ф. 35, оп. 107559, д. 6, л. 8.

¹¹ Там же, ф. 221, оп. 1351, д. 200, л. 7.

ходящих объединений, резервами и соединениями второго эшелона по Западной Двине. Из резерва Ставки к этому рубежу выдвигался 21-й механизированный корпус (командир генерал-майор Д. Д. Лелюшенко), который своевременно занять оборону не успел, так как противник 26 июня крупными силами форсировал реку в районе Двинска. Не сумела выйти и организовать оборону на водном рубеже и 27-я армия (второй эшелон фронта). 26 июня ее соединения атаковал 56-й моторизованный корпус вермахта.

Отходившие же советские войска оказались в тяжелом положении. 3-й механизированный корпус находился в окружении. 12-й механизированный корпус (с 1 июля 1941 г. командир полковник В. Я. Гринберг) вел боевые действия совместно с частями 8-й армии. Командующий фронтом сведениями о нем не располагал и считал, что корпус также окружен.

Плохо управляемые соединения 11-й армии с боями пробивались в направлении Полоцка. К этому времени армия потеряла до 75 проц. боевой техники и примерно 60 проц. личного состава¹². Связь с ней отсутствовала. Ее местонахождение стало известно только к вечеру 30 июня. Начальник Генерального штаба генерал армии Г. К. Жуков телеграфировал командующему Северо-Западным фронтом: «В районе ст. Довгилишки, Колтыняны, леса западнее Свенцяны найдена 11-я армия Северо-Западного фронта, отходящая из района Каунас. Армия не имеет горючего, снарядов, продфуража. Армия не знает обстановки и что ей делать.

Ставка Главного Командования приказала под вашу личную ответственность немедленно организовать вывод этой армии из района Свенцяны в район севернее Дисны...»¹³.

Чтобы восстановить фронт, важно было удержать оборонительный рубеж по правому берегу Западной Двины. Однако сдержать натиск сильных подвижных группировок противника здесь не удалось. 26 июня враг с ходу форсировал Западную Двину у Даугавпилса, 29 июня — у Екабпилса, а 30 июня — у Риги.

Предвидя возможность такого прорыва, Ставка 29 июня приказала командующему Северо-Западным фронтом одновременно с организацией обороны по ней подготовить и занять рубеж по реке Великой, опираясь при этом на ранее созданные укрепленные районы в Пскове и Острове. Для усиления на указанное направление из резерва Ставки и Северного фронта прибывал ряд соединений (41 ск, 235 сд, 1 мк).

30 июня генерал-полковник Ф. И. Кузнецов¹⁴ отдал приказ войскам, оборонявшим правый берег Западной Двины, на отход в Псковский, Островский и Себежский укрепленные районы. В ходе отступления командование фронта отменило все ранее отданные распоряжения и потребовало перехода с утра 2 июля в наступление с целью восстановления обороны. Быстрая и неожиданная смена решений без учета времени, имевшегося для их выполнения, привела к тому, что 2 июля войска находились в движении, не готовые к каким-либо действиям. Этим воспользовался противник, и утром того же дня нанес удар в стык между 8-й и 27-й армиями. В связи с угрозой его прорыва в районе Острова и Пскова и для создания глубоко эшелонированной обороны на дальних подступах к Ленинграду Ставка 4 июля приказала привлечь для защиты города часть сил Северного фронта, объединенных в Лужскую оперативную группу, под командованием генерал-лейтенанта К. П. Пядышева. К 10 июля на лужский рубеж обороны, про-

¹² Там же, л. 17.

¹³ Там же, ф. 8, оп. 930688, д. 41, лл. 152—153.

¹⁴ 30 июня командующим фронтом назначен генерал-майор П. П. Собенников, однако до 4 июля войсками фронта продолжал командовать Ф. И. Кузнецов.

тянувшийся по реке Луге от Финского залива до озера Ильмень, вышли четыре стрелковые дивизии, три дивизии народного ополчения, ленинградское пехотное училище и отдельная горно-стрелковая бригада¹⁵.

Боевые действия на линии укрепленных районов по реке Великой также не дали ожидаемых результатов. Отходившие соединения, опаздывая с выходом в назначенные им районы, не успевали оборудовать оборонительные позиции. Укрепленные же районы были разоружены в связи со строительством новых — по государственной границе. Задерживались с подходом и резервы Верховного Командования. Подвижные вражеские группировки опережали их, используя разрывы между отходившими войсками. 6 июля передовые части 4-й танковой группы фашистов захватили Остров, 9 июля — Псков. Создалась угроза прорыва соединений группы армий «Север» к Ленинграду.

На Севере боевые действия начались 29 июня переходом в наступление левофланговых соединений гитлеровской армии «Норвегия» на мурманском направлении, а 30-го — финских войск на ухтинском. 1 июля враг нанес удар из района Куолаярви на Кандалакшу.

В результате упорных боев 14-я армия отошла на отдельных участках от границы на 20—30 км и к середине июля 1941 года остановила противника на всех направлениях. В последующем боевые действия здесь носили местный характер и существенно на стратегическую обстановку, сложившуюся на советско-германском фронте, не влияли.

Таким образом, оборонительная операция Северо-Западного фронта в Прибалтике закончилась неудачей. За первые 18 дней войны советские войска отступили на глубину до 450 км. Почти вся Прибалтика оказалась оккупированной. Командованию фронта не удалось создать оборонительную группировку, способную отразить удар агрессора. В то время как руководство вермахта сосредоточило на главных направлениях сильные компактные ударные группировки, соединения фронта были рассредоточены в широкой полосе на большую глубину и имели низкие оперативные плотности.

Боевые действия в операции отличались высокой динамичностью, быстрыми и резкими изменениями обстановки, отсутствием сплошной линии фронта. Контрудар силами двух мехкорпусов и подходивших к полю сражения резервов не дал желаемого результата.

Значительную роль в неудачном исходе оборонительной операции в Прибалтике сыграли нетвердое управление войсками командованием фронта и его ошибки в оценке обстановки и принятии решения. Ориентация на проводные средства связи себя не оправдала. После первых же ударов авиации противника и действий его диверсионных групп были выведены из строя постоянные линии связи. Тем самым штабы лишились возможности осуществлять управление. Ограниченное количество радиостанций, отсутствие необходимых навыков у командного состава в применении радиосредств не позволили организовать безотказную работу радиосвязи. Из-за запоздалой или искаженной информации решения, принимаемые командующими фронтом и армиями, часто не соответствовали складывавшейся обстановке.

При организации обороны недостаточно использовались такие естественные рубежи, как крупные реки и межозерные дефиле. Поэтому войска фронта не сумели закрепиться на реках Неман, Западная Двина, Великая. Оборона здесь была очаговой и характеризовалась линейным расположением соединений, наличием больших разрывов и открытых флангов в оперативном построении, слабым инженерным оборудованием местности при нехватке противотанковых средств. Не-

¹⁵ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. — Т. 2. — М.: Воениздат, 1963. — С. 80.

смотря на стойкость и упорство личного состава, оборонявшиеся оказались не в состоянии отразить массированные удары превосходящих сил танков, мотопехоты и авиации противника. Переход армий и дивизий к занятию промежуточных рубежей осуществлялся в условиях отхода под постоянным воздействием врага, при отсутствии времени на подготовку к боевым действиям.

В ходе обороны наиболее трудной задачей являлось удержание тактической зоны. Немецко-фашистские войска, обладая превосходством в силах и средствах на избранных направлениях, сравнительно быстро преодолевали сопротивление наших соединений и объединений. После прорыва противником тактической зоны нарушалась оперативная устойчивость обороны, образывались открытые фланги и разрывы между соединениями и объединениями. В этих условиях мы вынуждены были отходить. Такой характер действий сочетался с последовательным оказанием сопротивления на ряде рубежей и борьбой за выход из-под угрозы окружения. В то же время непрерывное отступление в первые недели войны вызывало деморализацию личного состава, боязнь окружения. Не чувствуя локтевой связи соседней, некоторые части оставляли позиции и отходили, даже если противник наступал равными или меньшими силами.

Обстановка требовала от командующих (командиров) и штабов резкого улучшения управления войсками, умения быстро маневрировать имевшимися средствами, ведения активной разведки противника, умелого сбережения сил и одновременно изматывания врага и нанесения ему возможно больших потерь. В тяжелых боях дорогой ценой приобретался боевой опыт командным составом. В Прибалтике на полях сражений прошел суровую проверку на зрелость полковник И. Д. Черняховский, ставший одним из талантливых военачальников Великой Отечественной войны. Части 28-й танковой дивизии под его командованием контратакой не только остановили врага в районе Калтиненай, но и вклинились в его боевые порядки на 5 км, уничтожив при этом 14 танков, 20 орудий и до батальона пехоты. Юго-западнее Шяуляя они героически сдерживали яростный натиск противника и обеспечили отход 8-й армии на рубеж Западной Двины.

Трудные условия, сложившиеся на северо-западном направлении, не позволили осуществить развертывание армейского и фронтового тыла. Войска вынуждены были обороняться без тылов, которые по мере формирования уже в ходе боевых действий с большим опозданием прибывали в состав фронтов, армий и дивизий. Местонахождение многих складов оставалось неизвестно частям и соединениям. Из-за отсутствия организованного тыла последние испытывали острый недостаток в боеприпасах и горючем. В начале июля 1941 года в войсках Северо-Западного фронта количество боеприпасов не превышало 0,6—0,8 бк.

Оборонительная операция в Прибалтике проводилась при участии Краснознаменного Балтийского флота, который действовал в обстановке господства авиации противника и непрерывно усиливавшейся минной опасности. Главной его задачей с началом войны являлась оборона военно-морских баз и районов побережья, которым угрожал захват с суши.

После подхода стратегических резервов и занятия лужского рубежа обороны действия войск на северо-западном направлении с 10 июля переросли в Ленинградскую стратегическую оборонительную операцию, в ее ходе постепенно наметился перелом в ведении оборонительных действий на этом важном стратегическом направлении.

Восстановление прорванного стратегического фронта обороны в 1941 году

Генерал-майор П. Т. КУНИЦКИЙ

ОСНОВНЫМ содержанием действий Советских Вооруженных Сил в начальном периоде войны и последующие месяцы до декабря 1941 года являлась стратегическая оборона. В течение этого времени противнику удавалось три раза добиваться прорыва нашего стратегического фронта на глубину 300—500 км (в июне — на северо-западном и западном, в сентябре — на юго-западном, в октябре — на западном направлении) и трижды нам пришлось его восстанавливать.

Не вдаваясь в подробное описание процесса восстановления прорванного стратегического фронта обороны на каждом из указанных направлений, коротко рассмотрим только некоторые факторы, которые, на наш взгляд, в первую очередь обеспечили решение данной проблемы.

Первостепенное значение имели мобилизация усилий народа и материальных ресурсов, воплощение на практике ленинского положения о том, что «раз дело дошло до войны, то все должно быть подчинено интересам войны, вся внутренняя жизнь страны должна быть подчинена войне, ни малейшее колебание на этот счет недопустимо»¹.

22 июня 1941 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О военном положении», согласно которому в местностях, объявленных на военном положении, все функции аппарата государственной власти по организации обороны, поддержанию общественного порядка и обеспечению государственной безопасности передавались военным советам фронтов, округов и армий, а там, где их не было, — командованию соединений. Местные органы государственной власти, учреждения и предприятия обязывались оказывать полное содействие военному командованию в организации обороны. В тылу врага организовывалось партизанское движение.

Развернутая программа Коммунистической партии по превращению страны в единый боевой лагерь была изложена в директиве Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 года. В документе разъяснялись справедливый характер войны, священная обязанность каждого человека мужественно и стойко защищать свое Отечество. Центральный Комитет партии и Советское правительство требовали: «В беспощадной борьбе с врагом отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу»². На первый план выдвигались всемерное укрепление и усиление действующей армии, перевод народного хозяйства на военные рельсы. Директива явилась, по существу, первым военно-политическим планом, на основе которого началась мобилизация всех сил страны на отпор врагу.

Тяжелая обстановка, сложившаяся в начале войны, потребовала сосредоточить всю полноту власти в государстве в руках чрезвычайного органа, которым стал образованный 30 июня 1941 года Государственный Комитет Оборона (ГКО) под председательством И. В. Сталина.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 41. — С. 117.

² КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Документы 1917—1981. — М.: Воениздат, 1981. — С. 298.

Постановления ГКО имели силу законов военного времени и были обязательны для всех партийных, советских и военных органов. Важнейшей его функцией была мобилизация людских и материальных ресурсов на повышение боевых возможностей Вооруженных Сил по отражению агрессии.

Для восстановления прорванного стратегического фронта обороны большое значение имели **развертывание Вооруженных Сил, перестройка системы управления.**

Первоочередным мероприятием по стратегическому развертыванию Вооруженных Сил явилась мобилизация. Она выражалась в значительном увеличении численности армии и флота за счет военнообязанных, находившихся в запасе, и создании новых формирований в соответствии с мобилизационным планом.

22 июня 1941 года был объявлен Указ Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации, которая началась 23 июня во всех военных округах, кроме Среднеазиатского, Забайкальского и Дальневосточного. Призывались военнообязанные 1905—1918 гг. рождения (контингент 1919—1922 гг. рождения находился на действительной военной службе).

К 1 июля (т. е. в первые 8 дней войны) в результате напряженной работы партийных и государственных органов было призвано 5,3 млн. человек. В августе 1941 года в связи с необходимостью восполнения боевых потерь, комплектованием вновь формируемых соединений и частей, а также созданием резервов была проведена мобилизация военнообязанных 1890—1904-го и призывников 1923 года рождения.

В целях пополнения действующей армии обученным личным составом ГКО принял постановления о подготовке резервов (16 июля 1941 г.) и о всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР (17 сентября 1941 г.).

Большую роль в усилении действующей армии и флота сыграло добровольное вступление советских людей в народное ополчение и истребительные батальоны. К осени 1941 года в стране насчитывалось около 60 дивизий народного ополчения, в строй защитников Родины влилось около 2 млн. добровольцев. В составе истребительных батальонов в годы войны находилось около 400 тыс. человек.

С началом войны по мобилизационному плану приграничные военные округа были преобразованы во фронты: Прибалтийский, Западный и Киевский особые военные округа — соответственно в Северо-Западный (8, 11 и 27-я армии), Западный (3, 10, 4 и 13-я армии) и Юго-Западный (5, 6, 26 и 12-я армии); Ленинградский военный округ — в Северный (14, 7 и 23-я армии). На базе управления, соединений и частей Одесского военного округа была развернута 9А.

Для стратегического руководства вооруженной борьбой 23 июня 1941 года создается Ставка Главного Командования в составе С. К. Тимошенко (председатель), К. Е. Ворошилова, В. М. Молотова, И. В. Сталина, Г. К. Жукова, С. М. Буденного, Н. Г. Кузнецова. 10 июля 1941 года Ставка Главного Командования была преобразована в Ставку Верховного Командования. Ее возглавил И. В. Сталин, в состав введен Б. М. Шапошников. 8 августа 1941 года И. В. Сталин был назначен Верховным Главнокомандующим. С этого времени Ставка стала именоваться Ставкой Верховного Главнокомандования (ВГК).

Ставка ВГК осуществляла свою деятельность под руководством Политбюро ЦК ВКП(б) и ГКО, что обеспечивало ленинский принцип единства политического и военного руководства вооруженной борьбой. На совместных заседаниях членов Политбюро, ГКО и Ставки ВГК обсуждались важнейшие мероприятия по отражению агрессии, восстановлению прорванного стратегического фронта обороны. В стратеги-

ческом руководстве Ставка ВГК опиралась на подчиненный ей Генеральный штаб.

Чтобы облегчить Ставке ВГК руководство военными действиями фронтов, повысить оперативность в управлении, 10 июля 1941 года ГКО принял постановление создать три промежуточных органа руководства — главные командования войск направлений: Северо-Западного во главе с Маршалом Советского Союза К. Е. Ворошиловым (начальник штаба генерал-майор М. В. Захаров, а с августа 1941 г. — генерал-майор А. С. Цветков), Западного под руководством Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко (начальник штаба генерал-лейтенант Г. К. Маландин, с 19 июля — Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников, с 30 июля — генерал-лейтенант В. Д. Соколовский); Юго-Западного во главе с Маршалом Советского Союза С. М. Буденным и с сентября 1941 г. — Маршалом Советского Союза С. К. Тимошенко (начальник штаба генерал-майор А. П. Покровский, с октября 1941 г. — генерал-майор П. И. Бодин). Вскоре при главкоммах были учреждены военные советы, членами которых являлись А. А. Жданов (Северо-Западное направление), Н. А. Булганин (Западное) и Н. С. Хрущев (Юго-Западное).

Летом и осенью 1941 года в целях совершенствования системы стратегического руководства некоторые управления НКО реорганизуются в главные управления. В июле в Генштабе создается специальная группа офицеров (на правах отдела) для связи с действующими войсками из расчета: на фронт — 2, армию — 3, дивизию — 2 человека³.

Для централизации руководства всей организационно-мобилизационной работой в Вооруженных Силах в июле 1941 года в НКО создается Главное управление формирования и укомплектования войск Советской Армии (Главупраформ) во главе с армейским комиссаром 1 ранга Е. А. Щаденко. Оно осуществляло руководство и контроль за формированием общевойсковых соединений и частей (кроме частей и соединений бронетанковых войск, авиации и артиллерии).

Чтобы улучшить тыловое обеспечение войск действующей армии, решением ГКО в июле 1941 года создается Главное управление тыла и учреждается должность начальника Тыла Советской Армии, на которую был назначен генерал-лейтенант интендантской службы А. В. Хрулев. Во фронтах и армиях соответственно создавались управления тыла. Произошли и другие изменения в центральном аппарате, направленные на улучшение руководства Вооруженными Силами, их всестороннего обеспечения.

Восстановлению прорванного стратегического фронта обороны в значительной мере способствовали вскрытие направления главного удара противника, сковывание его сил на других направлениях.

В начале войны, когда враг развернул одновременное наступление на всем стратегическом фронте, было очень трудно сразу определить направление его главного удара. Однако советское командование в основном успешно решило эту задачу. Уже в ходе начальных операций оно сумело довольно точно определить, что главный удар наносится на центральном (смоленско-московском) направлении. К 10 июля 1941 года на западном направлении, на фронте 800 км, что составляло 16 проц. общей протяженности советско-германского фронта, гитлеровское командование сосредоточило 63,5 расчетной дивизии (35 проц.), 1000 танков (около 60 проц.), 16500 орудий и минометов (около 40 проц.) и 1500 самолетов (37 проц.)⁴.

³ Военно-исторический журнал. — 1975. — С. 67.

⁴ Военное искусство во второй мировой войне (стратегия и оперативное искусство). Учебное пособие. — М.: Изд. Военной академии Генерального штаба, 1968. — С. 47.

Определив, что решающим направлением является западное, где враг рвется через Смоленск на Москву, Ставка ВГК в ходе всей летне-осенней оборонительной кампании держала его в центре внимания. Уже 25 июня она приняла решение о перегруппировке 16-й и 19-й армий, которые сосредоточивались юго-западнее Киева, на смоленское направление. Туда же были направлены войска 20, 24 и 28-й армий, выдвигавшиеся из внутренних военных округов. Усиление смоленского, а потом московского направления продолжалось и в последующем. Здесь же быстрыми темпами строились оборонительные сооружения и создавались инженерные заграждения. Все это в конечном итоге привело к тому, что ударные группировки противника на многих рубежах встречали упорное сопротивление советских войск, несли большие потери и вынуждены были делать паузы в наступлении (переход группы армий «Центр» в конце июля к обороне на рубеже восточнее Смоленска).

Однако советскому командованию не удалось накануне наступления немецко-фашистских войск на Москву своевременно обнаружить их подготовку и разгадать замысел гитлеровского военного руководства. Как известно, несвоевременное определение главного удара противника осенью 1941 года и запоздалое решение о переходе трех фронтов западного направления (Западного, Брянского и Резервного) к обороне явились основными причинами неудачного начала стратегической оборонительной операции советских войск на подступах к Москве.

В интересах стабилизации линии фронта на направлении главного удара противника Ставка ВГК развертывала активные действия в стороне от него. Так, в июле—августе упорная оборона в сочетании с контратаками и контрударами на подступах к Ленинграду сорвала планы врага перебросить 4-ю танковую группу на западное направление и тем самым способствовала решению задач Смоленского сражения. В ноябре, когда на главном, московском стратегическом направлении шли тяжелые бои, Ставка ВГК с целью сковать силы противника на флангах советско-германского фронта приказала войскам, действовавшим в районе Тихвина и Ростова, перейти к решительным наступательным действиям. В результате контрнаступлений объединений Волховского фронта под Тихвином и Южного под Ростовом резервы групп армий «Север» и «Юг» оказались скованными и не могли усилить группу армий «Центр».

Большую роль в восстановлении стратегического фронта обороны играли оперативно-стратегические оборонительные рубежи. Они начали создаваться буквально с первых же дней войны, как только Ставка приняла решение о переходе Советских Вооруженных Сил к стратегической обороне, и предназначались прежде всего для прикрытия наиболее важных направлений, политических центров, военно-экономических и стратегических объектов.

Для стабилизации фронта на северо-западе уже 24 июня было принято решение о создании Лужской оборонительной позиции на рубеже по реке Луга от Финского залива до озера Ильмень. В результате боев на подступах к Луге, на Лужском оборонительном рубеже и особенно контрудара 11-й армии под Сольцами, нанесенного 14—18 июля, дальнейшее продвижение немецко-фашистских войск на Ленинград было остановлено почти на месяц, что способствовало усилению обороны на ближних подступах к городу. Общая глубина обороны на ленинградском направлении составляла 100—120 км и была достигнута, кроме Лужской линии обороны, созданием Красногвардейского

укрепленного района и оборонительных рубежей непосредственно на окраинах Ленинграда⁵.

На западном (смоленско-московском) направлении, где противник наносил главный удар, 25 июня ГКО принял решение начать строительство стратегического оборонительного рубежа, опирающегося на реки Западная Двина от Полоцка до Витебска и Днепр от Орши до Лоева. От впереди действовавших войск он был удален на 150—200 км, что позволяло выиграть несколько дней для его занятия выдвигавшимися резервами. 29 июня было принято решение о строительстве Ржевско-Вяземского оборонительного рубежа, 18 июля — Можайской линии обороны (река Лама, Волоколамск, Бородино, Ильинское, Детчино, Калуга, Тула). В середине июля глубина стратегической обороны достигала 250—300 км. В дальнейшем по мере продвижения немецко-фашистских войск от Днепра на восток она наращивалась созданием Московской зоны обороны, включавшей полосу обеспечения и два оборонительных рубежа: главный (подмосковный — по линии Хлебниково, Сходня, Звенигород, Кубинка, Наро-Фоминск, Подольск, река Пахра) и городской (по окраинам Москвы). На юго-западном направлении полосы и рубежи создавались для прикрытия Киева, Одессы, Севастополя, Донбасса.

Наличие заблаговременно подготовленных оборонительных сооружений в тылу в условиях начавшегося отступления советских войск имело большое значение для стабилизации фронта. Между тем большой объем запланированных инженерных работ, недостаток строительной техники и необходимых материалов, а также отсутствие опыта в возведении сооружений не позволяли завершить их оборудование к нужному времени. Очень часто противник, обладавший большим превосходством в силах и средствах, высокой подвижностью, господством в воздухе, прорывался к тыловым оборонительным рубежам, еще не до конца оборудованным и лишь частично занятым советскими войсками. В результате многие из них не сыграли той роли, которая им отводилась, тогда как полностью подготовленные оправдали свое назначение. Примером последнего могут служить оборонительные рубежи, созданные на непосредственных подступах к Москве, Ленинграду, Одессе и Севастополю.

Восстановление прорванного стратегического фронта обороны достигалось за счет создания крупных оборонительных группировок. В силу известных причин с началом войны таких группировок не было. Их пришлось создавать в ходе отражения наступления немецко-фашистских войск путем перегруппировки сил внутри фронтов, переброски соединений с соседних фронтов и выдвижения стратегических резервов из глубины страны. При господстве противника в воздухе это приводило к тому, что советские соединения и части еще до выхода в намеченный район несли крупные потери, вынуждены были вступать в сражение порознь. Боевые действия часто начинались с ходу, на необорудованной или слабо подготовленной в инженерном отношении местности. Все это в значительной степени снижало боеспособность группировок и устойчивость стратегической обороны в целом. Так, в начале июля на западном (смоленском) направлении стратегическая оборонительная группировка стала разворачиваться на рубеже Днепра в то время, когда передовые танковые соединения группы армий «Центр» подходили уже к нему. Пять общевойсковых армий (16, 19, 20, 21 и 22-я), выдвигавшихся из резерва, Ставка вынуждена была вводить в сражение отдельными соединениями, а иногда и полками, по мере прибытия эшелонов с войсками⁶. Времени на организацию

⁵ Военная стратегия. — М.: Воениздат, 1963. — С. 196.

⁶ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. — Вып. 37. — М.: Воениздат, 1957. — С. 226.

системы огня, оборудование и дооборудование оборонительных рубежей, организацию управления и взаимодействия отводилось очень мало. Все это привело к тому, что, несмотря на значительное усиление западного направления резервами, советскому командованию только к концу июля 1941 года удалось остановить продвижение немецко-фашистских войск и заставить их перейти к обороне в итоге Смоленского сражения.

К концу сентября 1941 года, т. е. перед началом наступления противника на Москву, на западном направлении была создана довольно крупная группировка советских войск. В составе Западного, Брянского и Резервного фронтов насчитывалось около 1 250 тыс. человек, 7600 орудий и минометов, 990 танков, 677 самолетов. Немецко-фашистские войска превосходили их в живой силе в 1,4 раза, артиллерии — в 1,8, танках — в 1,7, самолетах — в 2 раза⁷.

Своеобразие обстановки, сложившейся к моменту перехода группы армий «Центр» в наступление, состояло в том, что указанные фронты сами в течение августа — сентября вели активные наступательные действия и только 27 сентября, т. е. за три дня до начала наступления гитлеровцев, получили директиву Ставки о прекращении наступательных операций и переходе к обороне занимаемых рубежей. В связи с тем что в такой короткий срок войска не смогли выполнить даже минимальный объем инженерных работ, перегруппировать силы и создать необходимую для обороны группировку, оборонительные операции войск, прикрывавших московское направление, начались в невыгодной обстановке, на плохо подготовленной местности. В результате враг прорвал стратегический фронт и на подступах к Москве создалась критическая ситуация.

Для восстановления стратегического фронта Ставка была вынуждена спешно перебросить сюда ряд соединений с северо-западного и юго-западного направлений, а также ввести в сражение новые стратегические резервы. В результате энергичных мер, принятых ГКО и Ставкой ВГК, к середине октября 1941 года на Можайском рубеже был развернут Западный фронт. Организация в недельный срок, по существу, нового объединения на московском направлении являлась важным фактором срыва октябрьского наступления немецко-фашистских войск.

К началу ноября 1941 года на московском направлении была создана стратегическая группировка, в состав которой вошли войска Западного, Калининского, Брянского фронтов и Московской зоны обороны, насыщенные более значительным количеством артиллерии, танков, поддерживаемые авиацией и эшелонированные на глубину до 120 км. В начале декабря войска этих фронтов остановили наступление противника на подступах к Москве.

Восстановление нарушенного стратегического фронта летом 1941 года в условиях продолжавшегося общего отхода значительно ослабленных советских войск было достигнуто благодаря крупным стратегическим резервам Ставки ВГК. К 25 июня 1941 года, когда стало ясно, что гитлеровцы наносят главный удар не на юго-западном направлении, как предполагало советское командование перед началом войны, а на западном, севернее Полесья (Минск, Смоленск, Москва), Ставка ВГК срочно начала выдвигать туда семь (16, 19, 20, 21, 22, 24 и 28-ю) армий для восстановления прорванного фронта и усиления войск, действовавших на московском стратегическом направлении.

По приказу Ставки от 14 июля для обеспечения стыка между войсками северо-западного и западного направлений от Старой Руссы до

⁷ История второй мировой войны 1939—1945.— Т. 4.— М.: Воениздат, 1975.— С. 93.

Оленино разворачивались 29-я и 30-я армии в составе 10 дивизий, а восточнее, в районах Торжок, Ржев, Волоколамск, Калинин, Руза, Можайск, Малоярославец, Наро-Фоминск, заканчивалось формирование 31-й и 32-й. Вместе с ранее выдвинутыми 24-й и 28-й они объединились во фронт резервных армий с задачей занять рубеж Старая Русса, Осташков, Белый, Истоминно, Ельня, Брянск и подготовиться к упорной обороне. В 20-х числах июля 14 дивизий первого эшелона этого фронта были введены в сражение для нанесения мощного контрудара под Смоленском.

Для восстановления стратегического фронта, прорванного противником в первые дни войны на западном стратегическом направлении, Ставка ВГК передала в состав Западного фронта за период с 27 июня по 10 июля пять общевойсковых армий (36 дивизий). Позднее с целью создания крупной стратегической группировки сюда дополнительно было направлено 13 общевойсковых армий (104 дивизии и 33 бригады)⁸.

Располагая крупными резервами, Ставка ВГК сумела вторично после поражения под Вязьмой и Брянском восстановить нарушенный фронт на данном направлении (в сентябре 1941 г. для увеличения глубины оборонительной группировки в тылу Западного и Брянского фронтов на Вяземском рубеже обороны был развернут Резервный фронт, а в ноябре в районе Москвы — войска Московской зоны обороны). Всего с начала войны до 1 декабря на западное (московское) направление Ставка ВГК направила 150 стрелковых дивизий и 44 стрелковые бригады, что составило примерно 50 проц. всех стратегических резервов, введенных в сражение в летне-осенней кампании 1941 года⁹. За счет резерва Ставки ВГК стабилизировался фронт также на ленинградском и киевском направлениях, куда было направлено более 140 стрелковых дивизий и 50 стрелковых бригад.

Существенное влияние на решение проблемы восстановления прорванного стратегического фронта оказали активность обороны, мужество и стойкость советских воинов. Активность обороны проявлялась в непрерывном воздействии на противника путем нанесения по нему авиационных и огневых ударов, маневре резервами и огнем на наиболее опасные направления, проведении контратак и контрударов.

Уже в первый день войны в 21 ч 15 мин Главный военный совет направил в войска директиву № 3, которая указывала военным советам фронтов на необходимость организации решительных контрударов с целью разгрома вклинившихся группировок гитлеровцев. Несмотря на тяжелейшие условия приграничных сражений, контрудары дали определенный результат. На ряде направлений Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов наступление врага было задержано от трех до семи суток. Оперативное управление немецкого генерального штаба сухопутных войск отмечало 24 июня, что в полосе группы армий «Центр» из района Белостока советские войска предприняли сильные танковые атаки. Через несколько дней Ф. Гальдер в дневнике записал: «Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бои по всем правилам наших боевых уставов. В Польше и на Западе мы могли позволить себе известные вольности и отступления от уставных принципов; теперь это уже недопустимо»¹⁰.

Высокой активностью характерно Смоленское сражение. В нем

⁸ Военная стратегия. — С. 197.

⁹ Военное искусство во второй мировой войне и в послевоенный период (стратегия и оперативное искусство). Учебник для слушателей Военной академии Генерального штаба. — М., Изд. Военной академии Генерального штаба, 1985. — С. 192.

¹⁰ Гальдер Ф. Военный дневник. Пер. с нем. — Т. 3. — Кн. 1. — М.: Воениздат, 1971. — С. 60.

умело сочетались оборонительные и наступательные действия, длившиеся два месяца (10 июля — 10 сентября). Например, полной неожиданностью для немецко-фашистских войск явился переход 13 июля в наступление 21-й армии на левом крыле Западного фронта с задачей выхода в тыл противнику на могилевско-смоленском направлении. Дивизии 63-го стрелкового корпуса успешно форсировали Днепр, овладели городами Рогачев и Жлобин и наступали в сторону Бобруйска. Южнее 232-я стрелковая дивизия 66-го стрелкового корпуса продвинулась до 80 км и захватила переправы на реках Березина и Птичь. Одновременно 67-й стрелковый корпус 21-й армии и части 13-й задержали дивизии 2-й немецкой танковой группы на рославльском направлении.

Враг повсюду встречал активное противодействие. Советские воины дрались с сознанием того, что фашистские полчища должны быть остановлены любой ценой. Об их стойкость и мужество разбивались все попытки гитлеровцев прорваться к Москве, овладеть Ленинградом.

Командование вермахта признало, что немецкая армия на советской земле столкнулась с противодействием, какого не встречала ни в одной из кампаний на Западе. Фашистский генерал Э. Бутлер после войны писал, что «в результате упорного сопротивления русских уже в первые дни боев немецкие войска понесли такие потери в людях и технике, которые были значительно выше потерь, известных им по опыту кампаний в Польше и на Западе. Стало совершенно очевидным, что способ ведения боевых действий и боевой дух противника... были совсем непохожими на те, с которыми немцы встретились в предыдущих «молниеносных войнах»¹¹.

Величайший героизм советских воинов сыграл большую роль в подрыве ударной силы немецко-фашистской армии, неуклонном снижении темпов продвижения. Так, за первые 18 дней войны немецко-фашистские войска продвигались в среднем с темпом 20—30 км в сутки, а в сентябре—октябре 1941 года (за исключением отдельных направлений) он снизился до 3—6 км в сутки. В начале декабря немецко-фашистские войска предприняли последние попытки прорваться к Москве, но, исчерпав наступательные возможности, стали переходить к обороне.

* * *

Восстановление прорванного стратегического фронта обороны представляло собой исключительно сложную проблему. На то, чтобы сбить темпы наступления противника, остановить его и создать условия для перехода в контрнаступление, потребовалось более пяти месяцев напряженной борьбы. В развернувшемся противоборстве фронт и тыл были слиты воедино.

Практическое решение проблемы в значительной степени усложнялось отсутствием теоретических разработок в отношении стратегической обороны. Накануне войны все наши уставы и наставления были пронизаны идеей активных наступательных действий. В проекте Полевого устава 1939 года записано: «На всякое нападение врага Союз Советских Социалистических Республик ответит сокрушительным ударом всей мощи своих Вооруженных Сил... Войну мы будем вести наступательно, с самой решительной целью полного разгрома противника на его территории...»¹². Теоретические расчеты и практика подготовки войск и штабов исходили из предпосылок, что в ходе войны Советским Вооруженным Силам не понадобится прибегать к длительной обороне в широких масштабах. Действия войск обязательно будут носить с

¹¹ Мировая война 1939—1945: Сборник статей: Пер. с нем.— М., 1957.— С. 163.

¹² Полевой устав РККА: Проект.— М.: Воениздат, 1939.— С. 9, 10

самого начала только наступательный и непременно успешный характер. Оборону предполагалось вести только в оперативно-тактическом масштабе. Вопросам организации и ведения стратегической обороны должного внимания не уделялось, и их пришлось решать уже в ходе начавшейся войны.

Размещение в соответствии с предвоенной теорией в непосредственной близости от новой границы большей части самолетного парка и военных складов привело к тому, что уже в первые часы войны налетам подвергались 26 аэродромов Западного, 23 — Киевского, 11 — Прибалтийского особых округов и 6 аэродромов Одесского военного округа. Общие потери составили около 1200 самолетов. К середине июля, т. е. менее чем через месяц войны, на захваченной территории оказалось 200 складов с горючим, боеприпасами и вооружением. Маршал Советского Союза А. М. Василевский по этому поводу писал: «Нецелесообразно было в непосредственной близости от новой границы строить в 1940—1941 годах аэродромы и размещать военные склады. Генеральный штаб и лица, непосредственно руководившие в Наркомате обороны снабжением и обеспечением жизни и боевой деятельности войск, считали наиболее целесообразным иметь к началу войны основные запасы подальше от государственной границы, примерно на линии реки Волги. Некоторые же лица из руководства Наркомата (особенно Г. И. Кулик, Л. З. Мехлис и Е. А. Щаденко) категорически возражали против этого. Они считали, что агрессия будет быстро отражена и война во всех случаях будет перенесена на территорию противника...»¹³.

Восстановление прорванного стратегического фронта обороны стало возможным благодаря руководящей роли КПСС, ее умению поднять на борьбу с фашистскими захватчиками народные массы, объединить в одно целое внутреннюю и внешнюю политику, науку, все людские и материальные ресурсы и подчинить их единой цели — остановить врага, обескровить его и создать условия для перехода в контрнаступление.

В силу своей особой важности восстановление прорванного стратегического фронта обороны являлось прерогативой высшего военнополитического руководства. На совместных заседаниях членов Политбюро ЦК, ГКО и Ставки ВГК давалась общая оценка состоянию советско-германского фронта, разрабатывалась всеобъемлющая программа действий по отражению агрессии. Ставка ВГК, как высший орган стратегического руководства Вооруженными Силами в войне, непосредственно руководила восстановлением фронта обороны.

Восстановление прорванного стратегического фронта обороны достигалось целым комплексом мероприятий. Основными из них являлись: мобилизация ресурсов страны на повышение боеспособности Советских Вооруженных Сил; создание органов стратегического руководства; вскрытие направления главного удара противника; создание оперативно-стратегических оборонительных рубежей и крупных оборонительных группировок; использование стратегических резервов; организация стратегического взаимодействия. Важную роль играли активность обороны, мужество и героизм советских воинов.

Опыт войны в отношении восстановления прорванного стратегического фронта обороны чрезвычайно многообразен. Обращаясь к нему, недостаточно знать исторические события, необходимо глубоко осмыслить условия, вызвавшие эту проблему, пути и способы ее решения. Изучение прошлого с позиций марксизма-ленинизма дает верные ответы на многие насущные вопросы современности.

¹³ Василевский А. М. Дело всей жизни.— Изд. 2-е, доп.— М.: Политиздат, 1975.— С. 108.

Юго-восточнее Орла

Полковник в отставке Ф. К. ГАВРИКОВ*

НА РАССВЕТЕ 12 июля 1943 года ударные группы смежных флангов 3-й и 63-й армий Брянского фронта с плацдарма на западном берегу р. Зуши западнее г. Новосиля перешли в наступление. Началась Орловская наступательная операция. Ближайшей задачей первого эшелона ударной группы 63-й армии в составе четырех стрелковых дивизий (129, 348, 287 и 250-й)¹ было прорвать оборону противника на восьмикилометровом фронте на глубину 2—2,5 км, выйти на рубеж Матвеевский, Черная Грязь (глубина 4,5—7 км)². Остальной участок полосы обороны армии, являвшийся одновременно не только ее флангом, но и стыком Брянского и Центрального фронтов, должна была прикрывать 41-я стрелковая дивизия³.

За день 12 июля ударная группа 63-й армии вклинилась во вражескую оборону на 6—7 км. Командующий армией генерал-лейтенант В. Я. Колпакчи, стремясь расширить фронт прорыва и нарастить силу удара, 13-го числа ввел из-за правого фланга 397-ю стрелковую дивизию⁴. Гитлеровское командование спешно перебросило к образовавшейся брешке находившиеся в резерве части пехотной и танковой дивизий. Отражая их атаки, наступающие отвоевывали одну за другой позиции и к вечеру продвинулись еще на 6—8 км. В ночь на 14 июля на правом фланге армии была введена в бой еще одна дивизия — 5-я стрелковая⁵. 15 июля Совинформбюро сообщило: «...восточнее Орла наши войска прорвали сильно укрепленную оборонительную полосу противника по фронту протяженностью 30 км и, преодолевая его упорное сопротивление, продвинулись вперед на 20—25 км...»⁶.

Части 41-й дивизии в первые дни Орловской наступательной операции продолжали удерживать занимаемые по р. Неручь позиции и активно вели разведку. Ранним утром 20 июля оборонявшиеся на правом фланге соединения третьей и первой батальоны 139-го полка получили приказ перейти в наступление. Под огнем противника они успешно форсировали реку. Ведя бои в тесном взаимодействии с правым соседом (918-й полк 250-й стрелковой дивизии), воины 139 сп освободили на западном берегу населенные пункты Суры, Выходы, Красное, Калгановка, Калининский, Дубровка⁷.

* В описываемый период автор был начальником оперативного отделения штаба 41-й стрелковой дивизии.

¹ ЦАМО СССР, ф. 420, оп. 11057, д. 177, л. 15.

² Белявский В. А. Стрелы скрестились на Шпрее. — М.: Воениздат, 1973. — С. 87.

³ В состав дивизии входили: 102, 139 и 244-й стрелковые, 132-й артиллерийский полки, 117-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион, другие части и подразделения.

⁴ ЦАМО, ф. 420, оп. 11057, д. 177, л. 16.

⁵ Там же, л. 17.

⁶ Правда. — 1943. — 15 июля.

⁷ ЦАМО, ф. 139 сп, оп. 241550, д. 1, л. 10.

Командир дивизии полковник А. И. Сурченко для развития успеха 139-го полка приказал командиру 244-го полка перейти в наступление. Под покровом темноты на западный берег Неручи переправились два батальона этого полка, и на рассвете 21 июля уже пять батальонов 41-й дивизии вместе с правым соседом вслед за огненным налетом атаковали противника с фланга, стремясь отсечь ему пути отхода. 299-я гехотная дивизия, командование которой разгадало этот замысел, начала стходить. Заметив это, находившиеся в обороне подразделения 102-го полка перешли в наступление, лишая врага возможности организованно отходить на заранее подготовленный рубеж. Преодолевав сопротивление противника, части 41-й дивизии к исходу суток освободили 21 населенный пункт⁸. 102-й полк был выведен во второй эшелон и занял оборону на стыке с 48-й армией, а его участок наступления принял 244-й. Гитлеровцы укрепились на заранее подготовленном рубеже, проходившем по восточным скатам господствовавших высот.

22 июля в полдень, произведя 20-минутный огневой налет по боевым порядкам действовавшего на правом фланге 244-го полка первого батальона (командир капитан М. Е. Быков), до пехотного батальона фашистов перешли в контратаку. Основной удар пришелся по первой стрелковой роте. Когда до неприятеля осталось 200 м, командир роты коммунист старший лейтенант И. И. Гаевой подал команду на открытие сосредоточенного огня из всех видов оружия. Длинные очереди ручных пулеметов и автоматов слились с частыми выстрелами винтовок и глухими разрывами 82-мм мин. Враг, неся потери, отошел. Спустя полчаса после артиллерийского налета противник опять контратаковал наши позиции, но уже двумя пехотными батальонами. Подчиненные капитана Быкова, взаимодействуя с воинами полковой батареи 120-мм минометов, вынудили врага повернуть назад. В течение дня гитлеровцы тринадцать раз пытались отбросить первый батальон, но успеха не добились. Когда последняя контратака захлебнулась, наши подразделения на плечах отходившего противника ворвались на его позиции и заняли господствовавшие высоты⁹.

Каждый воин батальона сражался храбро, мужественно, умело. Старший лейтенант Гаевой был трижды ранен, но не покинул поля боя, продолжая управлять ротой. Комсомолец рядовой И. Т. Лутовнин уничтожил тринадцать фашистов, в том числе расчет легкого пулемета. Помощник командира взвода сержант А. Я. Завалишин лично уничтожил трех вражеских солдат.

В течение следующего дня части 41-й дивизии, преодолевая упорное сопротивление противника, освободили 9 населенных пунктов, достигнув передовыми подразделениями восточного берега р. Оптухи. На левом фланге 63-й армии обозначился успех.

Утром 24 июля командный пункт дивизии переместился из Усова в деревню Масаловку. Как только отделения штаба развернули работу на новом месте, начался налет вражеской авиации. Около двух часов Ю-88 и Ю-87 бомбили деревню. Часть жилых домов и хозяйственных построек были разрушены, другие загорелись. В такой обстановке старшие сержанты отдельной роты связи дивизии П. Т. Кузнецов и Ф. А. Широков продолжали поддерживать радиосвязь с КНП и частями дивизии. Начальник мастерских этой роты старший лейтенант Е. А. Лазарев вместе с подчиненными устранил повреждение проводной линии связи, а когда прямым попаданием бомбы разрушило центральную телефонную станцию (ЦТС), бросился на помощь пострадавшим. Сделав перевязку шести раненым, он вынес в укрытие не только их, но и две радиостанции¹⁰.

24 июля к исходу дня подразделения 139-го и 244-го полков полностью очистили от противника восточный берег Оптухи. Впереди виднелись постройки поселка горского типа Становой Колодезь, который находился примерно в 20 км южнее Орла. Гитлеровцы использовали участок железнодорожной магистрали между этими населенными пунктами для маневра силами и средствами по фронту. Поселок, вытянувшийся на 5—6 км, и почти вплотную примыкавший к нему населенный пункт Хотетово размещались на холмах, господствовавших над окружающей местностью. На западном

⁸ Там же, ф. 420, оп. 11057, д. 369, л. 226.

⁹ Там же, ф. 1137, оп. 1, д. 6, л. 11.

¹⁰ Там же, ф. 25, оп. 2, лл. 169, 226, 261.

берегу р. Оптухи и возвышенностях фашисты создали широко разветвленную сеть окопов, пулеметных площадок, опорных пунктов.

В середине ночи штаб дивизии получил боевой приказ командующего 63-й армией № 74/оп, согласно которому на левом фланге армии создавалась ударная группа в составе 287, 250 и 41-й стрелковых дивизий. Перед соединениями ставилась задача овладеть Становым Колодезем, нанести удар на Орел с юго-востока. Объединить управление действиями этих дивизий с целью выполнения поставленных задач должен был командир 35-го стрелкового корпуса генерал-майор В. Г. Жолудев. Перед 41-й дивизией, усиленной 1311-м истребительно-противотанковым полком и 313-м гвардейским минометным полком, ставилась задача овладеть Хотетово, Становое, надежно обеспечивая левый фланг армии¹¹.

Командир дивизии, заслушав предложения заместителей, начальника штаба, командующего артиллерией и оценив обстановку, назначил атаку на 13 часов. К этому времени солдаты и сержанты должны были изучить местность и расположение огневых средств противника, а командиры частей и подразделений — организовать бой и взаимодействие.

Утро следующего дня после прошедшего ночью проливного дождя выдалось чистым, совсем невоенным. Первые лучи солнца, скользя по спокойной глади Оптухи, преломились в легком тумане, поднимавшемся от реки, радужно засияли в нем. Было тихо и за рекой. В одиннадцатом часу гитлеровцы стали периодически обстреливать из шестиствольных минометов, тяжелых и ручных пулеметов позиции частей дивизии. Наша сторона молчала. У фашистов, очевидно, сложилось впечатление, что за истекшие сутки наступавшие выдохлись и не способны возобновить атаку. Они успокоились. Над Оптухой и дальше за ней вплоть до железнодорожного полотна Орел — Курск снова воцарилась необычная для фронта тишина.

В 13 часов на позиции гитлеровцев внезапно обрушился град снарядов и мин, затем прогремел залп полка гвардейских минометов («катюш»). Батальоны первого эшелона дивизии вслед за разрывами снарядов перешли в атаку, форсировали Оптуху, ворвались на передний край и, преодолевая сопротивление врага, продолжали двигаться вперед. Большую помощь и поддержку пехоте в это время оказали летчики штурмовой авиации. Наши Илы (прозванные фашистами «черной смертью») девятками кружили над полем боя, бомбя и подавляя пушечным огнем цели, указанные стрелковыми подразделениями с помощью сигнальных ракет и трассирующих пуль.

Взаимодействуя с авиацией и артиллерией, второй и третий батальоны 139-го полка к 16 часам выбили противника из первой траншеи и овладели деревней Рагозино. До двух пехотных батальонов врага пять раз переходили в контратаку, но каждый раз наткнулись на огонь станковых пулеметов, автоматчиков, пэтэровцев и минометчиков. В 17 часов командир полка ввел в бой батальон второго эшелона, и полк вслед за окончанием разрывов реактивных снарядов ворвался во вторую траншею, захватил в плен свыше 30 и уничтожил более сотни солдат и офицеров. В тот же день подразделения 244-го полка тоже форсировали р. Оптуху. Они овладели западной частью села Никольское. Встретив упорнейшее сопротивление врага, полки вынуждены были закрепиться на достигнутом рубеже.

Трое суток на небольшом участке орловской земли шли кровопролитные бои. Гитлеровцы любой ценой хотели удержать Становой Колодезь и Хотетово. Каждая высота по несколько раз переходила из рук в руки. Земля содрогалась от взрывов авиабомб и снарядов, гудела под гусеницами танков и штурмовых орудий, алала от пролитой крови. Стрелки и автоматчики, пулеметчики и пэтэровцы, артиллеристы и минометчики дрались насмерть. Командир отделения взвода пешей разведки 244-го полка сержант П. Е. Кожемякин со своим отделением в ночь на 26 июля пробрался в деревню Давыдово, добыл ценные сведения и послал их со связным в штаб, а сам с остальными разведчиками занял оборону. Как только подразделения перешли в атаку, его группа с фланга внезапно открыла огонь из автоматов. Искусно меняя позиции между домами, разведчики создали видимость окружения противника и тем самым способствовали его разгрому в деревне. Наводчик станкового пулемета из первого батальона этого же полка ефрейтор П. П. Могильников переместился на

¹¹ Там же, ф. 420, оп. 11057, д. 18, л. 46.

фланг и огнем своего «максима» обеспечил быстрее форсирование реки. Затем, сменив огневую позицию, удачно расположился в боевом порядке левофланговой роты и вместе с другими воинами отразил три контратаки, лично уничтожив двенадцать гитлеровцев.

Парторг седьмой роты 139-го полка старший сержант А. Р. Прокопчук во время боя за деревню Рагозино заменил выбывшего из строя командира взвода, а через некоторое время и тяжело раненного ротного командира. Мужественный коммунист умело руководил отражением вражеских атак. Гитлеровцы настойчиво пытались вернуть тактически выгодную высоту. Оставшиеся в живых коммунисты рядовые П. Ромаков и Л. Кизючов, комсомолец рядовой А. Кузнецов и беспартийный рядовой К. Мамеркулов во главе с отважным парторгом несколько часов сдерживали натиск и удержали свою позицию до подхода подкрепления¹².

Расчет орудия из 132-го артиллерийского полка во главе с сержантом Р. Есимбаевым, поддерживая подразделения 139-го полка, для отражения контратаки выкатил из окопа орудие и прямой наводкой осколочными гранатами уничтожил несколько десятков фашистов, вынудив остальных отойти¹³. Отделение первой стрелковой роты 244-го полка, возглавляемое ефрейтором В. Т. Смагиным, одним из первых достигло южной окраины Хотетово. Воины захватили три дома и упорно удерживали их. Наводчики противотанковых ружей коммунисты ефрейторы О. Ахмеджанов и М. Бондарчук, находясь в боевых порядках стрелковых подразделений, огнем своих противотанковых ружей подавили три вражеских пулемета, чем способствовали успешному наступлению стрелков на Хотетово.

Упорные бои за эту деревню длились до самой темноты, а в ночь на 28 июля враг начал отводить свои основные силы, преследуемые подразделениями 139-го полка, которые в 7 ч 30 мин овладели северной окраиной Хотетово. Прибывший сюда командир полка майор Я. И. Павленко вызвал командиров батальонов и уточнил боевые задачи подразделений. В это время из-за скатов высоты выдвинулось штурмовое орудие «фердинанд» и произвело около десяти выстрелов. Осколками одного из снарядов майор Я. Павленко был тяжело ранен. В командование полком вступил его заместитель майор А. А. Шавшунов. Батальоны этого полка в 14 часов после 15-минутного огневого налета возобновили наступление и, продвинувшись на два километра вперед, закрепились западнее Хотетово. Наступавший левее 244-й полк, преодолев сильное сопротивление противника, овладел деревней Заря.

Со второй половины 27-го и всю ночь 28 июля непрерывно шел проливной дождь. Полевые дороги превратились в месиво. Крайне затруднялось передвижение артиллерии и подвоз боеприпасов, на исходе оказались патроны, снаряды и мины. Полки, почесшие в течение непрерывных 10-дневных боев значительные потери (в большинстве стрелковых рот осталось 30—40 проц. личного состава, выбыли из строя командиры рот и взводов), получили задачу закрепиться на достигнутом рубеже.

Командирский наблюдательный пункт (КНП) дивизии к утру 29 июля переместился на западные скаты безымянной высоты в километре западнее Хотетово. Бежавший враг оставил здесь траншею, два блиндажа, и отсюда хорошо просматривались боевые порядки полков первого эшелона. Командир дивизии, оставив старшим на КНП начальника оперативного отделения, вместе с начальником политотдела и командующим артиллерией убыл на тыловой пункт управления, где хоронили скончавшегося от ран командира 139-го полка майора Я. И. Павленко. Около 11 часов противник произвел 10-минутный огневой налет, после чего до полутора пехотных батальонов, поддерживаемых штурмовыми орудиями «фердинанд», контратаковали 139-й полк. С КНП дивизии было хорошо видно, как почти на двухкилометровом фронте цепь гитлеровцев приближалась к еще не успевшим закрепиться на достигнутом рубеже подразделениям полка. С нашей стороны слышались короткие пулеметные очереди да редкие выстрелы 76-мм полковой пушки, выдвинутой в боевые порядки пехоты. Начальник оперативного отделения приказал командиру дивизионной артиллерийской группы (ДАГ) открыть огонь. Аналогичную задачу он поставил и находившемуся на КНП командиру дивизиона гвардейских минометов капитану В. Игнатову. Вскоре перед неприятельской цепью разорвалось несколько снарядов, не

¹² Там же, ф. 1137, оп. 1, д. 6, л. 15.

¹³ Там же, л. 13.

причинивших контратакующим ощутимого вреда — они продолжали идти вперед. Орудия молчали. Стрелять было нечем, расчеты израсходовали все имевшиеся снаряды. В создавшейся критической ситуации энергично действовали гвардейцы-минометчики. По команде капитана Игнатова «Первая — к бою» минут через пять на высоте показались четыре расчехленные боевые машины. Они на ходу развернулись в линию, остановившись метрах в 50 от КНП. Мгновение — и огненные стрелы прошли небо. Произведя залп, машины так же быстро, как и появились, скрылись. Шедшие в атаку гитлеровцы в панике заметались и повернули назад. Преследуя их, устремились вперед бойцы 139-го и 244-го полков. Воины настигли отходившего противника и ворвались на юго-восточную окраину Леонтьево, оседлав южнее его шоссе шоссею дорогу. Развивая успех, они овладели хутором Наборный и, подойдя вплотную к Оловяниково, по приказу стали закрепляться на достигнутом рубеже. Во второй половине дня полкам были доставлены патроны, гранаты, мины и снаряды.

В последующие пять суток части дивизии продолжали вести упорные бои. В ночь на 30 июля понесший большие потери 139-й был сменен 102-м полком, находившимся во втором эшелоне. В 14 ч 30 мин после артиллерийского налета части первого эшелона перешли в атаку и, преодолевая сопротивление врага, освободили Козиновку, Леонтьево, Оловяниково. На следующий день до двух пехотных батальонов гитлеровцев дважды контратаковали, но, встреченные залпами гвардейских минометов, огнем артиллерии и стрелкового оружия, вынуждены были отходить, неся потери. Произведя ночью перегруппировку, наши полки на рассвете возобновили наступление. 102-й полк 1 августа к исходу дня достиг восточного берега р. Рыбницы. Подразделения 244-го полка освободили пять населенных пунктов и, форсировав с ходу Рыбницу, захватили плацдарм на ее западном берегу.

Высокий наступательный порыв воинов постоянно поддерживался активной конкретной партийно-политической работой. Каждая пауза использовалась для проведения бесед о только что проведенном бое с анализом его итогов, о положении на других участках фронта. Читались последние сводки Совинформбюро, свежие газеты, проводились собрания, популяризировались подвиги особо отличившихся солдат и сержантов и их опыт. Воины дивизии, проявившие мужество и отвагу, вступали в ряды ВКП(б). С 5 июля по 25 августа было подано 554 заявления с просьбой о приеме в партию и 244 — в комсомол. 2 августа к исходу дня 102-й полк, овладев плацдармом на западном берегу Рыбницы, готовился к прорыву промежуточного оборонительного рубежа, а 244-й расширял захваченную территорию.

3 августа до всего личного состава дивизии было доведено обращение военного совета Брянского фронта, в котором содержался призыв к солдатам, сержантам и офицерам ускорить продвижение вперед и быстрее освободить Орел, находившийся в 6—10 км. На призыв военного совета фронта воины усилили натиск. Части 41-й дивизии в ночь на 4 августа прорвали промежуточный рубеж обороны и к 16 часам достигли восточного берега Оки в районе Кнубрь, Хомуты. В 4 ч 40 мин передовые отряды правофланговых 5-й и 129-й стрелковых дивизий 63-й армии ворвались на восточную окраину Орла и завязали уличные бои. Остальные соединения первого эшелона армии вплотную подошли к городу. В ночь на 5 августа, когда шли упорные бои на улицах Орла, батальон капитана А. И. Атюскина (102-й полк) форсировал Оку и овладел деревней Кузнецы. К утру древнерусский город Орел был полностью очищен от гитлеровцев. В 24 часа столица нашей Родины — Москва салютовала доблестным войскам, освободившим Орел и Белгород, двенадцатью артиллерийскими залпами из 120 орудий.

Слушая по войсковым рациям взволнованный голос Левитана, читавшего приказ Верховного Главнокомандующего о первом в истории Великой Отечественной войны салюте, воины дивизии как бы заново переживали события истекшего месяца, который казался им из-за упорных боев по прорыву глубоко эшелонированной обороны противника, ежедневных потерь боевых товарищей и друзей неимоверно долгим и тяжелым. В то же время результаты вызывали у солдат и офицеров соединения гордость за свой вклад в дело разгрома немецко-фашистских захватчиков.

Литературные страницы

В № 1 журнала за нынешний год было опубликовано интервью с В. С. Пикулем, а также извещалось, что писатель прислал в редакцию рукопись своей новой исторической новеллы. Появление ее под новой рубрикой «Литературные страницы» именно в этом номере не случайно: автору 13 июля исполнилось 60 лет.

1988 год для юбиляра памятен еще одним важным событием. В честь семидесятилетия Вооруженных Сил ему за известный и популярный роман «Из тупика» была присуждена премия Министерства обороны СССР. Денежное вознаграждение он полностью перечислил на счет госпиталя, где находятся на излечении воины-интернационалисты.

Редакция искренне поздравляет Валентина Саввича Пикуля с юбилеем и высокой оценкой его труда, желает ему крепкого здоровья и новых творческих удач.

Валентин ПИКУЛЬ

ОЧЕВИДНО, с годами человек острее чувствует личную соприкосновенность к событиям своего бурного века.

Пятый класс школы я заканчивал перед самой войной и тогда же впервые прочитал повесть Бориса Лавренева «Стратегическая ошибка» о прорыве летом 1914 года германских крейсеров «Гебен» и «Бреслау» в Черное море. Ограниченный в своих познаниях, я следил лишь за развитием сюжета и многое не понял, но сама фабула повести надолго осталась в сердце.

Сейчас мою память снова тревожат старые, еще детские воспоминания о «стратегической ошибке» британского Адмиралтейства, которую лучше назвать политической диверсией. Сам хлебнувший морской воды и многое заново переосмысливший, я теперь могу судить о событиях прошлого с гораздо большими подозрениями...

Итак, читатель, я приглашаю тебя в жаркие дни лета 1914 года, когда молодой Уинстон Черчилль занимал в Уайтхолле руководящий пост первого лорда британского Адмиралтейства.

Загадки этой истории возникли за год до начала войны. Однажды в Афинах встретились офицеры немецких и английских кораблей, дислоцированных в Средиземном море. Было ясно, что за столами банкета расселись будущие соперники в борьбе за господство на морях, и тем более подозрительно звучали доводы англичан, убеждавших немцев не выводить «Гебен» из Средиземного моря.

— Когда суп закипает, — намекали они, — хорошая кухарка не отходит от горячей плиты. Если же Германия имеет свои интересы на Ближнем Востоке, то вашему «Гебену» лучше оставаться в этом пекле, нежели бесцельно торчать в Гамбурге...

Поверх отчета об этой встрече в Афинах рукою кайзера Вильгельма II была наложена скоропалительная резолюция: «Близится возможность раздела Турции, и потому корабль, — имелся в виду «Гебен», — на месте абсолютно необходим». Гросс-адмирал Альфред фон Тирпиц осмелился возражать императору:

— Ваше величество следует советам англичан, наших эвентуальных противников, желающих ослабить Германию в Северном море, тогда как британская эскадра остается на Мальте и, случись политический конфликт, она в два счета разломает «Гебен» заодно с крейсером «Бреслау».

— Случись конфликт, — задиристо отвечал Вильгельм II, — и наши «Гебен» с «Бреслау» окажутся нужнее возле берегов Сирии или Египта, наконец, их появление возле Босфора заставит очнуться от сладкой дремоты весь мусульманский мир...

«Кайзер, — писал Тирпиц, — особенно гордился нашей средиземноморской эскадрой; я же весьма сожалел об отсутствии «Гебена» в Северном море».

Прошел год. Нервозный, иссушающий июль 1914-го породил знаменитый «июльский кризис», возникший после выстрела в Сараеве, который наповал сразил эрцгерцога Франца Фердинанда. Мир засыпал в тревоге, ибо в Берлине и в Вене отчетливо, как никогда, постукивали каблуки генштабистов. «Все движется к катастрофе, — сообщал Черчилль жене. — Мне это интересно, я испытываю подъем и счастье...»

Италия тогда примыкала к союзу с Германией и Австрией. Но итальянцы рассуждали: «Нам до этого эрцгерцога — словно до тухлой сардинки». Июльские дни пылали жарой, когда на рейде адриатического порта Бриндизи неслышно появились две затаенные тени, невольно пугающие итальянцев своим грозным видом.

— Немцы! — говорили жители. — Не хватает им своей колбасы, так они притащились за нашими макаронами...

«Гебен» был линейным крейсером (почти линкором), а «Бреслау» считался крейсером легким. Их якоря прочно вцепились в грунт. Командовал ими контр-адмирал Вильгельм Сушон. В его салоне приятно пахло апельсинами, свежий ветер шевелил бланком расшифрованной телеграммы с предупреждением о близкой войне. Сушон вызвал флагманского механика.

— Бикфордов шнур подожжен, — сказал адмирал, — и не сегодня завтра мир будет взорван. А что делаете вы? Почему машины «Гебена» едва выжимают восемнадцать узлов?

Вопрос был непрост. Английская разведка сработала плохо, в Лондоне продолжали думать, что «Гебен», лучший в мире линейный крейсер, способен выдерживать скорость 24—28 узлов. Но флагманский механик, вздохнув, огорчил Сушона:

— Увы, в котлах потекли трубки, и даже восемнадцать узлов мы выжмем лишь на короткой дистанции. Необходим капитальный ремонт, для чего следует убраться в гавани рейха.

— В уме ли вы? — вспылил Сушон, потрясая перед механиком бланком радиogramмы. — Берлин полагает, что Гибралтар уже перекрыт для нас, а британский адмирал Траубридж держит свои крейсера на Мальте с машинами «на подогреве»...

Механик поклонялся Сушону, что машинная команда «Гебена» не ляжет спать, пока не заменит в котлах текущие трубки:

— Я понимаю, что без лишних узлов нам не выдержать гонки с отличными «ходоками» адмирала Траубриджа...

Предварительно погасив огни, тяжело дыша соплами воздуходувок, германские крейсера медленно перетянулись в Мессину. Французская эскадра адмирала Ляпейрера не могла выставить против «Гебена» достойного соперника, но Траубридж держал на Мальте три крейсера, способных сообщать раздолье с «Гебеном», хотя за один бортовой залп он выбрасывал сразу 3260 килограммов рвущейся стали...

В кают-компании Сушон вполне здраво рассуждал:

— Уайтхолл способен усилить Траубриджа хотя бы еще одним крейсером, и тогда от нашего могущества останется на дне моря паршивая куча ржавеющей стали. Италия, союзная нам, страшится войны, испытывая давнее отвращение к Габсбургам, угнетавшим ее. Бойтся войны с Россией и Турцией, не раз уже битая греками и славянами. Сейчас многое зависит от решения первого лорда британского Адмиралтейства...

Таковым и был в ту пору Уинстон Черчилль.

— Адмирал Сушон, — говорил он, — не такой уж глупец, чтобы протискиваться через Гибралтар, и мы не позволим ему это сделать, ибо, усиливая флот Открытого моря кайзера, «Гебен» и «Бреслау» представляют несомненную угрозу флоту нашей метрополии. Самое лучшее — открыть перед Сушоном лазейку на восток, загнав немцев в Черное море, и пусть с крейсерами кайзера возьятся русские... Для нас, англичан, двойная выгода от такой комбинации: мы обезопасим подступы с моря к Суэцу, а русский флот, связанный единоборством с «Гебеном», не осмелится появиться на берегах Босфора!

Траубридж получил приказ: издалека следить за германскими крейсерами, но атаковать их не следует. Франция же тем временем совсем не думала о «Гебене» и «Бреслау», занятая активной переброской резервов из Алжира в Марсель, чтобы спешно укрепить свой фронт на Марне свежими дивизиями.

1 августа «бикфордов шнур», запаленный от выстрела в Сараеве, дотлел до конца, и германский посол граф Пурталес от имени великой Германии объявил войну народам великой России. Теперь на Певческом мосту, где располагалось

министерство иностранных дел, сразу ощутили, что возня союзников с «Гебеном» и «Бреслау» может отозваться залпами большой мощи в наших водах. Министр Сазонов даже не скрывал государственной тревоги, говоря озабоченно:

— Срочно! Нашим послам усилить политическое давление в Лондоне и Париже, дабы союзные флоты не позволили германским кораблям прорваться в Дарданеллы, где их появление сразу же придаст Энверу-паше излишние военные амбиции.

Впрочем, военный министр Энвер-паша давно укрепил эти амбиции еще в Берлине, а свои усы он закручивал на манер германского кайзера. Еще до войны, чтобы оплатить покупку кораблей для турецкого флота, он нагло лишал чиновников жалованья, а женщин заставлял продавать свои волосы. Политическая ось «Стамбул — Берлин» была выкована заранее, и кайзер обещал пантюкистам Тифлис на Кавказе, Тевриз в Персии, Каир в Египте. Так что Сазонов недаром опасался турецких амбиций.

— Мы, русские, сознательно бережем нейтралитет Турции, как провинциальная гимназистка бережет свою невинность, — говорил он. — Но «Гебен» может спутать все карты в той большой игре, которая называется Большой Политикой...

Возможно, ибо один «Гебен» сразу в два раза увеличивал мощь всего турецкого флота. В здании у Певческого моста состоялась деловая беседа с офицерами Главного морского штаба. Чиновники МИДа еще судили о лирике союзнической чести и рыцарской верности договорам, но моряки без лишних эмоций сразу предупредили Сазонова, что Черноморский флот не имеет таких мощных кораблей, чтобы расправиться с «Гебеном»:

— Можно понять французов, озабоченных перекачкой дивизий из Алжира в Европу, но... О чем думают в Лондоне? Первый лорд Адмиралтейства, по сути дела, повесил замок на ворота Гибралтара, не выпуская немцев на просторы Атлантики, его крейсера стерегут подходы к Адриатике, чтобы Сушон не укрылся в австрийском Триесте. Зато сэр Черчилль выставил перед «Гебеном» и «Бреслау» широко открытую мышеловку, украсив ее куском жирного сала.. Таким лакомым куском для адмирала Сушона будет являться прорыв в наше Черное море!

Сазонов закончил консилиум, поставив диагноз:

— В правящих кругах Турции еще сильно партия разумных людей, желающих сохранить нейтралитет, и Турция вряд ли рискнет воевать против нас заодно с немцами. Однако появление германских крейсеров в Босфоре может послужить провокацией для того, чтобы партия войны победила сторонников мира...

Указывая на опасность «Гебена» и «Бреслау», Сазонов заклинал правительства Англии и Франции: «Мы считаем очень важным для нас, чтобы прохождение (в Босфор) этих двух кораблей было предотвращено вами... с и л о й!»

«Гебен» и «Бреслау» легко распарывали встречные волны.

Сушон, деловито-сосредоточенный, постукивал пальцами по светлым табло тахометров, в колебании стрелок которых указывалось число оборотов гребных валов. При этом он заметил:

— В котлах все течет по-прежнему, и как бы нам не пришлось делать капитальный ремонт в Стамбуле...

Берлин каждый час тревожил Сушона радиogramмами срочных депеш, и каждая из них противоречила другой. Адмирал пускал их бланки на ветер, жарко обвевающий крейсера от желтых берегов близкой Африки.

— Сейчас, — говорил адмирал на мостике, — в Берлине каждый прыщ возомнил себя стратегом морской войны. Сидящие на берегу возле каминов любят давать советы тем, кто болтается в море. Я не решил, что делать, но я буду делать лишь то, что подскажет мне интуиция и... может быть, сам Тирпиц!

Мир уже трещал по всем швам, а эфир напоминал свалку позывных и ответных сигналов. В этом чудовищном хаосе шумов и разрядов французские радисты Туниса умудрились выловить едва попискивавшие, словно придавленные мыши, переговоры «Гебена» с «Бреслау». Адмирал Ляпейер выслушал доклад:

— Немцы шляются где-то близко, — предупредили его. — Но установить их точные координаты невозможно...

Ляпейер держал флаг на дредрюте «Курбэ», который плоским блином разлегся посреди безмятежного Тулонского рейда.

— Хоть кто-нибудь, — взывал он, — может ли четко дать мне ответ, началась ли война Франции с Германией? Париж советует мне ловить «Гебена», но при этом умники Парижа указывают ловить его только при открытии боевых действий на море.

— Россия уже вступила в войну, — отвечали адмиралу.

— Так это русские: им всегда что воевать, что мириться — один черт, лишь бы они были первыми... Срочно свяжитесь по радио с англичанами на Мальте, что они скажут?

—К великому сожалению, — отвечали адмиралу, — Париж еще не дает нам согласия на вскрытие пакета с секретным радиокodem для связи с нашими союзниками...

В ночь на 3 августа «Курбэ» покинул Тулон. За кормою флагмана, будто на привязи, тащилась эскадра французских кораблей, которые двигались к берегам Алжира. В это время Ляпейерер был уверен, что немцы маневрируют возле Мессины, но англичане считали, что Сушон уже вырвался в открытое море.

В салоне флагманского «Индомитэбла» адмирал Траубридж вникал в суть директивы, полученной от Черчилля, который указывал ему: «Ваша цель — это «Гебен». Следуйте за ним, куда бы он ни пошел... война, видимо, неизбежна». Траубридж размышлял вслух перед Кеннеди, командиром «Индомитэбла»:

— Сушона видели огибающим Сицилию с юга. Конечно, он побаивается быть запертым в Адриатике на австрийских базах и, возможно, станет прорываться в Атлантику — даже под пушками Гибралтара... Не так ли, дружище?

— Сейчас, — хмуро отреагировал Кеннеди, — важно знать позицию Италии: останется ли она третьим, который хохочет, когда двое дерутся? Кому, нам или своим союзникам, она откроет ворота Мессинского пролива для прохода кораблей?

Впрочем, сама Англия еще хранила свой гордый нейтралитет. А на французской эскадре по-прежнему даже не знали, что Германия уже объявила войну Франции. На рассвете 4 августа адмирала Ляпейерера не слишком-то вежливо разбудили:

— Срочная радиogramма из Алжира!

— О боже, что там еще стряслось? Читайте.

— «Гебен» уже громит своим главным калибром гавань Филиппвилья, а «Бреслау» обстреливает наш порт Бона...

На «Курбэ» подняли пары, заторопившись на запад, но там немецких крейсеров уже не было. Зато их обнаружили англичане, и при виде «Гебена», спешащего на восток, в рубках «Индомитэбла» возникло немалое смятение. Кеннеди спрашивал:

— Между нами войны еще нет, и давать ли мне салют, дружески приветствуя германского адмирала Сушона?

Траубридж через оптику дальномера оглядел серые тени немецких крейсеров, грузно летящих в сторону Сицилии:

— Если мой коллега Вилли Сушон не поднял на «Гебене» своего адмиральского флага, значит, и нам давать салют не надобно. Срочно радируйте в Лондон, что я уже повис «на хвосте» у Вилли и выпускать его из своих рук я не собираюсь...

Уайтхолл отвечал ему так, что от удивления можно было упасть с мостика: «Гебен» советовали задержать, сделав ему предварительное предупреждение. Кеннеди возмущился:

— «Гебен» — это же не домашняя кошка, чтобы хватать ее за шкуру! Предупреждение возможно только бортовым залпом, на который он ответит нам тем же, а тогда... война?

Эфир над Средиземным морем снова вздрогнул — Черчилль повторно радировал, что крейсера Сушона лучше оставить в покое до 5 августа, когда британский кабинет собирается объявить войну Германии. Сигнальная вахта доложила Траубриджу:

— Германские крейсера выбросили из труб хлопки густого дыма — буруны увеличились... уходят! Да, на всех оборотах винтов «Гебен» и «Бреслау» отрываются от нас...

Ясно, что Сушон рвался прямо в Мессинский пролив, куда англичане боялись соваться. Траубридж спокойно досмотрел, как в синеве моря утонули мостики и трубы немецких кораблей:

— Нам тоже отходить малым ходом... на запад.

Потеряв визуальный контакт с Сушоном, Траубридж отправил свои крейсера бункероваться углом в Бизерту, а легкий крейсер «Глостер» послал патрулировать возле Мессинского пролива. Между тем Сушон уже прибыл в Мессину, где комендант порта напомнил ему, что Италия остается нейтральной:

— Моему бедному народу даже в мирные дни не хватает на макароны, так зачем нам ввязываться в ваши дела? Будет лучше, если вы уберетесь отсюда в двадцать четыре часа.

— Мы обещаем вам это, — успокоил его Сушон...

Ночью он был разбужен шифровкой от гросс-адмирала Тирпица: СЛЕДОВАТЬ В ДАРДАНЕЛЛЫ. Правда, Турция, еще не завершив мобилизации, прикидывалась сугубо нейтральной, но маска миролюбия сама упадет с лица султана, когда под окнами его гарема с грохотом положат якоря мощные германские крейсера... Сушон между тем не скрывал своего беспокойства.

— Меня, — говорил он, — сейчас тревожит самый насущный вопрос: куда делся Траубридж? Итальянские рыбаки болтают, будто его крейсера стерегут нас возле берегов Греции, дабы не допустить нас в Адриатическое море. Охотно верю, что это похоже на правду, но тут возможны всякие вариации на извечную тему: как полизать меду, чтобы тебя не покусали пчелы?

— В любом случае, — твердо решил Сушон, — гросс-адмирал Тирпиц прав. нам открыта дорога только на восток...

Покинув Мессину, «Гебен» и «Бреслау» ринулись на прорыв, их бронированные форштевни расталкивали сумятицу волн.

— Горизонт чист! — докладывали сигнальщики.

— Это подтверждает мое мнение, — говорил Сушон, — что Траубридж не желает связываться с нами... Кажется, его не будет беспокоить лишь наше движение на восток.

Один только легкий крейсер «Глостер», неожиданно появившись из утренней мглы, никак не отличался от германских крейсеров, постоянно радируя на Мальту о своих маневрах. Конечно, в немецких экипажах он вызывал лишь жалкое презрение:

— Врезаться бы ему из главного калибра, чтобы отстал... Нашему «Гебену» достаточно рыгнуть, чтобы эта английская шавка упала в обморок, задрвав кверху лапки...

Однако доблестный «Глостер» сам врезал снаряд под ватерлинию «Бреслау», и тогда вмешался «Гебен», всей броневой мощью вставая на защиту слабого приятеля. Услышав рычание его орудийных башен, «Глостер» увильнул в сторону, тем более что Траубридж радировал ему: *не рисковать*. А в рубках «Гебена» штурмана уже раскладывали карты Эгейского моря:

— Стоит проскочить мыс Матапан, и все тревоги этой сволочной жизни останутся далеко за кормой, а мы попадем в блаженную страну восточной неги и пылких одалисков...

Вечером 10 августа турецкий султан Мехмед V из окон своего дворца разглядел серые махины «Гебена» и «Бреслау».

Русский посол в Стамбуле заявил великому визирю:

— Согласно международным правилам корабли воюющих держав могут находиться в нейтральных портах, каковыми являются ваши, не далее одних суток, после чего Россия вправе требовать от вас разоружения их немецких кораблей, интернирования их экипажей.

На этот демарш дипломата визирь султана отвечал:

— Все верно! Но ваш протест, господин посол, попросту неуместен, ибо пришедшие к нам «Гебен» и «Бреслау» уже давно куплены Турцией для нужд своего флота...

Вслед за этим эскадры Англии и Франции блокировали выход из Дарданелл в Эгейское море, словно запечатали пробкой бутылку; тем самым они давали понять Сушону, что ему лучше искать легких побед на водах Черного моря. Сазонов в эти же дни имел неприятную беседу с английским послом Бьюкененом:

— Не скрою, нам будет нелегко объяснить русской общественности, каким образом ваш могучий флот позволил крейсерам Германии благополучно проскочить в Дарданеллы, создав угрозу на юге России. Наши морские круги тоже не понимают этого!

Бьюкенен отвечал, что для него остается непостижимым странный, почти нелепый прорыв немецких крейсеров:

— Осмеливаюсь думать, это случайное совпадение самых непредвиденных обстоятельств, что никак не может опорочить незапятнанной чести флага королевского флота.

— Возможно, — кивнул Сазонов, как бы нехотя соглашаясь с послом. — Но для нас, русских, несомненно одно: Россия обретает на Черном море опасного противника, а флот султана отныне правильнее именовать германо-турецким...

Англия была возмущена, газеты открыто винили Черчилля, а крикливые ораторы в лондонском Гайд-парке призывали:

— Адмирала Траубриджа пора тащить на виселицу...

Но сначала был награжден орденом Бани командир крейсера «Глостер» («за дерзость и самообладание»), затем потянули к ответу и адмирала Траубриджа. Суд британского Адмиралтейства жесток. За время своей очень долгой истории он приговорил к повешению множество адмиралов за нарушение ими инструкций, хотя именно эти нарушения и приводили Англию к победам. Но Траубриджа трибунал оправдал, ибо, оказывается, секретные инструкции Адмиралтейства им нарушены не были...

Между тем Энвер-паша настырно, почти с мольбою просил Сушона принять командование над всем турецким флотом:

— Чин вице-адмирала вам заранее обеспечен, только устройте мне замечательный повод для нападения на Россию...

С гафелей крейсеров были спущены германские флаги, на мачты взметнулись турецкие флаги с полумесяцем. В кубриках немецкие матросы, хохоча во все горло, толпились возле зеркал, примеряя на свои головы красные мусульманские фески.

— Ого! — веселились они. — Мы так прекрасно выглядим, что теперь уже не стыдно показаться на бульварах Одессы...

Турция еще колебалась между войной и миром, но Берлин давил на Сушона, а Сушон давил на турок:

— Я пришел сюда не ради того, чтобы любоваться синевой Босфора. Каждый день, проведенный здесь без пользы для общего дела, я считаю позором для себя... и для вас!

Теперь Сушон угрожал не только черноморцам — калибр его орудийных башен устрашал и султана, говорившего визирию:

— Боюсь, если мы не объявим войну России, этот Сушон оставит от моего Серала груды дымящихся головешек...

Судьба войны отныне целиком находилась в руках Сушона, который сознательно провоцировал Турцию на войну:

— Если войны нет, ее надо сделать. Уверен, что два-три хороших залпа по крышам Одессы — и Турецкая империя сама свалится в войну, как слепец проваливается в колодец...

22 сентября Сушон получил пакет от Энвер-паши, который указывал, что всякое терпение иссякло: «Добейтесь господства на Черном море, найдите русский флот и атакуйте его без объявления войны...» Сушон сразу оживился:

— На турецкие эсминцы «Тайрет» и «Муавенет» посадить немецкие экипажи, но флаги нести русские. Огней не гасить!

В три часа ночи они ворвались в гавань Одессы, торпедируя русские корабли и обстреливая спящий город. Одновременно с этим «Гебен» обрушил снаряды на Севастополь, но отполз в сторону, получив три ответных снаряда с береговых батарей. В ту же трагическую осень «Гебен» огнем с моря разрушил вокзал и порт в Феодосии, а крейсер «Бреслау» бомбардировал Новороссийск. Немецкие снаряды рвались на улицах Поти...

Английский посол Бьюкенен только пожимал плечами:

— *Casus belli!* Это формальный повод к войне...

В ноябре черноморские броненосцы вступили в открытый бой с «Гебеном» у мыса Сарыч. «Гебен» получил прямые попадания в корпус, в команде было столько убитых и раненых, что Сушон, прикрываясь «шапками» дыма, счел за благо ретироваться. Но скоро отомстил обстрелом Батуми. Однако в конце года черноморцы с ним расквитались, поставив мины по его курсу, и флагман турецко-германского флота дважды содрогнулся при взрывах, после чего и потащился в ремонт, надолго выбитый из игры...

Под конец войны и в канун революции русские моряки все-таки загнали «Гебен» и «Бреслау» в теснину Проливов, где они и прятались, словно крысы в норе, заливая свои раны.

...Адмирал Вильгельм Сушон скончался в 1946 году, пережив гибель монархии Гогенцоллернов и крах гитлеровского режима. О нем все забыли... Я вспомнил о Сушоне, когда писал роман «Моонзунд»: ведь осенью 1917 года эскадра Сушона прорывалась к нашему Петрограду. Но это еще не конец истории.

Уходящий от нас XX век оказался слишком трудным для каждого человека, и не все секреты его, военные и политические, расшифрованы до конца. Пусть читатель не посетует, если я снова вернусь к себе — крохотной песчинке, затерявшейся в стихийном хаосе грандиозных событий.

Недавно я задал себе вопрос: что я делал в феврале 1942 года? В ту пору я умерал от голода в блокированном Ленинграде, не имея даже пайки хлеба по карточкам, зато в конце месяца меня щедро «отоварили» 25 граммами какао в порошок... Я выжил назло всем чертям! Я выжил, еще не зная тогда, что именно в феврале 1942 года «стратегическая ошибка» Уайтхолла получила скандальное продолжение, о чем я тоже писал в своей документальной трагедии «Реквием каравану PQ-17».

Да, это был скандал, весьма схожий с тем, какой случился в начале первой мировой войны. Академик И. М. Майский, тогдашний посол в Лондоне, писал, что «два крупных германских военных судна «Шарнхорст» и «Гнейзенау», отремонтированных в Бресте (французском), прорвавшись через Ла-Манш и Па-де-Кале, ушли в Германию. Англичане были потрясены как необыкновенной дерзостью немцев, так и поразительной близорукостью собственной обороны...». Британское Адмиралтейство, столь гордое своими традициями и умением многое предвидеть заранее, совершило, казалось бы, непростительный промах. Гитлеровские крейсера удачно проскочили под самым носом английской брандвахты и укрылись в гаванях своего «рейха». Англичане опять были разгневаны, требуя наказать виновных.

А кого наказывать? Во главе британского кабинета стоял все тот же Уинстон Черчилль. «Он выглядел плохо, был раздражителен, обидчив, упрям. Депутаты (парламента) были критичны, взвинчены. Встречали и провожали Черчилля плохо», — писал Майский, невольно придя к выводу, что прорыв крейсеров вызвал правительственный кризис.

Но еще подозрительнее казался прорыв линкора «Тирпиц» в фиорды Северной Норвегии, где этот лучший линкор Гитлера растворился в заполярных туманах как грозное привидение. Бросивший якоря на стоянке в Нарвике, на самом краю Европы, линкор уже не являл собой столь зловещую угрозу для Англии, ибо вся его мощь была направлена против нашего Северного флота.

Чувствуете, как невольно смыкаются, будто копируя одно другое, события в двух мировых войнах? И в обоих случаях видна рука Черчилля, отводящего грозу от берегов Англии, чтобы осложнить тяготы войны для нас, для русских...

А ведь нам тогда было и без того невыносимо трудно: наши войска отступали, кровью писались первые страницы Сталинградской битвы. Северный флот не обладал тем могуществом, как английский, чтобы вступать в единоборство с «Тирпицем» и «Шарнхорстом», а именно эти две «большие дубины» Гитлера постоянно угрожали нам из фиордов Норвегии.

Дальнейшее хорошо известно. Летом 1942 года «Тирпиц» вышел на перехват союзного каравана, но был атакован нашей подводной лодкой К-21, после чего он надолго затаился в фиордах — на ремонте. Мне памятен и морозный декабрь 1943 года, когда из бухты Ваенга, где базировались наши эсминцы, ушла в море английская эскадра адмирала Фрейзера и вернулась обратно в Ваенгу после того, как разделалась с одиноким «Шарнхорстом». Я не забыл заснеженные пирсы гавани, вдоль которых протянулись длинные ряды носилок, на которых стонали раненые английские моряки: они своей кровью расплачивались за политические «форс-мажоры» своего правительства.

«Стратегические ошибки» британского Адмиралтейства пришлось исправлять совместными усилиями союзных флотов, и всей правды о коварстве Уинстона Черчилля мы, конечно, еще не знаем. Но злокозненная подоплека давних событий еще долго будет привлекать внимание историков флота и тех политиков, которые не разучились выискивать аналогии между тем, что было вчера, что есть сегодня, и тем, что может случиться завтра...

Будем внимательны к истории. Она — наш учитель!

ВНИМАНИЮ КНИГОЛЮБОВ

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

В Дома и магазины «Военная книга» поступили планы выпуска литературы Военного издательства на 1989 год, на основе которых продолжается прием предварительных заказов на книги, брошюры, альбомы и плакаты по различным отраслям военных знаний.

Без ограничения принимаются предварительные заказы на все общественно-политические, научно-технические, медицинские, учебно-методические издания, издания по филологическим наукам, рассчитанные на научных работников, специалистов, преподавателей.

Не принимаются заказы, в том числе отделами «Военная книга — почтой», на отдельные издания военно-мемуарной, военно-художественной литературы и книги из других разделов тематического плана, пользующиеся повышенным спросом.

Инвалидам Великой Отечественной войны обеспечивается преимущественное исполнение предварительных заказов с учетом очередности поступления заказов и выделенного магазину количества книг.

Рекомендуем оформлять предварительные заказы на книги выпуска 1989 года сразу после поступления тематического плана Военного издательства в Дома и магазины «Военная книга».

Для этого следует заполнить почтовую открытку на каждое заказываемое издание, указав на лицевой стороне свой адрес, а на обороте — фамилию автора, название книги, год ее выпуска, порядковый номер по плану, и сдать открытку в магазин.

Поккупатели, проживающие в населенных пунктах, где нет магазинов «Военная книга», заказы на указанные книги могут направлять в ближайший отдел «Военная книга — почтой». Эти заказы должны быть оформлены на специальных почтовых открытках «Книга — почтой», а при их отсутствии — на почтовых открытках.

Адреса магазинов «Военная книга — почтой»:

- 480091, Алма-Ата, ул. Кирова, 124.
- 690000, Владивосток, ул. Ленинская, 18.
- 252133, Киев, бульвар Леся Украинки, 22.
- 443099, Куйбышев, ул. Куйбышева, 91.
- 191186, Ленинград, Невский просп., 20.
- 290035, Львов, ул. Белоцерковская, 2а.
- 220029, Минск, ул. Куйбышева, 10.
- 113114, Москва, Даниловская набережная, 4а.
- 630076, Новосибирск, ул. Гоголя, 4.
- 270009, Одесса, ул. Перекопской дивизии, 16/6.
- 226001, Рига, ул. Ленина, 88.
- 344018, Ростов-на-Дону, Буденновский просп., 76.
- 620062, Свердловск, ул. Ленина, 101.
- 700077, Ташкент, Луначарское шоссе, 61.
- 380007, Тбилиси, площадь Ленина, 4.
- 720001, Фрунзе, ул. Киевская, 114.
- 680038, Хабаровск, ул. Серышева, 42.
- 672000, Чита, ул. Ленина, 111а.

Управление книжной торговли
ГУТ МО СССР

Военно-историческая работа в войсках и вузах

В ВОЕННО-НАУЧНОМ ОБЩЕСТВЕ ПРИ САРАТОВСКОМ ДОМЕ ОФИЦЕРОВ

ПРИ САРАТОВСКОМ Доме офицеров около тридцати лет работает Военно-научное общество — добровольная организация генералов и офицеров, находящихся в запасе и отставке. Большинство его членов имеют немалый стаж службы в Вооруженных Силах, многие из них участвовали в боях у озера Хасан и реки Халхин-Гол, в советско-финляндской и Великой Отечественной войнах.

Каждый участник минувших сражений может привести много примеров умелых боевых действий, способствовавших достижению победы над врагом. Обобщение этого опыта, доведение его до молодежи, пропаганда героических подвигов советских воинов являются важным направлением поисковой и исследовательской работы членов нашего общества.

Особое значение при этом мы придаем военно-научным конференциям по различным проблемам истории военного искусства, которые регулярно проводятся обществом. Помимо теоретических положений, обсуждаемых на них, анализируется конкретный боевой опыт, рассказывается об эффективных способах действий в минувшую войну.

К примеру, генерал-майор в отставке В. И. Минеев — бывший начальник штаба 57-го стрелкового корпуса — свое выступление на одной из конференций посвятил маневру с целью охвата и обхода группировок противника в наступательной операции на брatisлавском направлении весной 1945 года. Именно благодаря применению смелого маневра оборону врага удалось сокрушить. В качестве одного из примеров докладчик привел действия 228-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора И. Н. Есина при освобождении города Нитра, подготовленного фашистами к разрушению.

На военно-научной конференции, посвященной Берлинской операции, с интересным сообщением выступил Герой Советского Союза полковник в отставке А. Л. Бодаков. Он рассказал об успешных действиях 224-го стрелкового полка 162-й стрелковой дивизии, которым ему довелось командовать в то время.

Внимание слушателей всегда привлекают выступления генералов запаса и в отставке А. П. Михеева, М. И. Сафонова, С. Т. Гладышева, Ю. В. Нестерова, офицеров в отставке П. П. Башарова, А. И. Межевого, В. Н. Бургучева, В. И. Исаева, И. А. Савина, Ф. Я. Вилкова, И. М. Степанова, А. Н. Тютина, С. И. Гетманова и других.

Военно-исторической секцией общества ведется рукописный журнал, где помещаются заметки, очерки о поучительных примерах умелых действий, мужестве и смелке бойцов и командиров в годы войны. Например, генерал-майор в отставке М. И. Сафонов — бывший начальник штаба 301-й стрелковой дивизии — в очерке «Слово о боевом генерале» рассказал о нашем земляке командире этой дивизии Герое Советского Союза генерал-майоре В. С. Антонове.

Немаловажной формой обобщения и распространения боевого опыта, воспитания советских людей на примерах героического прошлого Родины является публикация в местных газетах и журналах воспоминаний, очерков, статей, подготовленных членами общества. По предложению совета нашего общества редакции областных газет «Коммунист» и «Заря молодежи» образовали у себя нештатные группы военно-патриотической пропаганды и ввели постоянные рубрики «Подвиг, память, традиции» и «Летопись Великой Отечественной». В результате сотрудничество

членов общества и этих редакций стало более тесным, возросло качество публикуемых материалов. Существенную помощь в подготовке содержательных, совершенных по форме статей оказывал нам действовавший при Доме офицеров литературный кружок под руководством участника войны доктора филологических наук Я. И. Явчуновского. По его инициативе к проведению занятий привлекались видные писатели: Г. И. Коновалов, Г. Ф. Боровиков, А. Я. Вольф и другие.

С 1960 года общество стало готовить и публиковать в Приволжском книжном издательстве тематические сборники воспоминаний участников войны, авторами которых в основном являются члены военно-исторической секции, возглавлявшейся в течение более двадцати лет полковником в отставке И. М. Степановым и в настоящее время работающей под руководством полковника в отставке А. С. Васильева. В первый из них под названием «Ради жизни на земле», получивший положительный отклик читателей, вошло свыше десяти мемуарных статей наших товарищей. Последующие — «Дорогами войны», «Страницы мужества» и «Защищая Отечество» — знакомят с подвигами воинов, пропагандируют их ратное мастерство.

Высокой оценки удостоились сборники из серии «Библиотечка допризывника», рассказывающие о том, как служат наши земляки. В настоящее время готовится к опубликованию еще два таких сборника.

Хорошо встречена читателями и серия сборников под общим названием «Шагнувшие в бессмертие». В ней собраны документальные очерки о Героях Советского Союза — наших земляках. Начало этой серии положил труд, подготовленный полковником в отставке Н. М. Румянцевым, «Люди легендарного подвига», включающий краткие биографии и описания подвигов 240 Героев Советского Союза — уроженцев Саратовской области. Важно то, что он написан на основе воспоминаний участников войны и архивных документов (боевых приказов, донесений, журналов боевых действий, представлений к награждению и пр.).

Всего члены общества подготовили пятнадцать тематических сборников, которые вышли в свет. В них с воспоминаниями о минувших боях и сражениях выступило более ста участников войны, а также пи-

сатели-фронтовики Василь Быков, Михаил Алексеев, Евгений Долматовский и саратовский писатель Владимир Казаков.

Основная цель этих изданий — показать подвиги советских воинов и раскрыть истоки наших побед. Например, в юбилейном сборнике, посвященном 40-летию Великой Победы, помещен рассказ бывшего командира 247-й стрелковой дивизии генерал-майора в отставке С. Т. Гладышева о том, как благодаря инициативе, находчивости и высокому воинскому мастерству личного состава в боях под Витебском в июне—июле 1944 года успешно была выполнена важная боевая задача, за что соединение получило благодарность в приказе Верховного Главнокомандующего.

Большую исследовательскую и пропагандистскую работу осуществляет военно-политическая секция общества, возглавляемая участником войны подполковником в отставке К. А. Митиным. Бывшие политработники пишут рефераты, готовят методические разработки к докладам и лекциям на актуальные темы, инструктируют гарнизонных агитаторов, как лучше провести то или иное занятие с допризывниками и молодыми воинами. Членами секции только за последний год подготовлены методические разработки: «Как служат саратовцы в Вооруженных Силах» (А. И. Межевов), «Советский патриотизм и социалистический интернационализм» (К. А. Митин), «Работа поисковых отрядов Саратовской области» (В. Н. Бургучев, В. И. Исаев). Самы авторы активно выступают в воинских частях, на призывных пунктах, в школах, трудовых коллективах. За минувший год, например, одиннадцать членов секции выступили 349 раз с лекциями, на которых присутствовало 18 тыс. человек.

Члены нашего общества за последние пять лет выпустили в свет более десяти книг. Так, генерал-майор в отставке М. И. Сафонов издал четыре книги: «Семнадцать штурмовых дней», «Записки начальника штаба» (о боевом пути 301-й стрелковой дивизии, мастерстве и мужестве ее воинов, громивших немецко-фашистских захватчиков в предгорьях Кавказа, во многих сражениях Великой Отечественной войны и в битве за Берлин), «Ради счастья твоего, Молдавия» и «В предгорьях Кавказа».

Тепло встречены читателями мемуары бывшего штурмана звена ночных бомбар-

дивовщиков О. Т. Голубевой «Звезды на крыльях» и «Летная книжка». С интересом читается сборник документально-художественных очерков З. М. Санникова «Последний поиск» — о боевых делах разведчиков, саперов и воинов других специальностей.

Особо следует отметить произведения подполковника в отставке доктора исторических наук, профессора Саратовского государственного университета Д. П. Ванчинова. Его перу принадлежат пять военно-исторических книг о боевом и трудовом вкладе трудящихся Саратова и всего Поволжья в разгром врага. Среди них «Саратовские гвардейские», «Военные годы Поволжья», «Саратов — прифронтовой город».

Подводя итог, укажем, что нами показаны лишь некоторые важные направления работы общества по выявлению, обобщению и внедрению боевого опыта в практику частей и подразделений Саратовского гарнизона, а также по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Естественно, возникает вопрос: какова эффективность этой работы? Однозначного ответа быть не может. Ясно только, что ее результаты проверяются временем. К примеру, недавно мы встречались с нашими воинами из Афганистана. Они рассказали, что широко используют боевой опыт Великой Отечественной войны, который помогает им успешно выполнять интернациональный долг. «У нас другое оружие, более совершенное и эффективное, — говорили воины-интернационалисты, — но в тактических приемах борьбы мы многое берем из вашего героического опыта».

Одним из показателей действенности военно-патриотического воспитания может служить стремление молодого человека посвятить себя кадровой службе в армии. Так, многие ребята — выпускники 2-й средней школы Саратова подают заявления в военные училища. Питомцы этой школы Алексей Ерохин, Михаил Кулаков, Евгений Мышляев, Сергей Дубушин, Игорь Голишев уже стали офицерами. А тягу к офицерской профессии привил им неутомимый наставник молодежи генерал-майор в отставке М. И. Сафонов. В этой шко-

ле он проводит уроки мужества, участвует в пионерских линейках и сборах, комсомольских собраниях.

Важным свидетельством эффективности военно-патриотической работы членов общества среди молодежи является отличная служба многих воинов-саратовцев в Вооруженных Силах. Немало благодарственных писем от командиров частей и подразделений приходит в военкоматы и школы Саратова, родителям и близким военнослужащих. Например, командир подразделения В. Соловьев похвально отозвался о рядовом Анатолии Бушуеве, который имеет десять благодарностей. Хорошо служит другой саратовец — рядовой Валерий Шаронов, портрет которого помещен на Доску почета части.

Немало воинов-саратовцев с честью выполняли интернациональный долг в Афганистане. Среди них боец воздушно-десантного подразделения Александр Иванов, разведчик танкового полка Николай Телегин, удостоенные ордена Красной Звезды, командир танкового взвода старший лейтенант Дмитрий Лазутин, награжденный орденами Красной Звезды и «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени.

Становление личности мужественного защитника Родины происходит под воздействием многих факторов: семьи, школы, общественной среды, нашей социалистической действительности. Есть в этом доля и нашего труда.

В настоящее время активно идет перестройка деятельности общества в свете решений XXVII съезда партии, последующих Плечумов ЦК КПСС. Она направлена на дальнейшее укрепление связи с воинскими частями, военкоматами, трудовыми коллективами, учебными заведениями, повышение эффективности военно-научной и военно-патриотической работы, улучшение качества разрабатываемых трудов, мемуарных и литературных произведений. И мы делаем все, чтобы внести весомый вклад в военно-патриотическое воспитание молодежи, передать ей свой жизненный и боевой опыт.

*Подполковник в отставке
П. А. ВОЛКОВ*

Противовоздушная оборона крупных корабельных группировок США и Японии

А. С. НИКОЛАЕВ

ВТОРАЯ мировая война убедительно продемонстрировала большие возможности авиации в достижении целей вооруженной борьбы на море. Примером тому могут служить боевые действия США и Японии на Тихоокеанском театре. Анализ опыта этих военных действий показал необходимость эффективной противовоздушной обороны корабельных группировок, и прежде всего оперативных соединений, включавших в свой состав надводные корабли основных классов, в том числе авианосцы, десантно-транспортные средства.

Ни одна из крупных операций на этом театре не обходилась без участия авиации, действовавшей на всех этапах ее проведения. В ходе этих операций силы флота почти всегда действовали при постоянной угрозе с воздуха и несли значительные потери от воздушного противника. От боевых действий американской авиации японский флот потерял 50 проц. кораблей основных классов¹. Только авианосная авиация США уничтожила 66,6 проц. всех потерянных Японией тяжелых и легких авианосцев, 20 проц. эскортных (конвойных) авианосцев, 55 проц. линкоров, 53 проц. тяжелых и 30 проц. легких крейсеров, 23 проц. эскадренных миноносцев².

Существенный урон корабельному составу ВМС США нанесла и японская авиация, на долю которой приходится более 50 проц. общих потерь кораблей основных классов ВМС США на Тихоокеанском театре, в том числе свыше 70 проц. составили тяжелые и легкие и 60 проц. — эскортные (конвойные) авианосцы³.

Основным средством ПВО корабельных группировок в море были палубные истребители, осуществлявшие прикрытие кораблей из положения дежурства в воздухе или на полетной палубе⁴. В течение всей

¹ U. S. Strategic Bombing Survey. Summary Report: Pacific War. — Washington: GPO, 1946. — P. 11.

² Polmar N. Aircraft Carriers. — N. Y. Garden City, 1969. — P. 471.

³ Боевое использование авианосцев: Тематический сборник: Пер. с англ. — М.: Воениздат, 1973. — С. 336—337; United States Naval Chronology: World War II. — Washington: GPO, 1955. — P. 20—160.

⁴ Способы содержания экипажей и самолетов в заданной степени готовности к боевому использованию. Дежурство в воздухе — наивысшая степень готов-

войны, исходя из опыта боевых действий и ожидаемой угрозы с учетом ее продолжительности и интенсивности, имел место процесс оптимизации самолетного парка авианосцев в целях успешного решения задач, связанных с нанесением ударов по морским и наземным объектам противника и отражением его воздушных атак. Важную роль в противовоздушной обороне играла также корабельная зенитная артиллерия.

Исходя из принятой периодизации второй мировой войны и специфического характера военных действий на Тихоокеанском театре организацию ПВО корабельных группировок, развитие сил и средств противовоздушной обороны США и Японии в ходе этой войны представляется целесообразным разделить на два этапа: 1-й этап — от нападения Японии на Перл-Харбор 7 декабря 1941 года до конца 1943 года и 2-й этап — с начала 1944 года и до конца войны.

1-й этап характеризует создание базы для наращивания сил и средств ПВО корабельных группировок сторон. Это выразилось в проведении интенсивных научно-исследовательских работ в области радиолокации, создании приборов управления стрельбой, строительстве новых кораблей и усилении их зенитного вооружения, а также поиске путей организации наиболее эффективной ПВО.

2-й этап отличался значительным количественным ростом и качественным развитием сил и средств ПВО корабельных группировок прежде всего ВМС США. Причина тому — наращивание корабельного состава и самолетного парка американского флота, и главным образом его авианосных сил. Для США этот этап характеризовался прочным завоеванием и удержанием господства в воздухе и на море, широким использованием постоянно совершенствовавшихся корабельных радиолокационных станций, внедрением радиолокации на самолетах и совершенствованием на этой основе организации ПВО своих корабельных группировок. В этих же условиях, несмотря на появление в 1944 году на японских кораблях первых серийных радиолокационных станций, возможности японского флота по обеспечению ПВО своих корабельных группировок резко сократились главным образом в результате существенных потерь в середине 1944 года в самолетах и опытных летных кадрах авианосной авиации. Причиной многих неудач Японии в военных действиях на море, в том числе и слабой противовоздушной обороны корабельных группировок японского флота, явилось значительное отставание экономической, научно-технической базы страны от США. Усугублялись эти обстоятельства тяжелыми поражениями на советско-германском фронте ведущего партнера Японии по коалиции — гитлеровской Германии, в союзе с которой японские милитаристы рассчитывали выиграть войну.

На первом этапе американцы, как правило, включали в состав корабельной группировки 1—2 авианосца, которые в случае обнаружения самолетов противника маневрировали независимо друг от друга на удалении около 10 миль. Причем каждый из них находился в центре кругового ордера⁵ радиусом от 1 до 4 миль. Считалось, что таким образом распыляются внимание и усилия противника, снижается вероятность уничтожения сразу двух авианосцев. Приблизительно такое же коли-

ности, когда истребители находятся в полете в установленном районе (зоне) в целях уничтожения воздушного противника на дальних подступах к корабельной группировке. Дежурство на полетной палубе, имевшее несколько степеней боевой готовности, позволяло своевременно совершать боевые вылеты, быстро наращивать силы в воздухе, существенно экономить авиационное топливо и предоставлять отдых летному составу. Порядок дежурства и степень боеготовности, исходя из предполагаемой угрозы, определял командир соединения (Прим. авт. — См. Советская Военная Энциклопедия. — Т. 3. — М.: Воениздат, 1977. — С. 127).

⁵ Круговой ордер — определенный порядок построения кораблей (судов), при котором их взаимное расположение точно регламентируется по направлениям и расстоянию от центра ордера или корабля-уравнителя.

чество авианосцев насчитывалось на этом этапе и в составе корабельных группировок японского флота.

На втором этапе корабельная группировка включала в свой состав до пяти самостоятельно действовавших авианосных групп, каждая из которых, как правило, имела 3—4 авианосца и свыше 10 кораблей охранения и была построена в круговой ордер радиусом до 4 миль. Линкоры и крейсера, на которые возлагалась основная задача обеспечения ПВО авианосцев, концентрировались вокруг них на расстоянии, обеспечивавшем свободу маневра, удобство применения оружия и управление кораблями. При угрозе воздушного нападения эсминцы следовали к линкорам и крейсерам. Достоинством такого ордера являлось то, что его боевой порядок обеспечивал высокую плотность зенитного огня при налетах авиации противника с любых курсовых углов и в случае необходимости (уклонение от атак противника, обеспечение взлета или посадки самолетов) мог быть изменен путем поворота каждого корабля, обеспечивая оптимальное рассредоточение, круговое наблюдение за морем и воздухом и сочетая требования различных видов обороны⁶.

После официального вступления в войну США, используя опыт военных действий в Атлантике, в короткие сроки усилили зенитное вооружение кораблей⁷ и активизировали внедрение на флоте научно-технических достижений. С началом войны все вступавшие в состав ВМС США корабли основных классов были оснащены радиолокационными станциями обнаружения воздушных целей и имели посты управления и наведения истребительной авиации. В состав корабельных группировок включались легкие крейсера ПВО, на вооружении которых находились универсальные 127-мм орудия. Применение американцами с января 1943 года снарядов с радиовзрывателями повысило эффективность огня корабельной зенитной артиллерии⁸.

Наличие радиолокационных станций на кораблях ВМС США значительно улучшило ведение разведки воздушного противника. Появилась возможность своевременно оповещать по внутризкадренным средствам связи корабли группировки об угрозе воздушного нападения, принимать необходимые меры для отражения налета авиации противника и самое главное — применять на дальних подступах палубную авиацию. Как правило, эти меры включали подъем в воздух максимально возможного количества истребителей для отражения налета, перестроение группировки в соответствующий ордер ПВО, приведение в полную готовность корабельных зенитных средств.

Важным элементом в системе разведки воздушного противника, особенно для обнаружения низколетящих целей, на протяжении всей войны являлось визуальное наблюдение.

Функции корабля управления и наведения истребительной авиации в составе американских группировок осуществлял или один из авианосцев, или (по указанию флагмана) один из других кораблей соединения. Пост управления и наведения этого корабля осуществлял централизованное управление действиями палубной истребительной авиации. С

⁶ Шерман Ф. С. Американские авианосцы в войне на Тихом океане: Сокр. пер. с англ. — М.: Воениздат, 1956. — С. 62.

⁷ Зенитное вооружение вступающих в строй в период войны американских линкоров состояло из 20 127-мм орудий, от 16 до 80 40-мм и от 16 до 60 20-мм автоматических пушек. На авианосцах, крейсерах и эсминцах оно усиливалось главным образом за счет 40-мм и 20-мм автоматических пушек. На кораблях ВМС Японии зенитное вооружение было представлено в основном 127-мм, 80-мм и 76-мм орудиями, 40-мм и 20-мм автоматическими пушками и зенитными пулеметами.

⁸ 6 января 1943 г. в районе Соломоновых островов крейсер «Елена» двухорудийным залпом сбил японский торпедоносец, впервые использовав снаряды с радиовзрывателями.

учетом схемы ведения зенитного огня артиллерией кораблей назначались зоны действия истребительной авиации. При этом необходимое количество истребителей выделялось для сопровождения самолетов ударных авиагрупп, для дежурства в воздухе и для отражения налета авиации противника, определялось количество резервных истребителей.

Данный пост поддерживал радиосвязь с офицерами наведения авианосных групп и руководил перемещениями истребителей между группами. В ряде случаев управление истребителями передавалось с одной авианосной группы на другую. Офицер наведения истребителей каждой авианосной группы осуществлял общее руководство действиями своей группы и выделял самолеты-перехватчики для отдельных кораблей⁹.

Такая организация ПВО крупной корабельной группировки была продемонстрирована американцами в июне 1944 года во время сражения у Марианских островов. В целях повышения эффективности разведки воздушного противника американцы выдвинули в этом сражении на угрожаемое направление (от кораблей группировки) два эсминца, имевших на вооружении мощные радиолокационные станции обнаружения воздушных целей. Это позволило обнаруживать японские самолеты на удалении до 150 миль от боевого ядра корабельной группировки и перехватывать самолеты противника на расстоянии от 100 до 10 км от американских авианосцев. Из направленных в течение 19 июня 1944 года для нанесения удара по 58-му оперативному авианосному соединению (15 авианосцев, 7 линкоров, 8 тяжелых и 13 легких крейсеров, 69 эскадренных миноносцев, 956 самолетов, в том числе 475 палубных истребителей) четырех ударных групп (328 японских самолетов) свыше 200 машин были уничтожены американскими палубными истребителями и корабельной зенитной артиллерией. Лишь небольшая часть японских самолетов смогла прорваться к американским кораблям и причинить им весьма незначительные повреждения¹⁰.

В дальнейшем выдвигение эсминцев дальнего радиолокационного обнаружения (ДРЛО) на угрожаемое направление стало широко практиковаться в американском флоте, существенно повышая эффективность разведки воздушного противника и ПВО корабельных группировок.

Действиями истребителей в воздухе непосредственно руководил назначавшийся в каждом конкретном случае один из наиболее опытных командиров авиагруппы, эскадрильи или звена. Однако отсутствие на первом этапе четкого управления палубными истребителями в воздухе и надлежащего взаимодействия истребителей с зенитной артиллерией кораблей не всегда позволяло срывать атаки авиации противника.

Японцы, не имея на первом этапе войны радиолокационных станций, были вынуждены полагаться лишь на визуальное наблюдение. По мере нарастания противодействия со стороны противника приемы и способы организации ПВО корабельных группировок Японии уже не могли обеспечить надежного прикрытия от нападения с воздуха. Так, во время сражения у атолла Мидуэй 4 июня 1942 года 50 необнаруженных американских пикирующих бомбардировщиков с авианосцев «Энтерпрайз» (33 ед.) и «Йорктаун» (17 ед.) на большой высоте внезапно появились над японскими авианосцами. Не встретив противодействия ни со стороны истребителей, ни со стороны зенитной артиллерии кораблей, они почти одновременно нанесли удар по японским авианосцам «Кага», «Акаги» и «Сорю». В результате прямых попаданий бомб и последовавших за этим пожаров все три авианосца затонули¹¹.

⁹ Боевое использование авианосцев. — С. 182.

¹⁰ Там же. — С. 173, 202.

¹¹ Боевое использование авианосцев. — С. 128—130; Hezlet A. R. Aircraft and Sea Power. — London: P. Dowies, 1970. — P. 247; Polmar N. Aircraft Carriers. — P. 221.

С конца 1942 года японцы стали делить свою корабельную группировку на две группы: основную и отвлекающую. Обе эти группы, как правило, имели в своем составе авианосцы, причем отвлекающая группа следовала впереди основной на расстоянии приблизительно до 100 миль. Она должна была отвлечь на себя авиацию противника и обеспечить нанесение решающего удара самолетами основной группы.

Обе стороны для противовоздушной обороны корабельных группировок стремились по возможности использовать и истребительную наземную авиацию, особенно в пунктах базирования и на прибрежных коммуникациях. Однако в этом вопросе добиться эффективных результатов им не удалось. Одной из причин неудач было ограниченное количество островных аэродромов.

Тем не менее американцы приобрели некоторый положительный опыт прикрытия с воздуха авианосной корабельной группировки истребителями наземного базирования. Так, при нанесении ударов авианосной авиацией по японской военно-морской и военно-воздушной базе Рабаул 5 и 11 ноября 1943 года прикрытия с воздуха авианосных корабельных группировок осуществлялось базировавшимися на аэродромах близлежащих островов истребителями корпуса морской пехоты. Их пилоты могли совершить посадку на авианосцы и заправлять там свои самолеты горючим, пополнять боеприпасы. Это позволяло обеспечивать постоянное прикрытия кораблей с воздуха¹².

В дальнейшем в связи с действиями корабельных группировок в удаленных от островных аэродромов районах океана и быстрым наращиванием авианосных сил США подобная практика использования истребительной авиации наземного базирования применялась весьма ограниченно. Авианосцы позволяли концентрировать значительные силы палубной авиации в районах проведения операций и обеспечивать достаточно надежную противовоздушную оборону корабельных группировок.

Японский флот, добившийся в начале войны крупных успехов, мало внимания уделял совершенствованию ПВО своих корабельных группировок.

Кроме того, к концу 1944 года ВМС Японии потеряли значительное количество авианосцев¹³ и почти полностью лишились опытных летных кадров авианосной авиации. Это значительно снизило возможности ПВО корабельных группировок японского флота: корабли могли использовать в основном зенитную артиллерию и весьма ограниченно истребительную авиацию наземного и корабельного базирования.

Так, во время Филиппинского морского сражения в октябре 1944 года японские корабельные группировки, имевшие слабую ПВО, были разгромлены американским флотом, главной ударной силой которого являлось 38-е оперативное авианосное соединение, имевшее в своем составе 17 авианосцев, 6 линкоров, 14 крейсеров и 58 эсминцев¹⁴. В результате японская корабельная группировка не смогла выполнить поставленной задачи — уничтожить американские десантные силы в заливе Лейте.

Резкое наращивание в 1944 году авианосных сил США на Тихоокеанском театре позволило включать в состав американских корабельных группировок до 15 и более авианосцев. С поступлением на во-

¹² Боевое использование авианосцев.— С. 56; Шерман Ф. С. Американские авианосцы в войне на Тихом океане.— С. 162—163; Polmar N. Aircraft Carriers.— P. 324.

¹³ С начала войны и до конца 1944 г. японцы потеряли 19 авианосцев, из них 6 — в 1942 г., 1 — в 1943 г. и 12 — в 1944 г. (См. Боевое использование авианосцев.— С. 357).

¹⁴ История второй мировой войны 1939—1945.— Т. 9.— М.: Воениздат, 1978.— С. 310.

оружие в начале 1944 года оснащенных радиолокаторами палубных истребителей организация ПВО корабельных группировок ВМС США получила дальнейшее развитие. В составе авиагрупп американских тяжелых авианосцев с того времени стал действовать отряд ночных истребителей, оснащенных радиолокационными станциями. Одновременное увеличение числа истребителей в составе авиагрупп американских тяжелых авианосцев с 36 до 54, а к концу 1944 года и до 73 единиц¹⁵ дало возможность в качестве основной тактической единицы применять звено в составе 4 истребителей, в то время как до 1944 года истребители действовали парами¹⁶.

Использование японцами в октябре 1944 года пилотов-смертников «камикадзе» вынудило командование ВМС США изменить тактику американской авианосной авиации, искать более эффективные способы борьбы с воздушным противником. Американцы стали чаще проводить комплексные учения по отражению нападения с воздуха. При этом применялись приемы и способы, использовавшиеся японцами, с тем чтобы выявить уязвимые и слабые места в ПВО корабельных группировок и изыскать пути их устранения. Оперативные авианосные группы американского авианосного соединения, действуя по единому плану в нескольких десятках миль друг от друга, стремились обеспечить эффективную противовоздушную оборону всего района операции как в светлое, так и в темное время суток.

Эсминцы дальнего радиолокационного обнаружения стали выдвигаться на расстояние около 60 миль от корабельной группировки в направлении наибольшей угрозы, с тем чтобы своевременно обнаружить самолеты противника, предупредить свои корабли и осуществить наведение дежуривших в воздухе и на палубах авианосцев истребителей. При этом над эсминцами ДРЛО по возможности дежурили в воздухе палубные истребители. Кроме того, палубные истребители использовались для борьбы с низколетящими целями (в пределах визуальной видимости от кораблей группировки на высотах до 1000 м). Самолетам, возвращавшимся на авианосцы после нанесения ударов по объектам противника, назначались специальные коридоры¹⁷.

Для завоевания господства в воздухе в районе проведения операции оперативные авианосные группы вели длительные боевые действия по уничтожению авиации противника на аэродромах и в воздухе еще до начала этой операции. Это значительно снижало эффективность ударов японской авиации по корабельным группировкам в ходе самой операции. Однако в связи с угрозой «камикадзе» при нанесении ударов по аэродромам на Филиппинских островах в состав ударных авиагрупп в ноябре 1944 года старались включать незначительное количество палубных истребителей: большинство из них должно было находиться на авианосцах на случай отражения возможных атак противника¹⁸.

В 1945 году американцы завоевали прочное господство в воздухе и на море. Этот фактор, а также недостаток топлива не позволяли японскому флоту выходить в море, а рискнувшая выйти корабельная группировка во главе с линкором «Ямато» (1 линкор, 1 легкий крейсер, 8 эсминцев), лишенная прикрытия с воздуха, 7 апреля 1945 года была разгромлена авианосной авиацией США¹⁹.

¹⁵ United States Naval Aviation 1910—1970. — P. 119, 123, 134.

¹⁶ Barjot P. Histoire de la guerre aeronavale. Paris: Flammarion. 1961. — P. 329.

¹⁷ Morrison S. E. History of United States Naval Operations in World War II. — Vol. 13. — Boston: Little, Brown, 1959. — P. 55, 59.

¹⁸ Polmar N. Aircraft Carriers. — P. 405—406.

¹⁹ История второй мировой войны 1939—1945. — Т. 11. — М.: Воениздат, 1980. — С. 70—71.

Таким образом, именно количественное наращивание и качественное совершенствование авианосцев, палубных самолетов, кораблей охранения и их вооружения позволили американцам создать на втором этапе достаточно эффективную систему ПВО своих корабельных группировок. Эта система, по мнению американских военных специалистов, наиболее полно проявила себя в ходе десантной операции по захвату острова Окинава (март — июнь 1945 года). ПВО корабельных группировок ВМС США, являясь составной частью борьбы за господство в воздухе в районе операции, осуществлялась в форме воздушной блокады всего района данной операции. Она проводилась по единому плану и под единым командованием. Основу средств разведки воздушной обстановки этой системы ПВО составляли 16 переоборудованных из эсминцев специальных кораблей ДРЛО, образовавших вокруг района высадки десанта два кольца радиолокационного обнаружения радиусами 55 и 130 км. Каждый корабль ДРЛО прикрывали от 4 до 12 истребителей²⁰. Обнаружив самолеты противника, посты наведения вызывали дополнительные палубные истребители и наводили их на воздушные цели. Целеуказания передавались и другим кораблям в случае выхода японских самолетов из зоны ответственности данного корабля ДРЛО.

В этой операции американская авианосная авиация отразила 896 налетов японских самолетов и уничтожила вместе с зенитной артиллерией кораблей около 4000 самолетов противника (в том числе 1900 «камикадзе»), совершивших в период с 6 апреля по 22 июня 1945 года 10 массированных налетов на корабельные группировки ВМС США. При этом 28 американских кораблей были потоплены и 225 повреждены, из них 26 потоплены и 164 повреждены в результате действий «камикадзе»²¹. На каждый пораженный корабль в среднем пришлось от 10 до 20 «камикадзе». При этом 90 проц. «камикадзе» промахнулись мимо своих целей или были сбиты, а на каждый пораженный корабль в среднем пришлось около 1,25 попадания²².

Эти расчеты с соответствующими коррективами американские специалисты часто используют в настоящее время для определения вероятных потерь в ходе возможных боевых действий без применения ядерного оружия в случае использования противником противокорабельных ракет по современным корабельным группировкам.

Опыт организации ПВО корабельных группировок обобщался и тщательно анализировался специалистами ВМС США в ходе второй мировой войны и в послевоенный период. Он продолжает изучаться в настоящее время и находит отражение в агрессивных планах США и их союзников.

²⁰ Там же. — С. 71.

²¹ United States Naval Aviation in the Pacific. — P. 40.

²² Deitchman S. J. General Purpose Military Forces for the 1980's and Beyond. — Boulder, Colorado: Westview Press, 1979. — P. 101.

Из истории создания Дисциплинарного устава

В О ВСЕХ армиях всегда придавалось огромное значение установлению твердого порядка, организованности и крепкой дисциплины. С этой целью вырабатывались нормативно-правовые положения, определяющие обязанности и права военнослужащих. В русской армии при Иване IV (Грозном) в феврале 1571 года был утвержден «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе», в котором определялись основные задачи сторожевой службы на границах Русского государства, порядок ее несения и устанавливались меры наказания за неисполнение служебных обязанностей.

Под руководством Петра I и при его личном участии были разработаны «Устав прежних лет», «Ротные пехотные чины», «Статьи воинские» и ряд других документов. В них излагались порядок судопроизводства, права судебных и полицейских чинов, обязанности офицеров и солдат, правила их поведения вне службы и меры наказания за проступки¹. Эти документы послужили основой для «Устава воинского» 1716 года, который охватывал все стороны деятельности русской армии. В вве-

дении к нему помещен Указ Петра Великого об укреплении дисциплины, в котором говорится: «...повелеваем всем... покорным и послушным быть по своей должности и все пункты сего артикула право исполнять...»².

Однако до 60-х годов XIX столетия в русской армии не было Дисциплинарного устава, как и точно сформулированного понятия дисциплины. Не существовало также ни ясной системы дисциплинарных взысканий, ни порядка их наложения, ни указаний о степени власти начальников. «Устав военно-уголовный» 1839 года³ рассматривал «общие преступления, учиненные независимо от службы» (ст. 2), и не имел даже раздела о дисциплинарных взысканиях. Право их наложения за «преступления собственно военные» и проступки предоставлялось непосредственно командирам (ст. 3), которые смотрели на солдат почти как на крепостных. Судьба и жизнь последних полностью зависели от офицеров, рассматривавших розги и шпицрутены как единственное средство воспитания. Их били и даже забивали до смерти не только за преступления, но и незначительные проступки.

Дальнейшее совершенствование средств вооруженной борьбы и развитие военного искусства потребовали от солдата более самостоятельных и инициативных действий, сознания важности своего воинского долга. В связи с этим отпала необходимость в применении ранее принятых мер устрашения. 17 апреля 1863 года в армии отменяется наказание шпицрутенами, но розги остаются и отменяются только в 1904 году. Однако отмена телесных наказаний далеко не означала их фактического устранения. Грубость, рукоприкладство и попрание человеческого достоинства солдат продолжалось. В кулачной расправе начальники видели надежное средство насаждения и поддержания дисциплины. В. И. Ленин писал: «...казарма насквозь пропитана духом самого возмутительного бесправия. Полная беззащитность солдата из крестьян или рабочих, попираание человеческого достоинства, вымогательство, битье, битье и битье»⁴.

При подготовке нового «Устава военно-уголовного» намечалось предоставить начальникам право наказывать подчиненных своей властью. 6 июля 1863 года утверж-

² Устав воинский 1716 г. — Изд. 2-е. — СПб., 1719. — С. 1.

³ Свод военных постановлений. — Часть пятая. Устав военно-уголовный. Кн. 1. — СПб., 1839.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 4. — С. 393.

¹ Воинские уставы Петра Великого / Под ред. проф. Н. Л. Рубинштейна; Вступ. статья и комментарии П. П. Елифанова. — М.: Гос. б-ка им. В. И. Ленина, 1946. — С. 8, 38—39.

дается «Положение об охране воинской дисциплины и взысканиях дисциплинарных», которое, по существу, явилось первым дисциплинарным уставом русской армии. 7 апреля 1865 года утверждается новый его проект, названный «Положением о взысканиях дисциплинарных»⁵, в котором излагались указания о дисциплинарных взысканиях, устанавливались порядок их наложения и «степень власти начальников», а также общие правила соблюдения воинской дисциплины, подачи просьб и жалоб, говорилось о суде общества офицеров.

7 июля 1869 года утверждается новый проект этого документа, который решено было именовать «Уставом дисциплинарным»⁶. Он требовал «строго соблюдать чинопочитание, точно и беспрекословно исполнять приказания начальства, сохранять во вверенной команде порядок, добросовестно исполнять обязанности службы и не оставлять проступков и упущений подчиненных без взыскания» (ст. 1). Устав обязывал начальника в отношении к подчиненному «быть справедливым, отечески пещись о благосостоянии вверенной ему команды. входить в нужды своих подчиненных, быть в потребных случаях их советчиком и руководителем, избегать всякой неуместной строгости, не оправдываемой требованиями службы, а также развивать и поддерживать в каждом офицере и солдате сознание о высоком значении воина, призванного к защите Престола и отечества от врагов внешних и внутренних» (ст. 4).

Участившиеся случаи привлечения военнослужащих к подавлению революционных выступлений народа обусловили необходимость внести соответствующие изменения в Уставе, в ст. 5 которого появилось дополнение: «В случае нарушения общественного порядка или открытого неповиновения и возмущения начальник обязан не исполняющих свой долг принудить к повиновению силой и принять все зависящие от него меры для прекращения беспорядков. Всякий военный, несмотря на его звание и чин, должен содействовать начальнику в усмирении неповиновущихся».

В Уставе перечислялись виды дисциплинарных взысканий, определялись права начальников по их наложению, порядок при-

ведения в исполнение, предусматривалось создание полковых судов для рассмотрения проступков, требующих особо строгого наказания.

На нижние чины мог быть наложен простой арест длительностью не больше месяца, строгий — двадцать суток, усиленный — не свыше восьми суток. Командиру полка, кроме того, предоставлялось право смешанного ареста (строгий и усиленный) продолжительностью не более одного месяца (ст. 33). Сохранились принципы наказания в зависимости от сословной принадлежности. Нижние чины, например, из детей дворянского происхождения, бывших священнослужителей, купцов первых двух гильдий не привлекались «на случающиеся в роте работы, не переводились в разряд штрафованных и не подвергались строгому и усиленному арестам» (ст. 19).

В связи с введением в 1874 году всеобщей воинской повинности «Устав дисциплинарный» 1869 года пересматривается и 28 июля 1879 года утверждается новый, составленный с учетом опыта русско-турецкой войны. В нем сохранялись все основные положения предыдущего Устава, подвергались редакционным уточнениям отдельные статьи, появилась статья о дисциплинарных правах командира корпуса.

Применение на практике «Устава дисциплинарного» 1879 года показало недостаточную точность и полноту некоторых его статей. Поэтому составляется другой Устав, утвержденный 29 мая 1888 года. Согласно ему рядовые и ефрейторы переводились в разряд «штрафованных» в мирное время по приговору суда, а в военное — властью командира полка (ст. 17), унтер-офицеры — только по приговору суда (ст. 18). 14 января 1901 года утверждается новый «Устав дисциплинарный» с единственным дополнением к ст. 130 — «Правила о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде». В последующие годы «Устав дисциплинарный» не разрабатывался, а следовавшие изменения и дополнения вносились в него при очередном переиздании. Так, в изданном в 1904 году Уставе исключены указания о телесных наказаниях.

Изучение «Уставов дисциплинарных» русской армии показывает, что основные положения первого (1869 г.) оставались неизменными до последних дней существования русской армии. Они не содержали

⁵ Военная энциклопедия. — Т. IX. — Изд. Сытина. — П., 1911. — С. 123.

⁶ См.: Столетие Военного министерства. Главное военно-судное управление Исторический очерк. — Т. XII. — Кн. 1. — Ч. II. — СПб., 1914. — С. 238.

указаний о мерах поощрения за усердия, проявленные на службе, закрепляли ошибочный взгляд на дисциплину, слагавшуюся только из повиновения подчиненных и обязанностей начальников карать за проступки. В результате дисциплина в царской армии была слепой, палочной, поддерживалась муштрой, жестокими телесными наказаниями и не могла быть принята в армии социалистического государства.

В первые месяцы Советской власти никаких общих положений о воинской дисциплине не существовало. Но в отрядах Красной гвардии, среди революционных солдат и матросов поддерживался строжайший порядок. Сознвая необходимость строгой дисциплины, особенно в условиях боевой обстановки, красногвардейцы и воины молодой социалистической армии добровольно соблюдали ее и сами наказывали своих разболтавшихся сослуживцев. Носителями идей крепкой воинской дисциплины и твердого порядка в отрядах и частях были военные комиссары, политорганы, партийные ячейки и коммунисты. Мощным средством воспитания, укрепления дисциплины и повышения боеспособности частей явился утвержденный Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом 22 апреля 1918 года единый текст формулы торжественного обещания воинов РККА, в котором говорилось: «Я обязуюсь строго и неуклонно соблюдать революционную дисциплину и беспрекословно выполнять все приказы командиров, поставленных властью Рабочего и Крестьянского правительства»⁷.

Большую роль в воспитании советских воинов сыграла и «Книжка красноармейца», введенная осенью 1918 года. Она выдавалась каждому при поступлении на военную службу. Ее образец был утвержден Председателем СНК В. И. Лениным и Председателем ВЦИК Я. М. Свердловым. В Книжке кроме демографических данных о ее владельце помещались тексты Конституции РСФСР, Декрета об организации РККА, Торжественного обещания красноармейца и других документов⁸.

Особое значение в укреплении воинской дисциплины имели «Дисциплинарный устав Рабоче-Крестьянской Красной Армии», утвержденный Всероссийским Цен-

тральным Исполнительным Комитетом 30 января 1919 года, и «Морской дисциплинарный устав», утвержденный в 1921 году. В них излагались общие положения о советской воинской дисциплине, виды и меры поощрения и взысканий, дисциплинарные права начальников. Подчеркивалось, что в основе советской воинской дисциплины лежат высокое революционное сознание каждого воина, чувство ответственности перед трудящимися за защиту завоеваний революции. Устав закреплял в Красной Армии отношения, выражающие взаимное уважение начальников и подчиненных, отношения подлинной их дружбы и воинского товарищества. Указания о мерах поощрения в нем выделены в отдельную главу, которая предшествовала главе о взысканиях. Введены единые для всей армии дисциплинарные взыскания, «налагаемые единолично комиссарами и начальниками за незначительные упущения по службе» (ст. 42). Устав заканчивался кратким разделом о жалобах, в котором рассматривалось право военнослужащего подавать жалобы на незаконные и неправильные действия начальников и комиссаров. Но этого не разрешалось делать в строю и при исполнении служебных обязанностей.

Первый «Дисциплинарный устав Рабоче-Крестьянской Красной Армии» сыграл огромную роль в установлении твердого порядка, организованности и дисциплины в войсках. В последующие годы в него вносились некоторые дополнения, а 10 июля 1925 года был утвержден новый «Временный Дисциплинарный устав», в котором в отличие от предыдущего глава «Виды поощрения» помещена после главы «Дисциплинарные взыскания и виды их», установлены дополнительные виды дисциплинарных взысканий и меры поощрения. Из него была исключена глава «О товарищеских ротных судах».

Последовавшая переработка «Временного Дисциплинарного устава» вызывалась необходимостью привести его положения в соответствие с «Законом Верховного Совета СССР о всеобщей воинской обязанности» от 1 сентября 1939 года, согласно которому отменялись все классовые ограничения при призыве на действительную военную службу. Подготовленный проект введен в действие приказом народного комиссара обороны Союза ССР от 12 октября 1940 года. «Дисциплинарный устав

⁷ Декреты Советской власти. — Т. 2. — М.: Госполитиздат, 1959. — С. 157.

⁸ Советская Военная Энциклопедия. — Т. 4. — М.: Воениздат, 1977. — С. 214.

Военно-Морского Флота Союза ССР» утверждён приказом народного комиссара Военно-Морского Флота от 29 октября этого же года.

В соответствии с принятой в 1936 году Конституцией, провозгласившей отсутствие в стране антагонистических классов, в Уставе указывалось, что «воинская дисциплина зиждется на однородности классовых интересов всего личного состава Красной Армии, на беззаветной преданности его своему народу и на чувстве высокой ответственности каждого военнослужащего за вверенное ему дело обороны Социалистической Родины» (ст. 2). На командира, как единоначальника, возлагалась вся полнота ответственности за поддержание во вверенной ему части (подразделении) крепкой воинской дисциплины. Ему предоставлялись несколько большие дисциплинарные права, чем во «Временном Дисциплинарном уставе» 1925 года, а в «случае неповиновения, открытого сопротивления или злостного нарушения дисциплины и порядка» ему надлежало «принять все меры принуждения, вплоть до применения силы и оружия» (ст. 6).

«Дисциплинарный устав», утверждённый приказом министра Вооружённых Сил Союза ССР от 1 июня 1946 года, обобщал опыт строительства армии и флота и дисциплинарной практики, накопленный за весь период их существования. Он стал единым для всех видов Вооружённых Сил, а в Приложении I приведена сравнительная таблица дисциплинарных прав по типовым должностям военнослужащих. В нём определены дисциплинарные права всех без исключения категорий начальников, чем устранен существенный недостаток «Дисциплинарного устава» 1940 года. Каждый начальник, должность которого не упомянута в главах 4, 6, 11 и 13 устава, получил возможность, руководствуясь статьями 10 и 11, определить свою дисциплинарную власть. В нём увеличен для рядового состава срок строгого ареста с 10 до 15 суток, а для сержантского состава увеличен срок простого ареста с 15 до 20 суток. Значительно расширены права начальников в отношении поощрения подчинённых им военнослужащих и введены новые виды поощрений. Уставом определен порядок подачи жалоб. Военнослужащий имел право подать жалобу не по команде, а прямо непосредственно начальнику того лица, действия которого он обжалу-

ет. Предоставлялось также право подавать заявления о злоупотреблениях высшему начальству.

Устав действовал до августа 1960 года. За этот период в войсках произошли коренные изменения, усложнились задачи по защите Советского государства и стран социалистического содружества. Потребовалось разработать новый Устав, проект которого был подготовлен, рассмотрен и одобрен ЦК КПСС, а затем утверждён Указом Президиума Верховного Совета СССР 28 августа 1960 года. Восстанавливалась практика утверждения Устава высшим органом Советского государства, которая существовала ещё при жизни В. И. Ленина. Последний «Дисциплинарный устав» наиболее полно отражал развитие Советских Вооружённых Сил и являлся могучим средством дальнейшего укрепления воинской дисциплины и повышения боевой готовности войск.

Происшедшие в Вооружённых Силах СССР изменения потребовали разработки проекта нового «Дисциплинарного устава», который после тщательной проверки в войсках был утверждён Президиумом Верховного Совета СССР 30 июля 1975 года. В нём расширены указания о поощрениях, более чётко определен порядок объявления дисциплинарных взысканий. Он выгодно отличается от прежнего и по своей структуре, состоит из пяти глав вместо пятнадцати, что делает его более удобным для пользования.

Прошло более 12 лет после утверждения последнего «Дисциплинарного устава». За это время был принят ряд законодательных актов по военному строительству, утверждена новая Конституция СССР, внесены уточнения и дополнения в Закон о всеобщей воинской обязанности и в Положение о прохождении военной службы. Произошли также важные изменения в организационно-штатной структуре войск. С учетом этих изменений подготовлен следующий проект «Дисциплинарного устава».

Таким образом, в основе советских «Дисциплинарных уставов» всех годов лежат ленинские принципы строительства Советских Вооружённых Сил. Уставы пронизаны идеей о ведущей роли убеждения в воспитании и укреплении воинской дисциплины, которая зиждется не на страхе наказания и принуждения, а на высокой политической сознательности воинов.

Полковник в отставке Н. И. МУРЗАЕВ

Большое плавание малых кораблей

НЕ ТАК давно просматривал я исторические очерки о Северном флоте¹. Надеялся обнаружить известные мне факты о проводке в годы войны боевых кораблей, приобретенных по ленд-лизу. К сожалению, удалось отыскать лишь упоминание об этом примечательном событии. Примечательном в первую очередь мастерством, выдержкой и мужеством советских моряков. В книге сообщалось только, что 30 октября 1943 года «в Полярное прибыли 5 тральщиков и 6 больших охотников за подводными лодками, совершивших трудный океанский переход из США»². Никаких других сведений не приводилось, и мне, как участнику упомянутого перехода, захотелось в какой-то мере восполнить этот пробел.

Все началось с приказа наркома ВМФ о формировании спецкоманд. Конечно, ни я, ни многие другие из моего окружения в то время и не догадывались о том, с какими сложностями было сопряжено появление этого документа. После войны нам стало известно, что американская сторона соглашалась передать СССР небольшие корабли, но по месту их постройки. Оттуда они должны были доставляться на Северный флот нашими экипажами. Представитель США генерал Дин мотивировал такое условие тем, что американские моряки на таких малых кораблях далеко от берега не ходят. Контр-адмирал М. И. Акулин, отвечавший за выполнение правительственного задания, поначалу предполагал погрузить корабли на транспорты... Столкнувшись с непреодолимыми организационными трудностями, остановился на рискованном решении: тральщикам и большим охотникам идти своим ходом. «...Рисковать надо, — вспоминал впоследствии бывший нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов. — Я долго не решался подписывать приказ. Еще раз взвесил все «за» и «против». И все-таки подписал — в расчете на героизм и мастерство наших моряков»³.

Не зная всех этих деталей, можно было лишь догадываться о важности предстоящей задачи. К тому времени я, выпускник Черноморского высшего военно-морского училища имени П. С. Нахимова, уже без малого год командовал отдельной ротой автоматчиков 82-й морской стрелковой бригады, побывал в горячем деле. И вот, несмотря на приобретенный боевой опыт, меня, как и многих других военных моряков, отозвали из действующих войск, приказав прибыть в главную базу флота — Полярное. Здесь шло формирование спецкоманд, т. е. будущих корабельных экипажей.

Офицерский состав каждой команды включал 7 человек: командира, его заместителя по политчасти, помощника, командиров боевых частей (штурманской, артиллерийской и электромеханической), военного фельдшера. Все участники перехода сводились в дивизион. Его возглавил капитан 3 ранга М. Н. Моль.

По мере комплектования спецкоманд их отправляли по железной дороге во Владивосток, где временно размещали в казармах учебного отряда. Там, сдав документы, мы получили американские паспорта. Рядовым и старшинам паспортов не выдавалось, на них были составлены списки, заверенные консулом.

Чтобы при переходе в США избежать больших потерь, команды размещали на разных торговых судах. Я с товарищами отправился в путь на транспорте «Луга».

Из Владивостока судно перешло в Находку, где три дня экипаж ожидал сводку о благоприятной ледовой обстановке в проливе Лаперуза. И вот мы снова в море. В 4—5 милях перед нами шел танкер «Туапсе». Он затонул, прямо скажем, на наших глазах, торпедированный, как выяснилось позже, неизвестной подводной лодкой.

На подходе к проливу Лаперуза нас остановил японский эсминец. Два его офицера, поднявшись на борт «Луги», произвели осмотр судна, дотошно проверяли судовые документы.

Когда мы продолжили движение, капитан транспорта попросил моего командира капитан-лейтенанта В. П. Морозова выде-

¹ Козлов И. А., Шломин В. С. Краснознаменный Северный флот. — Изд. 3-е, испр. и доп. — М.: Воениздат, 1983.

² Там же. — С. 266.

³ Кузнецов Н. Г. Курсом к победе. — М.: Воениздат, 1987. — С. 322—323.

лить ему в помощь штурмана. Так я оказался в ходовой рубке. Помогал капитану нести вахты, определять координаты судна.

Минуя Камчатку и Командорские острова, мы зашли в порт Датч-Харбор (остров Уналашка в группе Алеутских островов) для пополнения топлива. Затем был Портланд. Там наш морской путь заканчивался. Другие спецкоманды добирались до западного побережья США через порты Сиэтл и Сан-Франциско. В Портланде, встретившись с советским представителем и получив от него соответствующие рекомендации, мы пересели на поезд, чтобы следовать в город Тампо (штат Флорида). Это был долгий путь. Нам пришлось проехать через штаты Орегон, Калифорния, Аризона, Нью-Мексика, Техас, Луизиана, Алабама, Джорджия. На протяжении всего пути мы ощущали доброе и уважительное отношение к себе.

В Тампо матросов и старшин разместили в казармах военного городка неподалеку от судостроительного завода, а офицеров — в гостинице «Меросол Плаз». Нам выдали денежное довольствие из расчета 175 долларов в месяц (курс доллара в то время составлял 5 руб. 32 коп.). Часть этих денег мы платили за питание в офицерской столовой военного городка и гостиницу. Офицеры, старшины и матросы регулярно по воскресеньям увольнялись в город.

Под руководством заместителя командира дивизиона по политической части капитана 3 ранга В. М. Кулакова и корабельных политработников каждый экипаж организовал художественную самодеятельность. Моряки выступали перед местным населением в клубах и городских парках Тампо и Майами. Побывали наши самодеятельные артисты и в Чикаго, где по просьбе мэра города дали 5 выступлений. Концерты пользовались большой популярностью. Участникам самодеятельности американцы дарили сувениры, в их адрес, а также в адрес всего советского народа высказывались сердечные, дружественные пожелания.

Подобные встречи хотя и были важным, но все-таки побочным делом. Главным же являлось строительство кораблей и освоение новой техники. Здесь возникало немало сложностей. «Среди наших моряков,— писал Н. Г. Кузнецов,— не оказалось радиометристов, пришлось радиолокацию осваивать радистам. Наши гидроакустики,

знакомые только с шумопеленгаторами, впервые столкнулись с гидролокаторами. Пришлось в кратчайшие сроки изучить эти сложнейшие устройства. Никогда не видели раньше автоматических пушек «эрликон» наши артиллеристы»⁴.

Трудились, можно сказать, день и ночь, изучая новую технику и отработывая различные задачи. Штурманы выходили в Мексиканский залив для астрономических наблюдений, определяли координаты корабля по солнцу и звездам. Параллельно они осваивали навигационные пособия (лоции, таблицы, графики). В период заводских ходовых испытаний определялись маневренные элементы корабля, отработывалась учебная задача по атаке подводной лодки. Кроме того, личный состав штурманской боевой части вместе с гидроакустиком прошел в городе Майами специальную подготовку по практическому использованию гидроакустической аппаратуры при поиске и атаке подводной цели. Проходили также напряженные тренировки, на которых совершенствовались навыки использования оружия и тралов, борьбы за живучесть технических средств.

Вскоре тральщики перешли из Тампо в Ки-Уэст. Шли они двумя группами: первая — ТЩ-111 (командир капитан-лейтенант В. В. Груздев) и ТЩ-112 (командир старший лейтенант С. И. Антропов); вторая (я значился штурманом этой группы) — ТЩ-113 (командир капитан-лейтенант В. П. Морозов), ТЩ-114 (командир, он же командир группы, капитан 3 ранга Н. С. Дебелов) и ТЩ-115 (командир капитан-лейтенант М. И. Любичев). В Ки-Уэсте корабли прошли размагничивание, а также выполнили учебную задачу по поиску и атаке подводной лодки. Затем перешли в Норфолк, где провели артиллерийские стрельбы по щиту и зенитные — по конусу. В очередном пункте (Нью-Йорке) подзаправились топливом, пресной водой и продовольствием. Там же мы получили морские навигационные карты, штурманские пособия и карты минных полей в районе Исландии, куда нам следовало идти. Примечательно, что при заходе в перечисленные пункты и базы мы не прибегали к помощи лоцманов. На головном ТЩ-114 лишь находился американский офицер связи, который уточнял, к какому причалу нам предстоит швартоваться.

Из Нью-Йорка тральщики взяли курс на

⁴ Кузнецов Н. Г. Указ. соч. — С. 323.

Сент-Джонс (Канада), а уже оттуда — на Рейкьявик (Исландия). Переход совершали при штормовой погоде: ветер северо-восточный до 10 баллов, волнение моря — 6—7 баллов. Двигаясь со скоростью 6—8 узлов, до Рейкьявика добирались более недели. Поскольку с навигационной и минной обстановкой нас ознакомили заранее, мы, хотя и была ночь, без помех вошли в порт. Правда, часа два пришлось простоять на рейде, пока на буксире не подошел морской представитель СССР старший лейтенант Н. В. Ивлев (ныне контр-адмирал в отставке). Вслед за буксиром тральщики направились к месту стоянки.

После короткого отдыха мы встретились с начальником морской конвойной службы контр-адмиралом А. Г. Брыкиным, специально прибывшим из Англии. Он поздравил нас с благополучным переходом через океан, внимательно осмотрел корабли, поинтересовался нуждами каждого. После того как нас обеспечили всем необходимым, контр-адмирал ознакомил командиров с последующим маршрутом. От Исландии курс пролегал восточнее острова Ян-Майен между островами Шпицберген и Медвежий в Полярное.

Последние мили до родной базы показались самыми трудными, что и понятно — год не были дома да и устали, конечно. Погода выдалась штормовая. Ветер доходил до 10—11 баллов, море — 8—9. Кто ходил на тральщиках, знает, что и небольшая волна может раскатать, словно качели, а тут такой ветрище, такие валы! Осенью здесь не появлялись даже крупные корабли и суда.

На пирсе в Полярном нас встречали командующий Северным флотом А. Г. Головкин, член военного совета Н. М. Кулаков и командир Охраны водного района В. И. Платонов. Приняв рапорт командира, командующий поздравил личный состав с благополучным завершением столь сложного перехода, ознакомил с задачами, которые предстояло выполнить в ближайшее время. Затем Н. С. Дебелова и меня, как штурмана, пригласили на командный пункт штаба флота доложить о подробностях нашей длительной командировки, вооружении, тактико-технических данных и мореходных качествах новых кораблей, а также о возможности их использования в системе противолодочной и противоминной обороны.

— Должен заметить, — сказал А. Г. Го-

ловко, — что построены корабли хорошо. Если они прошли океан в осеннее время без каких-либо значительных поломок, значит, испытание выдержали. Добротные корабли. За это союзникам спасибо. Но и наши моряки — настоящие молодцы. Ведь корабли-то не сами шли. Знаете, что мне представитель британской военной миссии по этому поводу сказал? А вот что: такие походы в арктических водах и на таких судах могут совершать только русские. Вот как! Так что корабли остаются кораблями, а люди — людьми. Вы об этом обязательно сообщите морякам. Задачи предстоит решать сложные, и такие слова прибавят им сил...

А дело вскоре выпало действительно простое.

Отдохнув трое суток после перехода, экипажи ТЩ-114, ТЩ-112, ТЩ-113 и ТЩ-115 получили приказ выйти из Екатерининской гавани в Карское море для встречи арктического конвоя АБ-55.

За проливом Карские ворота к тральщикам присоединились два эскадренных миноносца. Они шли вместе с нами до мыса Городецкий в Белом море, затем направились в Иоканьгу. Конвой продолжал путь без них.

2 ноября у острова Колгуев гидроакустик ТЩ-114 Н. А. Кучеренко установил контакт с подводной лодкой противника. Я (в то время дивизионный штурман; находился на борту этого тральщика), услышав доклад гидроакустика, поспешил в ходовую рубку. Прошла минута-другая, а корабль изготовился к атаке подводной лодки. Глубинные бомбы, выброшенные установкой, устремились к цели.

Лодка пыталась маневрировать, но не совсем удачно. Когда она подвсплыла, тральщик таранил ее, затем сбросил еще одну серию глубинных бомб. Над водой взметнулся фонтан соляра, вокруг разошлись масляные круги. Есть попадание!.. После повторной атаки на поверхности моря появились различные предметы. Получив наш доклад о том, что вражеская подводная лодка неподвижно лежит на грунте на глубине 82 м, командир конвоя контр-адмирал С. Г. Кучеров приказал ТЩ-114 присоединиться к ледоколам и вступить в охранение. Конвой без потерь прибыл в порт назначения.

Затем было еще немало выходов, но об этом уже другой рассказ.

*Капитан 2 ранга в отставке
В. Г. ЖИГАЛОВ*

Военно-исторические даты и события

Легендарная Железная

(К 70-летию со дня создания)

В НАЧАЛЕ лета 1918 года ухудшилась военно-политическая обстановка в Среднем Поволжье. В конце мая белочехи захватили Сызрань, 8 июня — Самару. 22 июля враг занял Симбирск, в результате в районе Сенгилея и Белого Яра от частей 1-й армии Восточного фронта были отрезаны Сенгилеевская и Ставропольская группы красных отрядов, которые объединились в сводный отряд под командованием Г. Д. Гая. Его заместителем стал В. И. Павловский. Отряд вырвался из окружения и 25 июля в районе станции Майна (55 км западнее Симбирска) соединился с войсками 1-й армии. В эти дни здесь под руководством М. Н. Тухачевского проводилась работа по формированию регулярных частей и соединений Красной Армии.

26 июля 1918 года приказом Революционного военного совета 1-й армии была создана 1-я сводная Симбирская пехотная дивизия на базе Сенгилеевско-Ставропольского отряда. 27 июля ее начальником назначается Гая Дмитриевич Гай (настоящее имя и фамилия — Гайк Бжишкян). В тот же день он вступил в командование и началось формирование соединения¹. Первым военным комиссаром дивизии стал Б. С. Лившиц. Политический отдел возглавил большевик Н. Ф. Панов, а штаб — латышский стрелок Э. Ф. Вилумсон.

В августе части дивизии начали наступление на Симбирск. Однако освободить город не удалось из-за сильного сопротивления белых. В начале сентября дивизия готовилась к новым боям за город. В ее состав вошел 3-й (212-й) Московский полк. С каждым днем усиливалась партийно-политическая работа. Шел процесс создания коммунистических ячеек в частях. Первая ячейка была организована во 2-м Симбирском полку, где военным комиссаром являлся самарский большевик Н. М. Шверник.

9 сентября 1918 года началась Симбирская операция 1-й армии. В результате трехдневных напряженных боев 12 сентября дивизия освободила Симбирск от белогвардейцев. Вечером этого же дня на центральной площади города, носящей ныне имя В. И. Ленина, состоялся митинг

бойцов 1-й армии. На нем составили текст телеграммы В. И. Ленину, в которой говорилось: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую будет Самар!» В ответ В. И. Ленин поздравил красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся поблагодарил их.

В день завершения Симбирской операции, 28 сентября, 1-я сводная Симбирская Железная пехотная дивизия первой среди соединений Красной Армии была награждена Почетным революционным Красным знаменем, учрежденным ВЦИК летом 1918 года².

В начале октября 1918 года дивизия освободила Сызрань, Ставрополь-Самарский и участвовала в боях за Самару. За успешные действия она по приказу РВС Республики получила название Самарской (с 25 октября 1921 г.), а затем — Самаро-Симбирской (с апреля 1922 г.).

1-я Симбирская дивизия, переименованная в 24-ю стрелковую, в ноябре 1918 года вела бои в районе Бузулука, Бугуруслана и Белебея. В эти дни Г. Д. Гай был назначен командующим 1-й армией. В командование 24-й стрелковой дивизией вступил В. И. Павловский.

22 января 1919 года дивизия освободила Оренбург, а через месяц — Орск. В марте — апреле полки отражали наступление войск Колчака. С 28 апреля по 4 августа Железная в составе 1-й и Туркестанской армий участвовала в контрнаступлении Южной группы, а затем в рядах 5-й армии — в Златоустовской и Челябинской операциях. За это время она прошла с боями около 800 км, освободила от белогвардейцев Белорецкий, Юрюзанский заводы, Верхнеуральск, Троицк. За успешные действия по разгрому частей Колчака 208, 209, 211, 212, 213, 214 и 215-й полки были награждены Почетными революционными Красными знаменами.

Весной 1920 года обстановка на западе резко обострилась. После перевозки по железной дороге в районе Гомеля дивизия вошла в состав войск Западного фронта, а затем севернее Киева перешла в подчинение 12-й армии Юго-Западного фронта и участвовала в освобождении городов Чернобыль и Мозырь. Впоследствии, действуя в рядах 1-й Конной и 14-й

¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия, 1987. — С. 469.

армий, освобождала города Луцк и Сокаль. В этих боях бойцы проявили массовый героизм. Особой храбростью отличился 216-й имени В. И. Ленина полк, который вошел в состав дивизии в октябре 1919 года.

В июле 1920 года бойцы тепло попрощались с заболевшим Василием Игнатьевичем Павловским, с именем которого связывались успехи Железной на различных фронтах. В командование соединением вступил М. В. Муретов.

После прекращения войны с Польшей Железная в составе Киевского военного округа дислоцировалась в районе Деражня, Жмеринка, Гайсин и вела борьбу с петлюровскими бандами.

В годы гражданской войны в Железной сражались известные интернационалисты С. А. Частек, Д. А. Варга, П. М. Боревиц. Из рядов соединения вышли командиры, ученые, политические деятели, которые стали известными в стране. Среди них М. Д. Великанов — командующий войсками Среднеазиатского, Забайкальского военных округов, А. И. Седакин, который в 1933—1935 гг. работал заместителем начальника Штаба РККА, академики А. А. Благонравов и Х. С. Горегляд, М. А. Пуркаев и А. В. Горбатов, ставшие генералами армии, видными военачальниками, Н. М. Шверник — Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1946—1953 гг.).

Бойцы и командиры 212-го Московского имени В. И. Ленина полка в феврале 1922 года избрали Ильича почетным красноармейцем, поклявшись высоко нести имя своего великого однополчанина. В конце 1922 года Железная перешла на штаты полкового состава. Три бригады преобразовались соответственно в 70-й Черкасский, 71-й Симбирский, 72-й Петроградский стрелковые полки.

С каждым годом улучшалось качество боевой и политической подготовки, повышалась боевая готовность частей. Совершенствовались и формы политико-воспитательной работы. Личный состав воспитывался на примерах жизни героев гражданской войны. Приказом РВС СССР № 725 от 24 ноября 1925 года командир 17-го стрелкового корпуса Я. Ф. Фабрициус был утвержден в звании почетного красноармейца 72-го Ленинградского полка. РВС СССР приказом № 258 от 20 апреля 1926 года утвердил в звании почетного красноармейца: 70-го Черкасского полка — командующего войсками Украинского военного округа И. Э. Якира, 71-го Ульяновского полка — слушателя Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе Г. Д. Гая³.

Заслуги Железной в годы гражданской войны высоко оценены Советским правительством. В феврале 1928 года в ознаменование 10-летия РККА и за большие заслуги на различных фронтах гражданской войны Железная была награждена вторым Почетным революционным

Красным знаменем⁴. В дни празднования 15-летия РККА в феврале 1933 года дивизия за доблесть, проявленную в период гражданской войны, и за ряд славных побед под Симбирском, Самарой, Оренбургом, Актюбинском награждена орденом Красного Знамени⁵. В годы мирной учебы соединение с честью оправдало эти награды. По итогам соревнования, развернувшегося между частями и соединениями Украинского и Белорусского военных округов, Железная в 1934 году признана одной из лучших стрелковых дивизий Красной Армии⁶.

Умелой работой по обучению и воспитанию личного состава навсегда вписали свои имена в историю дивизии: помощник командира 210-го полка А. П. Покровский (1921 г.), впоследствии генерал-полковник, помощник начальника Генерального штаба по военно-научной работе; командир 72-го стрелкового полка И. С. Конов (1924 г.) — впоследствии Маршал Советского Союза; политрук роты 70-го полка Е. Е. Мальцев (1935 г.) — будущий генерал армии, начальник Военно-политической академии имени В. И. Ленина. В 1937—1938 гг. военным комиссаром дивизии был батальонный комиссар А. С. Желтов — будущий генерал-полковник, начальник Главного политического управления СА и ВМФ.

В ноябре 1937 года 24-я стрелковая дивизия передислоцировалась на Карельский перешеек и вошла в состав 7-й армии Ленинградского военного округа. В сентябре 1939 года 70, 71 и 72-й полки были переименованы соответственно в 7, 168 и 274-й стрелковые полки. Железная выдержала суровое испытание в боях на Карельском перешейке. После гибели командира комбрига П. Е. Вещева в командование вступил командир К. Н. Галицкий, прошедший суровую школу военной жизни.

За образцовое выполнение боевых заданий командования в советско-финляндской войне и проявленные при этом доблесть и мужество Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 апреля 1940 года 24-я дивизия награждена вторым орденом Красного Знамени. Комбригу Петру Евгеньевичу Вещеву посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Золотой Звезды Героя удостоены также разведчик 160-го арtpолка рядовой Н. М. Берендеев, командир отделения 168-го стрелкового полка И. З. Дребот, рядовой 274-го стрелкового полка И. М. Комаров, командир орудия 7-го стрелкового полка С. В. Семин, разведчик 168-го стрелкового полка рядовой И. М. Ульянов.

Великая Отечественная война застала Железную дивизию в районе Молодечно БССР. 25 июня она в составе 13-й армии на рубеже Трабы, Субботники (40 км северо-восточнее Лиды) выиграла встречный бой у 19-й танковой дивизии против-

⁴ Там же, ф. 3316, оп. 23, д. 451, л. 3.

⁵ Там же, оп. 13, д. 21, типографский оттиск.

⁶ Там же, ф. 25899, оп. 34, д. 107, л. 163.

³ ЦГАСА, ф. 4, оп. 3, д. 2593, л. 354; д. 2899, лл. 171, 172.

ника и до 29 июня удерживала этот рубеж. Но к этому времени часть сил Западного фронта, в том числе и Железная, оказалась в окружении. Начался рейд по тылам врага. Полки продвигались на восток, нанося удары по немецким колоннам, срывая их планомерное выдвижение на Могилев. 14 июля 1941 года Железная вырвалась из окружения и в районе Озаричи соединилась с войсками 21-й армии. Вскоре генерал-майор К. Н. Галицкий был назначен командиром 67-го стрелкового корпуса.

О героическом подвиге самаро-ульяновцев узнала вся страна. 10 августа 1941 года газета «Правда» в передовой статье «Военное искусство, помноженное на храбрость» писала: «Две трети личного состава вывел генерал-майор Галицкий из окружения, нанося врагу значительно больше потерь, чем понес сам».

Однако радость бойцов омрачалась тем, что при дивизии не было Боевого Знамени. В конце июня в боях в районе Воложина отряд под командованием инструктора политотдела старшего политрука А. В. Барбашева оказался изолированным от своих частей и не смог пробиться к дивизии. Он вынужден был вести тяжелые бои и отходить на восток, двигаясь в 200 км севернее главных сил соединения. Генерал-майор К. Н. Галицкий силами кавалерийского эскадрона старшего лейтенанта Е. А. Веденина предпринял решительные меры по розыску знаменного отряда, но найти его не удалось. Судьба Боевого Знамени дивизии выяснилась только в 1943 году.

В начале сентября 1941 года Железная дивизия вошла в подчинение 21-й армии, которую передали в состав Юго-Западного фронта. События развивались быстро. Полки из района села Тереховка (40 км юго-западнее Гомеля) отошли в район Бахмача. 15 сентября войска правого крыла Юго-Западного фронта, где действовала и 24-я дивизия, оказались в окружении. Многие части, подразделения погибли. Их воины до конца выполнили долг перед Родиной. В сложившихся условиях в конце декабря 1941 года приказом наркома обороны дивизия была исключена из состава Красной Армии⁷. По учетным данным Генерального штаба Железная первого формирования числится погибшей в боях.

Война продолжалась. Внутренние военные округа проводили огромную работу по созданию новых частей и соединений. В декабре 1941 года в Архангельском военном округе началось формирование 412-й стрелковой дивизии. В январе 1942 года она была переименована в 24-ю стрелковую дивизию с номерами частей бывшей Железной дивизии. Командование ею принял полковник Ф. А. Прохоров.

До августа 1942 года дивизия в составе 3-й ударной армии воевала под Великими Луками, а затем, последовательно входя в состав 65, 57, 1-й гвардейской, 37-й ар-

мий, участвовала в Сталинградской битве, Белгородско-Харьковской, Донбасской наступательных операциях, сражалась под Кривым Рогом. В конце 1943 года она в составе 18-й армии 1-го Украинского фронта выполняла сложные задачи в Житомирско-Бердичевской наступательной операции.

5 января 1944 года Бердичев был освобожден. В приказе Верховного Главнокомандующего от 6 января в числе отличившихся войск значилась и 24-я стрелковая дивизия генерал-майора Ф. А. Прохорова. Этим же приказом ей присваивалось почетное наименование Бердичевской⁸.

В славной истории Железной дивизии интересен такой факт. В начале октября 1943 года части 38-го стрелкового корпуса 50-й армии Брянского фронта овладели деревней Аютино Чериковского района Могилевской области. Едва отгремел бой, на командный пункт корпуса прибыл местный житель, 63-летний колхозник Дмитрий Николаевич Тяпин, который рассказал о событиях, происшедших в августе 1941-го. Тогда при захоронении трех погибших воинов он обнаружил Боевое Знамя, обмотанное вокруг груди одного из бойцов. Старик положил знамя в могилу. Это сообщение взволновало командование корпуса.

Дмитрий Николаевич отвел комендантский взвод штаба корпуса к братской могиле. Бойцы осторожно стали ее раскапывать. Но вот лопата наткнулась на что-то. Начали разгребать землю руками и увидели ислезливый вещевой мешок, в нем — красное полотнище. Аккуратно развернули его. Шелком поверху вышиты слова: «Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР». Внизу с трудом можно было разобрать: «24-я Железная дивизия». Документов у захороненных не обнаружили. А с остатков гимнастерки одного из них сняли орден Красного Знамени за № 10046. Впоследствии выяснилось: этот орден принадлежал инструктору политотдела Железной дивизии старшему политруку Барбашеву Александру Васильевичу⁹.

Решением наркома обороны для сохранения славных боевых традиций старшей Железной дивизии Красной Армии Боевое Знамя ее после реставрации было вручено 24-й стрелковой Бердичевской дивизии, которая была переименована в 24-ю стрелковую Бердичевскую, Самаро-Ульяновскую дважды Краснознаменную Железную дивизию¹⁰. За сохранение Боевого Знамени Д. Н. Тяпин навечно зачислен в список 1-й роты 7-го полка и награжден орденом Красного Знамени¹¹.

В связи с 25-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне

⁸ См.: Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. — М.: Воениздат, 1975. — С. 98.

⁹ ЦАМО, ф. 1098, оп. 1, д. 1, л. 38.

¹⁰ Наименование дивизии в последующем было уточнено.

¹¹ ЦАМО, ф. 1098, оп. 1, д. 1, л. 8.

⁷ ЦАМО СССР, ф. 1098, оп. 1, д. 1, л. 16.

старший политрук А. В. Барбашев посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени. Его именем названа улица в станице, где он родился.

Зимой 1944 года при отражении контратаки противника в районе города Сатанов парторг батареи командир противотанкового орудия сержант П. А. Макаров погиб в неравном бою, уничтожив шесть танков. За этот подвиг, совершенный на дороге Сатанов — Гусятин, ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Ныне имя П. А. Макарова носит одна из улиц города Сатанов¹².

8 апреля 1944 года за образцовое выполнение заданий командования в боях за освобождение города Черновцы дивизия была награждена орденом Суворова II степени. В радостном волнении, с гордостью и чувством уважения к трудовому народу Румынии вступили воины на территорию страны, народ которой был обманут ее продажными правителями. 3 апреля овладели городом Серет. За образцовое выполнение заданий командования в боях с немецко-фашистскими захватчиками в предгорьях Карпат, выход на юго-западную государственную границу и проявленные при этом доблесть и мужество Президиум Верховного Совета СССР Указом от 18 апреля 1944 года наградил дивизию орденом Богдана Хмельницкого II степени.

В Львовско-Сандомирской операции в районе города Коломыя в бою у деревни Черемхов рядовой 5-й роты 7-го полка В. П. Майборский, будучи тяжело раненым, повторил подвиг А. Матросова. Вражеский дзот умолк. Наступление продолжалось успешно. В. П. Майборского, находившегося без сознания, подобрала санитары. После длительного лечения солдат выписался из госпиталя. В Москве, когда уже отгремел салют Победы, ему вручили орден Ленина и Золотую Звезду. В 1985 году В. П. Майборский зачислен почетным красноармейцем полка, в котором он служил.

Железная дивизия в начале августа 1944 года овладела городом Сколе. В дальнейшем она в составе 18-й армии 4-го Украинского фронта участвовала в Карпатско-Ужгородской, Западно-Карпатской и Моравско-Оставской операциях. Воины, выполняя интернациональный долг, проявили массовый героизм при преодолении Средневерецкого перевала, освобождении городов Требишова, Левоча, Липтовски-Свенци-Микулаш, Турзовка, Рожнов. В конце Великой Отечественной войны соединение участвовало в Пражской стратегической наступательной операции и закончило бое-

вой поход в мае 1945 года в районе моравского города Летолице.

В ходе Великой Отечественной войны воины дивизии выдержали тяжелейшие испытания, проявили массовый героизм, высокий патриотизм, моральную стойкость в сражениях. В 20 приказах Верховного Главнокомандующего лично составу дивизии объявлялись благодарности. В 11 из них упоминались номер дивизии и ее командир генерал-майор Ф. А. Прохоров. За личную храбрость, мужество и отвагу, проявленные в боях, 8965 солдат, сержантов и офицеров награждены орденами и медалями. Старшина П. Е. Ильин, сержанты И. А. Кошелев, И. Я. Кошель стали полными кавалерами ордена Славы. Генерал-майор Ф. А. Прохоров и снайпер Д. Аликулов удостоены ордена Ленина¹³.

24 июня 1945 года в Москве на Красной площади состоялся Парад Победы. Сводный полк 4-го Украинского фронта нес 35 Боевых Знамен соединений и частей, наиболее отличившихся в сражениях за Родину. Среди них было и Боевое Знамя Железной дивизии¹⁴.

Война на западе закончилась. Железная вернулась на Родину и встала на защиту мирного труда советского народа. Солдаты — воины старших возрастов возвращались домой. Судьба разбросала их по всей нашей необъятной стране. Совет ветеранов дивизии поддерживает связи с группами однополчан, проживающих в 27 городах. Все они ведут на местах большую полезную работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Многие ветераны находятся в трудовом строю.

Свято хранят память о ее доблестных воинах трудящиеся Ульяновска — родины Ильича. Здесь есть улица Железной дивизии, проспект Гая. 12 сентября 1968 года, в день 50-летия освобождения Симбирска от белогвардейцев, на берегу Волги перед памятником павшим героям был зажжен Вечный огонь славы в честь бойцов Симбирской Железной. У зеленой дубравы близ станции Охотничья 12 сентября 1972 года открыт мемориальный комплекс — памятное надгробие в ознаменование боев за Симбирск. В Бугуруслане в ноябре 1967 года воздвигнут монумент Славы в честь героев Бугурусланской и Белебеевской операций, в ходе которых полки Железной отличились особой храбростью. У деревень Трабы, Сурвилишки (БССР), где сражалась Железная в начале Великой Отечественной войны, воздвигнуты курганы Боевой славы самаро-ульяновцев. В Кривом Роге, ленинградской школе № 232, московской школе № 401 созданы музеи боевой славы, где отражены подвиги бойцов Железной.

Полковник в отставке И. Н. ПАВЛОВ

¹² См.: Комский Б. Г. и др. Славы овеянная. — Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1979. — С. 215—218.

¹³ ЦАМО, ф. 1098, оп. 2, л. 29, л. 80.

¹⁴ Там же, ф. 371, оп. 6376, д. 115, л. 20.

История строительства Советских Вооруженных Сил после Великой Отечественной войны

ИСТОРИЯ строительства Советских Вооруженных Сил — важная и актуальная тема, которая привлекает внимание исследователей как в нашей стране, так и за рубежом. Наиболее подробно изучены вопросы зарождения и становления армии и флота во время гражданской войны, их совершенствования и укрепления в предвоенные годы, развития и роста боевой мощи в ходе Великой Отечественной войны.

Однако в военно-исторических трудах, посвященных исследованию этой проблемы, имеются свои «белые пятна», прежде всего в области строительства Советских Вооруженных Сил в послевоенные годы. Поэтому так ценно появление фундаментального труда, в котором комплексно рассматривается военно-организаторская деятельность КПСС, Советского правительства по развитию Вооруженных Сил СССР во второй половине 40 — 80-х годах¹.

На богатом и интересном фактическом материале в книге убедительно показывается, что инициатором гонки вооружений после окончания второй мировой войны выступили США и их партнеры по НАТО. Миролюбивая политика Советского государства, его стремление к ограничению гонки вооружений всякий раз наталкивались на упорное стремление реакционных империалистических кругов достичь военного превосходства над СССР. Поэтому меры Советского Союза по укреплению Вооруженных Сил, повышению их боевой мощи и боеготовности, рассматриваемые в работе, носили вынужденный ответный характер.

В первой главе рассказывается о мероприятиях Коммунистической партии и Советского правительства, направленных на восстановление и развитие разрушенного войной народного хозяйства и перевод Вооруженных Сил на мирное положение.

Значительно сокращалась численность Вооруженных Сил, миллионы воинов возвращались к мирному, созидательному труду. Всего из армии и флота к 1948 году было демобилизовано около 8,5 млн. человек. Численность Советских Вооруженных Сил сократилась до 2 млн. 874 тыс. человек (с. 30).

Между тем развязывание империалистами «холодной войны» и дальнейшее обострение международной обстановки, вызванное созданием в 1949 году агрессивного военного блока НАТО, вынудили Советский Союз осуществить ряд мер по обеспечению безопасности страны. Была увеличена численность Вооруженных Сил, повысилась их техническая оснащенность, боеготовность и боеготовность.

В книге хорошо показаны результаты перевооружения армии и флота в первые послевоенные годы. Особо выделены работы по созданию в короткий срок отечественного ядерного оружия в ответ на «атомный шантаж» администрации США. Убедительные факты, приводимые автором, свидетельствуют о вынужденном характере деятельности советских ученых по созданию ядерных боеприпасов.

Правительство СССР делало все возможное, чтобы добиться запрещения нового смертоносного оружия, изъять его из военных arsenалов. Однако руководители США не вняли голосу разума, надеясь на свою монополию в ядерной области. Этим мечтам не суждено было сбыться: за короткий срок в Советском Союзе было разработано ядерное и термоядерное оружие, а также его носители — баллистические ракеты и стратегические бомбардировщики. Обладание СССР ракетно-ядерным оружием позволило коренным образом изменить весь облик армии и флота, а также организационную структуру Вооруженных Сил, взгляды на характер и способы ведения войны в новых условиях. Дальнейшее повышение обороноспособности Советского государства происходило по мере постоянного укрепления его экономического фундамента и внедрения достижений научно-технической революции.

С интересом будет воспринят читателями и раздел о послевоенной реорганизации армии и флота, об изменениях в структуре органов военного управления, рассмотрении вопросов подготовки кадров, организации партийно-политической работы в Вооруженных Силах.

Во второй главе автор отмечает, что сущность военно-технической революции в коренной перестройке Советских Вооруженных Сил заключалась в «резком, скачкообразном переходе к ракетно-ядерным

¹ Бабаков А. А. Вооруженные Силы СССР после войны (1945—1986 гг.). История строительства. — М.: Воениздат, 1987. — С. 287.

средствам борьбы с соответствующими им новыми способами достижения стратегических целей войны» (с. 73). Новое оружие поменяло все прежние представления о процессах подготовки и ведения войны, роли и значении в ней времени и пространства, театров военных действий, о соотношении видов вооруженных сил и родов войск, требованиях к боевой и мобилизационной готовности.

Осуществляя революцию в военном деле, Советский Союз стремился надежно защитить свои рубежи, все государства социалистического содружества. Опираясь на преимущества социалистической системы хозяйства, прогресс науки и техники, СССР провел переоснащение армии и флота самой современной техникой, усовершенствовал организацию Вооруженных Сил, обучение и воспитание личного состава. «При этом, — подчеркивает А. А. Бабаков, — Советский Союз ни в коей мере не ослаблял своих усилий в борьбе за мир» (с. 74).

Тем не менее руководящие круги Запада, выполняя волю заправил военно-промышленного комплекса, отвергали советские мирные предложения. В книге подробно освещается лихорадочная деятельность американских империалистических кругов по усилению гонки ядерных вооружений, наращиванию вооруженных сил, использование их для обеспечения гегемонистского военно-политического курса. Руководствуясь агрессивной доктриной «массированного возмездия», они развернули мощные военно-воздушные силы, насчитывавшие в начале 60-х годов около 1900 дальних и средних бомбардировщиков, способных доставить к целям в одном вылете более 4700 ядерных бомб. Стремясь увеличить свое военное превосходство, США первыми начали разработку межконтинентальных баллистических ракет (МБР).

Доктрина «массированного возмездия» и порожденный ею курс не принесли американским милитаристам желаемых результатов: создание в СССР мощных и надежных МБР — носителей ядерного оружия опрокинуло основы заокеанской стратегии, поскольку территория Соединенных Штатов стала досягаемой для ответного удара.

Агрессивные стремления США и стран НАТО вынуждали ЦК КПСС и Советское правительство принимать меры по укреплению безопасности СССР, народов братских стран. За короткий срок было осуществлено переоснащение Советских Вооруженных Сил на базе ракетно-ядерного оружия. Создание в 1959 году Ракетных войск стратегического назначения (РВСН) явилось мощным средством сдерживания потенциального агрессора. Кроме того, как отмечает автор, появление в составе Советских Вооруженных Сил нового и важнейшего их вида — РВСН — заложило прочный фундамент для установления военного паритета.

Одновременно решались вопросы строительства и других видов Вооруженных

Сил, которые переводились на качественно новую материально-техническую базу. В книге содержится анализ развития Сухопутных войск, Войск противовоздушной обороны, Военно-Воздушных Сил, Военно-Морского Флота. Изменения, происходившие в армии и на флоте, вызвали эволюцию их организационной структуры, повысились требования к органам военно-политического и стратегического руководства и управления.

Ряд страниц посвящен рассказу об образовании в 1955 году Организации Варшавского Договора, ставшей важнейшим фактором системы коллективной безопасности социалистических стран, позволившей объединить их экономические ресурсы, политические и военные усилия в целях сохранения мира и стабильности в Европе.

В третьей главе делается вывод, что к концу 60-х годов был достигнут военно-стратегический паритет. Он явился результатом огромных усилий Коммунистической партии и нашего народа, научного и трудового подвига многих советских ученых и конструкторов, инженеров и рабочих оборонной промышленности, мужества испытателей, самоотверженного труда личного состава армии и флота.

Научно-техническая революция и вызванные ею крупные преобразования в военном деле стали важной ступенью в строительстве Вооруженных Сил и привели к усилению тенденции к выравниванию военно-стратегического потенциала двух систем — социалистического и капиталистического. Так, после образования в Соединенных Штатах наступательной стратегической «триады» Советский Союз во второй половине 60-х годов создал собственные аналогичные силы, также включающие межконтинентальные баллистические ракеты, атомные ракетные подводные лодки и стратегическую авиацию. Это явилось вынужденной мерой в ответ на угрозу, исходящую со стороны США, и одновременно крупным шагом на пути к установлению паритета, показавшим насущную необходимость переговоров о сокращении стратегических вооружений.

Направление строительства Советских Вооруженных Сил в 70-е годы во многом определялось необходимостью сохранения военно-стратегического равновесия между двумя системами. Подписание в 1972 году Договора по ПРО, Временного соглашения об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1), Договора 1979 года ОСВ-2 заложило прочный фундамент для прекращения гонки вооружений и поэтапного сокращения ядерных арсеналов сторон. Однако в последующем американская администрация прервала процесс разоружения, отказалась от ратификации Договора ОСВ-2, перестав соблюдать его основные положения.

Борьбе Советского Союза в 70 — 80-е годы за сохранение паритета — основы международной безопасности — посвящена четвертая глава книги. В условиях развязывания империалистическими кругами

США нового витка гонки вооружений, переноса ее в космос эта деятельность имела особо важное значение. Автор обращает внимание читателей на то, что в этой сложной обстановке СССР в 1982 году принял в одностороннем порядке обязательство никогда не применять первым ядерное оружие.

XXVII съезд КПСС сформулировал выводы и положения в области военного строительства, вытекающие из необходимости мирного сосуществования, в условиях новой стратегической ситуации в мире. В книге отмечается, что в их числе были: поддержание равной безопасности политическими мерами, а не военно-техническими средствами; выработка критериев и установление уровней разумной величины военных потенциалов двух систем; обеспечение до 2000 года поэтапной ликвидации ядерного оружия, сокращения вооруженных сил и боевой техники; создание всеобъемлющей системы международной безопасности; публичное провозглашение оборонительного характера и содержания советской военной доктрины и др. В опубликованной в мае 1987 года военной доктрине Организации Варшавского Договора в концентрированном виде воплощены новые взгляды на строительство социалистических армий, проблемы сокращения вооружений и предотвращения войны, как ядерной, так и обычной. Они нашли отражение в строительстве Советских Вооруженных Сил.

В труде подчеркивается зависимость оборонной мощи от уровня экономического и социально-политического развития советского общества, его идейной зрелости. Автор приходит к обоснованному выводу: наши Вооруженные Силы совершенствуются с учетом реальной международной обстановки, уровня развития науки и техники, интересов обеспечения безопасности своего государства и стран социалистического содружества. Рассматривается как социально-политическая, так и организационно-техническая сторона строительства армии и флота, раскрывается диалектическая взаимосвязь между ними. Значительный интерес вызывает раздел книги, посвященный принципам строительства Вооруженных Сил СССР, вытекающим из Программы партии и решений XXVII съезда КПСС.

Имеются в книге и отдельные недостат-

ки. Например, некоторым вопросам, непосредственно связанным с историей строительства Вооруженных Сил, можно было бы уделить больше места, особенно изменениям в штатной организации войск и в боевой подготовке в связи с появлением ядерного оружия, а также новому в партийно-политической работе, значительному совершенствованию организационной структуры, органов руководства и т. п.

Подробно и всесторонне показать весь сложный комплекс вопросов военного строительства за сорок послевоенных лет в рамках одного труда практически невозможно. Поэтому ряд положений, поднятых в книге А. А. Бабакова, требует дальнейших исследований с учетом требований перестройки.

На наш взгляд, целесообразно также дать всестороннюю оценку проведенного в 50-х — начале 60-х годов одностороннего значительного сокращения армии и флота, свидетельствовавшего о миролюбии СССР. Существует мнение: ряд мероприятий при этом провели успешно и недостаточно продуманно, что сыграло определенную негативную роль в строительстве Советских Вооруженных Сил.

Имеются и частные, пограничные замечания. На с. 39 можно найти «осколочные фугасные снаряды», а следовало бы «осколочно-фугасные». В настоящее время принят термин не «противотанковые управляемые снаряды» (с. 99), а «противотанковые управляемые ракеты» (ПТУР). На с. 101 говорится о танковых войсках в середине 50-х годов. Но они стали так называться только с 1960 года (с 1954 г. — бронетанковые войска). Сверхзвуковой истребитель МиГ-21 (с. 104) имел не стреловидное, а треугольное в плане крыло. Однако все указанное не снижает большую научную и познавательную ценность труда.

В целом книга А. А. Бабакова о послевоенном строительстве Вооруженных Сил СССР обогатила советскую военную историографию. Она положила начало весьма актуальному в современных условиях глубокому исследованию интересного и важного периода в истории нашей армии и флота. Желательно, чтобы дальнейшие работы в этой области были продолжены.

*Генерал-майор Л. Г. ИВАНОВ,
кандидат исторических наук*

Адрес редакции:

103160, Москва, К-160,
«Военно-исторический
журнал».
Тел. 147-40-39,
147-44-47,
147-51-17.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. Г. Хорьков (главный редактор),
В. В. Гуркин, И. С. Даниленко, К. Ф. Калашников,
И. Е. Крупченко, П. Т. Куницкий (зам. главного редактора),
П. Н. Лашенко, Ю. К. Лоскутов (отв. секретарь),
А. М. Майоров, А. П. Марышев, Б. В. Панов,
В. А. Соколов, А. Н. Федорченко, В. П. Хробостов.

Художественный редактор Л. П. Демахина.

Сдано в набор 7.05.88 г.

Подписано к печати 24.06.88 г.

Г-21655

Бумага 70×108¹/₁₆ — 8,4 усл. печ. л.

9,3 учет.-изд. л. Высокая печать.

Зак. 993

Цена 60 коп

Ордена «Знак Почета» типография газеты «Красная звезда»,
Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Военно- ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

АВГУСТОВСКИЙ номер журнала откроет статья „Воспитывать на революционных и боевых традициях“.

Дню Воздушного Флота СССР посвящены материалы: „Участие авиации в защите коммуникаций на Ладоге“; „Огненный таран Михаила Кривцова“; „Оружие воздушного боя“.

Продолжается обсуждение проблем начального периода войны. В очередном номере будут рассмотрены некоторые вопросы организации и ведения боевых действий советских войск по опыту Юго-Западного фронта.

Планируется к опубликованию статья о необходимости преодоления стереотипов антисоветизма и подозрительности в буржуазной военной историографии.

Кроме того, готовятся статьи и очерки, посвященные 100-летию со дня рождения видных советских военачальников гражданской войны Б. М. Думенко и А. И. Геккера, 70-летию создания 5-й Краснознаменной армии, военно-санитарной службе в годы войны, а также научные сообщения и другие материалы.

НОВЫЕ КНИГИ

ГРОМЫКО А. А. Памятиов. — Кн. 2. — М.: Политиздат, 1988. — 416 с. — 2 р.

Вторая книга воспоминаний А. А. Громыко охватывает обширный жизненный материал. Автор размышляет о проблемах войны и мира, об „американском направлении“ советской внешней политики, о дипломатическом искусстве, о встречах с выдающимися мастерами советской культуры, о значении XXVII съезда КПСС.

КУЙБЫШЕВ В. В. Избранные произведения. — В 2 томах. — Том первый. 1917 — 1928 гг. — М.: Политиздат, 1988. — 480 с. — 1 р. 40 к.

Сборник избранных произведений выходит к 100-летию со дня рождения В. В. Куйбышева — выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства. В издание включены важнейшие, наиболее актуальные статьи, доклады, речи, беседы В. В. Куйбышева по вопросам партийной работы и социалистического строительства. Они раскрывают его деятельность в периоды борьбы за победу социалистической революции, защиты ее завоеваний.

Особое внимание уделяется его работе в ЦКК — РКИ, а также на посту председателя ВСНХ и Госплана СССР по практическому осуществлению политики социалистической индустриализации, выработке народнохозяйственных планов первой и второй пятилеток. Публикуемые выступления и документы В. В. Куйбышева отражают многие вопросы, относящиеся к методам социалистического хозяйствования, опыту технического перевооружения предприятий, режиму экономии, снижению себестоимости, улучшению качества продукции и др. Многие документы публикуются впервые.

ВАСИЛЕВСКИЙ А. М. Дело всей жизни. — Кн. 1. — Изд. 6-е. — М.: Политиздат, 1988. — 320 с. — 1 р. 20 к.

Эта книга выдержала уже пять изданий, но каждый раз читатель встречает ее с интересом и волнением. Делом всей жизни для Маршала Советского Союза А. М. Василевского стала защита Родины. Вспоминая свой боевой путь, он рассказывает о людях, воспитавших его и обучивших военной профессии, о славной истории Советских Вооруженных Сил. Настоящее издание подготовлено в двух книгах. В первую включены главы, рассказывающие о довоенном периоде жизни А. М. Василевского и о первых военных годах (1941 — 1943 гг.).

БУРЛАЦКИЙ Федор. Новое мышление. Диалоги и суждения о технологической революции и наших реформах. — М.: Политиздат, 1988. — 336 с. — 1 р. 50 к.

Автор книги — ученый, публицист, политический обозреватель „Литературной газеты“ профессор Федор Бурлацкий известен читателю по книгам „Мао Цзэдун“, „Загадка и урок Никколо Макиавелли“, пьесам „Бремя решения“, „Два взгляда из одного кабинета“ и другим. Его новая книга — о формировании нового мышления, о перестройке нашего общества, об углублении демократии, усилении гласности, о борьбе против застарелых стереотипов.

ДРАБКИНА Елизавета. Зимний перевал. — М.: Политиздат, 1988. — 272 с. — 85 к.

Содержание книги емко выражено самим автором: „Передо мною труднейшая задача — я хочу попытаться рассказать, как сумею, о тех годах, которые обычно называют годами перехода к новой экономической политике и которые являются последними годами жизни Владимира Ильича Ленина“. Написанная более 20 лет назад, книга и сегодня вызовет большой интерес затронутыми в ней проблемами: государственным, хозяйственными, нравственными. Книжный вариант „Зимнего перевала“ публикуется впервые.

КОНЕНКОВ С. Т. Мой век. Воспоминания. — Изд. 2-е, доп. — М.: Политиздат, 1988. — 384 с. — 1 р. 10 к.

Предлагаемые читателю воспоминания народного художника СССР, лауреата Ленинской премии, Героя Социалистического Труда С. Т. Коненкова, прожившего 97 лет, ярко показывают неразрывную связь ваятеля с народом, с жизнью Родины. Они вызовут интерес у самого широкого круга читателей. В настоящее издание включены также отрывки из книги С. Т. Коненкова „Воспоминания. Статьи. Письма“.

О Надежде Крупской. Воспоминания, очерки, статьи современников. — М.: Политиздат, 1988. — 304 с. — 1 р. 10 к.

Авторы очерков и воспоминаний, включенных в книгу, — выдающиеся государственные и партийные деятели, художники, писатели, товарищи Надежды Константиновны, знавшие ее по совместной работе. Они рисуют яркий и обаятельный образ жены и соратницы В. И. Ленина, стойкого борца за дело рабочего класса.

ТРУШ М. И. Международная деятельность В. И. Ленина. Защита завоеваний социалистической революции, 1919 — 1920. — М.: Политиздат, 1988. — 400 с. — 2 р.

Данное издание является продолжением вышедшей в 1986 году книги „Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября“. В хронологической последовательности, день за днем, на основе документов и фактов показана практическая внешнеполитическая деятельность В. И. Ленина в 1919 — 1920 гг., в один из самых сложных для Страны Советов периодов борьбы с внутренней контрреволюцией, интервенцией и дипломатической изоляцией, организованной империалистическими руководителями стран Антанты. В книге нашла отражение работа В. И. Ленина по созданию Коминтерна и проведению его I и II Конгрессов. В издание включены иллюстрации того времени.

ШАРИПОВ А. А. Судьба полководца. — М.: Воениздат, 1988. — 431 с. — 1 р. 30 к.

Генерал армии Иван Данилович Черняховский в 37 лет стал командовать войсками 3-го Белорусского фронта. Дважды был удостоен звания Героя Советского Союза. О яркой жизни этого талантливого человека, о трудной и сложной судьбе одного из выдающихся полководцев Великой Отечественной войны и рассказывается в этом историческом повествовании.